ISSN 2541-9285 № 10(115) 2026

МИРОВАЯ НАУКА

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ЭЛЕКТРОННОЕ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ
ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

«Мировая наука»

http://www.science-j.com

ISSN 2541-9285

УДК 004.02:004.5:004.9

ББК 73+65.9+60.5

Свидетельство о регистрации
средства массовой коммуникации
ЭЛ № ФС 77 - 68842
от 28.02.2017г.

Выпуск № 10(115) (октябрь, 2026).Сайт: http://www.science-j.com

Журнал включен в систему НЭБ (e-library) № 594-09/2013 от 26.09.2013

Тематика журнала: актуальные вопросы современной экономики и социологии - от теоретических и экспериментальных исследований до непосредственных результатов управленческой и производственной деятельности. Публикации в журнале учитываются как опубликованные работы при защите диссертаций на соискание ученых степеней России и зарубежья.

РАЗДЕЛЫ НОМЕРА:

Основной раздел
Естественные и технические науки
Гуманитарные и общественные науки

© Институт управления и социально-экономического развития, 2026

Редакционный совет:

Алкаров И.Ш., кандидат физико-математических наук, доцент,

Ахмадалиев С.Й., кандидат педагогических наук,

Гаипов Ж.Б., доктор философии по экономическим наукам,

Давлетмуратова В.Б., кандидат биологических наук, доцент,

Джумабаев Г.Х. - доктор технических наук (DSc), доцент.

Жангабаева А.С., доктор философии по сельскохозяйственным наукам (PhD), доцент,

Жуманов О.С., кандидат педагогических наук, доцент,

Зарайский А.А., доктор филологических наук, профессор,

Камалов А.Ф., доктор философии по педагогическим наукам (PhD), доцент,

Касимова О.Х., доктор философии по педагогическим наукам (PhD),

Мамаев Г.И., доктор философии по техническим наукам,

Матуразова Э.М., кандидат биологических наук, доцент,

Матякубов А.С., доктор физико-математических наук (DSc), доцент,

Мехмонов Р.Ю., доктор философии по педагогическим наукам (PhD),

Мырзанов Б.Ж., доктор экономических наук (PhD), доцент,

Муратова Ш.Н., доктор философии по психологических наукам (PhD),

Нарманов А.Х., доктор философии по педагогическим наукам (PhD), доцент,

Оразбаева Г., доктор философии по педагогическим наукам (PhD),

Отакулов Ш.М., доктор философии в области политических наук (PhD), доцент,

Паксютова Е.В., кандидат технических наук, доцент,

Постюшков А.В., доктор экономических наук, профессор,

Рахимбердиев И.У., кандидат экономических наук, доцент,

Рахиммирзаев С.Б., кандидат психологических наук, PhD,

Ромашкин Т.В., кандидат экономических наук, доцент,

Сеитназаров К.К., доктор технических наук, профессор,

Сейтназров С.К., кандидат биологических наук, доцент,

СмирноваТ.В., доктор социологических наук, профессор,

Ташболтаева Т.А., доктор философии по филологии, доцент,

Торениязова С.Е., доктор философии по сельскохозяйственным наукам (PhD), доцент,

Тошматова Ш.Р., кандидат биологических наук, доцент,

Тургунов Э., доктор химических наук, доцент,

Турдиев Ф.К., доктор философии по педагогическим наукам (PhD), доцент,

Туреева К.Ж., доктор философии по биологическим наукам (PhD), доцент,
Турсынбаев Х.Е., кандидат биологических наук, доцент,
Тягунова Л.А., кандидат философских наук,
Устинова Н.Г., кандидат экономических наук, доцент,
Федорова Ю.В., доктор экономических наук, профессор,
Фролова Н.Б., кандидат физико-математических наук, доцент,
Хайдарова С., кандидат технических наук, доцент,
Хайдарова М.Ю., кандидат технических наук, доцент,
Хаитов Э.Б., доктор философии в области политических наук (PhD),
Халикулова Г.Т., доктор философии по экономическим наукам (PhD),
Хамдамов Б.И., кандидат физико-математических наук, доцент,
Шакиров К.Ж., доктор сельскохозяйственных наук, доцент,
Эшназарова М.Ю., кандидат педагогических наук, доцент.

Главный редактор: Тягунова Людмила Анатольевна

ОСНОВНОЙ РАЗДЕЛ

DOI 10.24412/2541-9285-2026-10115-5-11

Abrahamyan A.
geography teacher
Robert Abajyan Basic School No. 147

THE APPLICATION OF THE CLIMATE BOX IN THE GEOGRAPHY TEACHING PROCESS

Abstract: *The aim of this article is to analyse the potential of using the Climate Box educational toolkit in geography teaching within the context of education for sustainable development and the development of environmental culture. The article examines the theoretical foundations of the Climate Box, the structure of the toolkit, its application in geography lessons, and its potential to enhance students' environmental knowledge and practical skills.*

Keywords: *sustainable development, education for sustainable development, environmental education, climate education, Climate Box, environmental culture, geography teaching, environmental literacy.*

Անուշ Աբրահամյան Աշոտի
աշխարհագրության ուսուցիչ
Ռոբերտ Աբաջյանի անվան թիվ 147 հիմնական դպրոց

ԿԼԻՄԱՅԱԿԱՆ ԱՐԿՂԻԿԻ ԿԻՐԱՌՈՒԹՅՈՒՆԸ ԱՇԽԱՐՀԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ՈՒՍՈՒՑՄԱՆ ԳՈՐԾԸՆԹԱՑՈՒՄ

Համառոտագիր: *Աշխատանքում վերլուծվում է «Կլիմայական արկղիկ» կրթական գործիքակազմի կիրառման հնարավորությունները աշխարհագրության դասավանդման գործընթացում կայուն զարգացման կրթության և էկոլոգիական մշակույթի ձևավորման համատեքստում: Քննարկվում են կլիմայական արկղիկի կիրառման տեսական հիմքերը, գործիքակազմի կառուցվածքը, դրա կիրառությունը աշխարհագրության դասերին և սովորողների բնապահպանական գիտելիքների ու գործնական կարողությունների զարգացման հնարավորությունները:*

Հիմնաբառեր՝ կայուն զարգացում, կրթություն հանուն կայուն զարգացման, բնապահպանական կրթություն, կլիմայական կրթություն, «Կլիմայական արկղիկ», բնապահպանական մշակույթ, աշխարհագրության ուսուցում, բնապահպանական գրագիտություն:

Ներածություն: Կլիմայական արկղիկի կիրառությունը աշխարհագրության ուսուցման գործընթացում արդիական է, քանի որ այն նպաստում է սովորողների տեսական գիտելիքների ամրապնդմանը,

կլիմայական երևույթների գործնական ուսումնասիրմանը և հետազոտական կարողությունների զարգացմանը: Դրա նշանակությունը պայմանավորված է կլիմայական գրագիտության ձևավորմամբ, բնության նկատմամբ պատասխանատու վերաբերմունքի խթանմամբ և աշխարհագրության դասավանդման արդյունավետության բարձրացմամբ:

Գրականության ակնարկ: Կայուն զարգացումը հասարակության սոցիալ-տնտեսական առաջընթացի մոդել է, որի նպատակն է բարձրացնել կենսամակարդակը՝ ապահովելով բնական ռեսուրսների արդյունավետ օգտագործումը, շրջակա միջավայրի պահպանումը և ներկա ու ապագա սերունդների պահանջմունքների հավասարակշռությունը: Այն էկոլոգիական անվտանգության և կայունության ապահովման կարևոր նախապայման է 1:

Կայուն զարգացումը այս առումով կարելի է բնութագրել որպես զարգացման տնտեսական, բնապահպանական և սոցիալական գերակայությունների միջև փոխհամաձայնություն կամ փոխզիջում ապահովելու ձգտում:

Դա բավական ակնառու ցույց է տալիս ներկայացված գծապատկերը2:

Գծապատկեր 1.
Կայուն զարգացման եռամիությունը

Այսպիսով, կայուն զարգացման կենտրոնական խնդիրը բնապահպանության և տնտեսության փոխկապման անհրաժեշտությունն է: Իրական կյանքում դրանք ինտեգրված են, սակայն գործնականում տնտեսական որոշումները կայացվում են՝ առանց հաշվի առնելու բնական ռեսուրսների վերարտադրությունը և բնական միջավայրի մյուս սահմանափակումները, որոնք բխում են դրա պահպանման ու փոփոխության օրենքներից: Այդ իսկ պատճառով կարևորվում է բնապահպանական և կայուն զարգացման կրթության կապի պահպանումը:

Լ. Յու. Իվանովան, ուսումնասիրելով էկոլոգիական կրթության և կայուն զարգացման կրթության վիճակն ու հեռանկարները, ուշադրություն է

[1] Մարուխյան Ռ., Հովհաննիսյան Լ, Էկոլոգիական մենեջմենթ դասագիրք, Երևան 2009թ., էջ 27:
[2] United Nations Environment Programme (UNEP), www.unep.org

հրավիրում կրթական նպատակների և դրանց գործնական իրականացման միջև առկա խնդիրներին: Հեղինակի կարևոր է այն, որ էկոլոգիական կրթության զարգացումը դիտարկվում է ոչ միայն ուսումնական ծրագրերի բովանդակության, այլև կրթական համակարգի կազմակերպման տեսանկյունից[3]:

Յու. Մ. Գրիշաևայի, Ա. Վ. Տերեմովի, Մ. Ա. Գոնչարովի և Մ. Վ. Արգունովայի հետազոտության մեջ էկոլոգիական կրթության նպատակը կապվում է անհատի էկոլոգիական մշակույթի և էկոլոգիական գործառութային գրագիտության ձևավորման հետ: Հեղինակները ներկայացնում են կրթական գործընթացի մեթոդական պայմանները և ընդգծում, որ էկոլոգիական կրթության բովանդակությունը պետք է հնարավորություն ընձեռի սովորողին կիրառելու գիտելիքները գործնական իրավիճակներում[4]:

Այս մոտեցման հիման վրա կարելի է առանձնացնել էկոլոգիական կրթության երեք փոխկապակցված բաղադրիչ:

Առաջինը գիտելիքային բաղադրիչն է, որը ներառում է կլիմայի փոփոխության պատճառների, բնական համակարգերի արձագանքների և մարդածին ազդեցությունների ըմբռնումը: Երկրորդը արժեքային բաղադրիչն է, որն արտահայտվում է բնության նկատմամբ պատասխանատու վերաբերմունքով և բնական ռեսուրսների պահպանության կարևորության գիտակցմամբ: Երրորդը գործնական բաղադրիչն է՝ բնապահպանական խնդիրների ուսումնասիրության, հնարավոր լուծումների առաջարկման և գիտելիքները առօրյա կյանքում կիրառելու կարողությունը:

Այս բաղադրիչների միավորումը հնարավորություն է տալիս էկոլոգիական կրթությունը կապելու կայուն զարգացման նպատակների հետ: Միաժամանակ անհրաժեշտ է տարբերակել տեսականորեն հիմնավորված կրթական նպատակը և փաստացի արձանագրված արդյունքը. օրինակ՝ բնապահպանական նյութերի ուսումնասիրությունը կարող է նպաստել պատասխանատու վերաբերմունքի զարգացմանը, սակայն դրա իրական փոփոխությունը պետք է հաստատվի դիտարկման կամ հետազոտության տվյալներով:

Այս դիտարկումը հիմք է տալիս ուսումնասիրելու այնպիսի կրթական միջոցներ, որոնք կարող են բնապահպանական խնդիրները կապել սովորողների առօրյա փորձի հետ: Այդ միջոցներից է «Կլիմայական արկղիկը» (Climate Box), որը մշակվել է կլիմայի փոփոխության վերաբերյալ գիտելիքների տարածման և բնապահպանական կրթությանն աջակցելու նպատակով:

Հետազոտության մեթոդաբանությունը: Հետազոտության մեթոդաբանական հիմքը կազմում են գիտական գրականության ուսումնասիրության, նկարագրական և համեմատական վերլուծության,

[3] Иванова Л. Ю., «Экологическое образование и образование для устойчивого развития в российской школе: настоящее и будущее», 2017, էջ 90–112

[4] Гришаева Ю. М., Теремов А. В., Гончаров М. А., Аргунова М. В., «Научно-методические аспекты экологического образования школьников», 2024, էջ 925–930

մանկավարժական դիտարկման և SWOT վերլուծության մեթոդները: Ուսումնասիրվել են «Կլիմայական արկղիկի» բաղադրիչները՝ պատկերազարդ ձեռնարկը, հարցաշարերը, խաղային քարտերը, կլիմայական ազդեցությունների քարտեզը և ածխածնային հետքի նվազեցման վերաբերյալ պաստառները՝ գնահատելով դրանց կիրառման հնարավորությունները աշխարհագրության ուսուցման գործընթացում: SWOT վերլուծության միջոցով բացահայտվել են գործիքակազմի ուժեղ և թույլ կողմերը, ինչպես նաև դրա կիրառման հնարավորություններն ու հավանական խոչընդոտները: Առանձնահատուկ ուշադրություն է դարձվել գործիքակազմի տեղայնացմանը՝ Հայաստանի կլիմայական և բնապահպանական խնդիրների ուսումնասիրման, սովորողների հետազոտական ու քարտեզագրական հմտությունների զարգացման և կայուն զարգացման վերաբերյալ գիտելիքների ձևավորման համատեքստում:

Վերլուծություն: «Կլիմայական արկղիկը» կլիմայի փոփոխության վերաբերյալ ուսումնական նյութերի հավաքածու է, որը նախատեսված է դպրոցականների և ուսուցիչների համար:

Գործիքակազմը ներառում է պատկերազարդ ուսումնական ձեռնարկ, հարցաշարեր, խաղային քարտեր, կլիմայական ազդեցությունների քարտեզ, ածխածնային հետքի նվազեցման վերաբերյալ պաստառներ և ուսուցիչների համար նախատեսված նյութեր: Դրանցից յուրաքանչյուրը կարող է օգտագործվել ուսումնական տարբեր նպատակներով՝ կախված դասի բովանդակությունից և սովորողների տարիքային առանձնահատկություններից:

Գործիքակազմի հիմնական առանձնահատկությունը կլիմայական թեմաների ներկայացման բազմաձևությունն է: Տեսողական նյութերը հնարավորություն են տալիս բացատրել վերացական գիտական հասկացությունները, քարտեզները՝ դիտարկել տարածական տարբերությունները, իսկ խաղային առաջադրանքները՝ ամրապնդել գիտելիքները և խթանել սովորողների մասնակցությունը:

Այնուամենայնիվ, «Կլիմայական արկղիկը» նպատակահարմար է դիտարկել որպես ուսուցչի աշխատանքի օժանդակ միջոց, այլ ոչ թե ինքնաբավ մեթոդ: Դրա արդյունավետությունը կախված է ուսումնական նպատակի հստակությունից, առաջադրանքների ճիշտ ընտրությունից, դասի ընթացքում կազմակերպվող քննարկումներից և սովորողների ինքնուրույն գործունեությունից:

Աշխարհագրության ուսուցման գործընթացում «Կլիմայական արկղիկի» կիրառումը հնարավորություն է տալիս կլիմայական խնդիրները դիտարկել տարածական և պատճառահետևանքային կապերի շրջանակում: Աշխարհագրությունը կապում է բնական գործընթացները բնակչության, տնտեսության և տարածքային զարգացման առանձնահատկությունների հետ, ուստի կլիմայական թեմաների ուսումնասիրությունը կարող է իրականացվել միջառարկայական մոտեցմամբ:

Գործիքակազմի կիրառման առաջին ուղղությունը կլիմայի փոփոխության պատճառների և հետևանքների ուսումնասիրությունն է:

Ուսուցիչը կարող է ձեռնարկի նյութերի օգնությամբ բացատրել ջերմոցային էֆեկտը, մարդու գործունեության ազդեցությունը և կլիմայական փոփոխությունների հնարավոր հետևանքները: Կարևոր է, որ բացատրությունները հիմնվեն գիտական տվյալների վրա և սովորողներին հնարավորություն տան տարբերակելու բնական կլիմայական փոփոխությունները մարդածին ազդեցություններից:

Երկրորդ ուղղությունը քարտեզագրական աշխատանքն է: Կլիմայական քարտեզների ուսումնասիրության միջոցով սովորողները կարող են համեմատել տարբեր տարածքների պայմանները, բացահայտել կլիմայական ռիսկերի տարածական տարբերությունները և քննարկել դրանց ազդեցությունը բնակչության ու տնտեսության վրա: Այս աշխատանքի ընթացքում զարգանում են քարտեզների ընթերցման, տեղեկատվության համադրման և աշխարհագրական եզրակացություններ կատարելու հմտությունները:

Երրորդ ուղղությունը խմբային և խաղային ուսուցումն է: Հարցաշարերն ու քարտերը կարելի է կիրառել դասի տարբեր փուլերում՝ նախնական գիտելիքների բացահայտման, նոր նյութի ամրապնդման կամ ամփոփման նպատակով: Ուսուցիչը կարող է սովորողներին առաջարկել հիմնավորել իրենց պատասխանները և համեմատել տարբեր լուծումներ՝ խուսափելով խաղը միայն ճիշտ պատասխանը գուշակելու գործընթացի վերածելուց:

Չորրորդ ուղղությունը նախագծային գործունեությունն է: Օրինակ՝ սովորողները կարող են ուսումնասիրել դպրոցի էլեկտրաէներգիայի օգտագործման սովորույթները, ջրի խնայողության հնարավորությունները, թափոնների տեսակավորման կազմակերպումը կամ համայնքի կանաչ տարածքների պահպանության խնդիրները: Այսպիսի աշխատանքները կապում են դասագրքային գիտելիքները տեղական միջավայրի հետ և թույլ են տալիս սովորողներին առաջարկել իրագործելի լուծումներ:

Հայաստանի կրթական միջավայրում «Կլիմայական արկղիկի» կիրառման կարևոր ուղղություններից մեկը համազգային և տեղական բնապահպանական խնդիրների միջև կապի հաստատումն է: Սովորողները կարող են ուսումնասիրել ջրային ռեսուրսների պահպանությունը, երաշտի ռիսկերը, հողերի դեգրադացիան, գյուղատնտեսության խոցելիությունը և բնակավայրերի բնապահպանական խնդիրները:

Տեղայնացումը ենթադրում է ոչ միայն Հայաստանի վերաբերյալ օրինակների ընտրություն, այլև դրանց գիտական վերլուծություն: Օրինակ՝ ջրային ռեսուրսների վերաբերյալ նախագծում անհրաժեշտ է հաշվի առնել կլիմայական գործոնները, ջրօգտագործման առանձնահատկությունները և կառավարման խնդիրները: Այս կերպ սովորողները սովորում են, որ բնապահպանական խնդիրները հաճախ պայմանավորված են մի քանի գործոնների համատեղ ազդեցությամբ:

Այսպիսի մոտեցումը համահունչ է գիտական գրականության մեջ ներկայացված այն դիրքորոշմանը, ըստ որի էկոլոգիական կրթության նպատակը պետք է կապվի ոչ միայն գիտելիքների փոխանցման, այլև

էկոլոգիական մշակույթի և գործառութային գրագիտության ձևավորման հետ[5]:

«Կլիմայական արկղիկի» կիրառության SWOT վերլուծությունը աշխարհագրության ուսուցման գործընթացում

Ուժեղ կողմեր (Strengths)	**Թույլ կողմեր (Weaknesses)**
Կլիմայական թեմաների տեսողական և մատչելի ներկայացում:	Գործիքակազմի արդյունավետությունը կախված է ուսուցչի մեթոդական պատրաստվածությունից:
Սովորողների ակտիվ մասնակցության և հետաքրքրվածության խթանում:	Որոշ նյութեր կարող են պահանջել լրացուցիչ բացատրություն և տեղայնացում:
Քարտեզների, հարցաշարերի, խաղային քարտերի և պաստառների բազմազանություն:	Գործիքակազմը չի փոխարինում գիտական տվյալների և դասագրքային նյութերի խորքային ուսումնասիրությանը:
Քննադատական մտածողության, հետազոտական և համագործակցային հմտությունների զարգացում:	Գործնական աշխատանքների կազմակերպումը կարող է սահմանափակվել ժամանակի և նյութական միջոցների պակասով:
Հնարավորություններ (Opportunities)	**Սպառնալիքներ (Threats)**
Կլիմայական կրթության ինտեգրում աշխարհագրության և այլ առարկաների դասավանդման մեջ:	Դպրոցների նյութատեխնիկական և տեխնոլոգիական հնարավորությունների անհավասարություն:
Հայաստանի տեղական կլիմայական և բնապահպանական խնդիրների ուսումնասիրություն:	Սովորողների կողմից կլիմայական երևույթների ոչ լիարժեք կամ սխալ մեկնաբանում:
Նախագծային, խմբային և հետազոտական ուսուցման զարգացում:	Դասաժամերի սահմանափակ տևողություն և ուսումնական ծրագրի ծանրաբեռնվածություն:
Բնապահպանական պատասխանատվության և կայուն զարգացման արժեքների ձևավորում:	Ոչ արդիական կամ չստուգված տվյալների օգտագործման վտանգ:

SWOT վերլուծությունը ցույց է տալիս, որ «Կլիմայական արկղիկի» հիմնական առավելությունը կլիմայական գիտելիքների տեսական և գործնական բաղադրիչների համադրումն է, որը նպաստում է սովորողների ակտիվ ներգրավվածությանը և հետազոտական կարողությունների զարգացմանը: Միաժամանակ դրա արդյունավետությունը պայմանավորված է ուսուցչի մեթոդական պատրաստվածությամբ, առաջադրանքների նպատակային ընտրությամբ և գիտականորեն հավաստի նյութերի կիրառմամբ: Գործիքակազմի հնարավորությունները լիարժեք օգտագործելու համար նպատակահարմար է այն հարմարեցնել Հայաստանի աշխարհագրական պայմաններին, կիրառել տեղական օրինակներ և կազմակերպել նախագծային ու խմբային աշխատանքներ: Այս մոտեցումը թույլ կտա նվազեցնել առկա սահմանափակումների ազդեցությունը և

[5] Гришаева Ю. М., Теремов А. В., Гончаров М. А., Аргунова М. В., «Научно-методические аспекты экологического образования школьников», 2024, էջ 925–930

նպաստել կլիմայական գրագիտության, բնապահպանական պատասխանատվության ու կայուն զարգացման վերաբերյալ գիտելիքների ձևավորմանը:

Եզրակացություն

«Կլիմայական արկղիկի» կիրառությունը կայուն զարգացման կրթության համատեքստում հնարավորություն է տալիս կլիմայական թեմաները ներկայացնել փոխներգործուն, տեսողական և գործնական ձևերով: Դրա նյութերը կարող են աջակցել աշխարհագրության դասերին՝ նպաստելով կլիմայական երևույթների տարածական ընկալմանը, բնապահպանական խնդիրների վերլուծությանը և տեղական խնդիրների ուսումնասիրությանը:

Հայաստանի դպրոցներում գործիքակազմի նպատակային կիրառությունը կարող է նպաստել կլիմայական կրթության և բնապահպանական խնդիրների կապերի զարգացմանը:

Օգտագործված գրականություն

1. Մարուխյան Ռ., Հովհաննիսյան Լ., Էկոլոգիական մեներջմենթ դասագիրք, Երևան 2009թ.
2. Иванова Л. Ю. Экологическое образование и образование для устойчивого развития в российской школе: настоящее и будущее // Вестник Института социологии. 2017. Т. 8, № 4. С. 90–112. DOI: 10.19181/vis.2017.23.4.483:
3. Гришаева Ю. М., Теремов А. В., Гончаров М. А., Аргунова М. В. Научно-методические аспекты экологического образования школьников (на примере системы дополнительного экологического образования) // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 9, вып. 9. С. 925–930. DOI: 10.30853/ped20240117:
4. UNDP. Presenting Armenian Climate Box Toolkit. 2021:
5. Nature-IC. Climate Box Educational Manual. 2021 :
6. UNDP Climate Box. Climate Box Toolkit. 2022:
7. UNESCO. Greening Curriculum Guidance: Teaching and Learning for Climate Action. 2024.

Anwar Mohsen Sagab, PhD in economics
Department of Economics
College of Administration and Economics
Wasit University
Iraq
Victor Shaker, PhD in economics
assistant professor
Department of Agricultural Economics
College of Agriculture
Cairo University
Yasmine Abd El-Nasser, PhD in economics
lecturer
Department of Agricultural Economics
College of Agriculture
Cairo University

POTENTIAL ECONOMY-WIDE EFFECTS OF TECHNOLOGICAL MODERNIZATION AND TRADE-COST REFORMS ON EGYPT'S HORTICULTURAL COMPETITIVENESS: A RECURSIVE DYNAMIC COMPUTABLE GENERAL EQUILIBRIUM ANALYSIS

Abstract. *Egypt's horticultural sector has strong export potential, but productivity constraints and high trade and logistics costs limit competitiveness. This study evaluates the potential economy-wide effects of a coordinated policy package combining technological modernization with trade-cost and market-access reforms. A recursive dynamic computable general equilibrium (CGE) model calibrated to Egypt's 2019 Social Accounting Matrix is simulated over 2026–2035. The scenario applies 1% annual total factor productivity growth, gradual tariff and non-tariff barrier reductions, a 20% export-margin reduction, and a 50% increase in export-demand elasticity. By 2035, real GDP is 0.23% above baseline, while fruit and vegetable exports increase by 18.50% and 19.50%, respectively. Household income and investment also increase, although the Consumer Price Index rises by 0.77%. Effects are heterogeneous, with particularly large responses in the 'other crops' category. The results indicate potential gains from coordinated reforms under the specified assumptions. However, the simulations are counterfactual, do not identify the separate contribution of individual policy components, and have not been subjected to formal sensitivity analysis. The reported magnitudes should therefore be interpreted as conditional on the adopted parameter values and modeling assumptions.*

Keywords*: Horticultural competitiveness; Technological modernization; Trade costs; Trade facilitation; Dynamic CGE; Egypt.*

JEL Classification: *Q17; C68; F13; O33; Q18.*

1. Introduction

The horticultural sector has become an increasingly important contributor to agricultural transformation, export diversification, and rural economic development in developing countries. Income growth, urbanization, changes in consumer behavior, and rising international demand for high-quality agricultural products have contributed to the rapid expansion of global horticultural trade over the past two decades (Food and Agriculture Organization [FAO], 2023; World Bank, 2020). Horticulture contributes not only to food security and nutrition but also to employment generation, value addition, and the integration of agricultural producers into national and international value chains (FAO & European Bank for Reconstruction and Development [EBRD], 2023; Reardon et al., 2019). However, competitiveness in international markets requires more than simply increasing production. Continued improvements are needed in productivity, product quality, logistics, compliance with sanitary and phytosanitary (SPS) standards, and trade and marketing efficiency (Anderson & van Wincoop, 2004; WTO, 2015).

Egypt provides an important case for examining these issues. The country is one of the major suppliers of horticultural products in the Middle East and North Africa, with fruits and vegetables accounting for a substantial share of agricultural exports. The horticultural sector contributes to export earnings, rural employment, agro-industrial development, and foreign-exchange generation. It also has strong backward and forward linkages with input suppliers, food-processing industries, transport, wholesale and retail trade, and financial services. As a result, improvements in horticultural competitiveness can generate effects that extend beyond the sector itself and influence the wider economy.

Although Egypt possesses several competitive advantages in horticultural production, the sector continues to face structural constraints that limit its international competitiveness. These include the slow adoption of modern technologies, inadequate post-harvest handling, fragmented value chains, insufficient cold-storage capacity, high logistics costs, and trade-related barriers. Small-scale farmers are particularly constrained by limited access to technology, certification, finance, extension services, and export markets. These constraints can reduce productivity and increase the costs of production and market participation (FAO, 2023).

In recent years, the Egyptian government has introduced a number of reforms aimed at improving trade efficiency and reducing transaction costs. These measures include the National Single Window for Foreign Trade Facilitation (NAFEZA), the Advance Cargo Information (ACI) system, and investments in ports, logistics zones, dry ports, and transport infrastructure. Such reforms are particularly relevant to horticultural products because of their perishability and the importance of timely and efficient transportation.

From an economic perspective, technological modernization and trade-related reforms influence competitiveness through distinct but potentially reinforcing transmission channels. Technological modernization can raise total factor productivity, improve the efficiency of resource use, reduce unit production

costs, and enhance product quality and productive capacity. Trade-related reforms can reduce tariff and non-tariff barriers, while trade facilitation can lower administrative, border, and logistics costs, improve market access, and strengthen export incentives (Anderson & van Wincoop, 2004; WTO, 2015). Examining these policy dimensions within a common analytical framework is therefore important for understanding their combined economy-wide effects.

Previous studies have examined determinants of horticultural exports, comparative advantage, market performance, and trade facilitation, but these strands of research have largely developed separately. Commodity-level studies provide valuable insights into export competitiveness but are generally unable to capture resource reallocation across sectors, income distribution, investment responses, and macroeconomic feedbacks. CGE models, by contrast, can evaluate broader economy-wide effects, but relatively limited attention has been given to integrated policy packages combining technological upgrading with trade-cost reductions in the horticultural sector. Consequently, evidence on the economy-wide implications of implementing these measures jointly remains limited.

This study addresses this gap by employing a recursive dynamic CGE model calibrated to Egypt's 2019 Social Accounting Matrix (SAM). The analysis evaluates a single integrated policy package comprising four components: annual total factor productivity growth, gradual reductions in tariff and non-tariff barriers, lower export margins, and increased export-demand responsiveness. Unlike studies that examine individual policy measures in isolation, the present analysis focuses on the combined effects of these interventions within one counterfactual scenario.

The paper makes three main contributions. First, it integrates productivity-enhancing technological modernization and trade-cost reductions within a recursive dynamic CGE framework. Second, it incorporates dynamic investment and capital accumulation, allowing the analysis to extend beyond short-run equilibrium effects. Third, it provides quantitative estimates of the potential effects of the integrated policy package on horticultural activities and the broader Egyptian economy.

The remainder of the paper is organized as follows. Section 2 reviews the relevant literature and presents the conceptual framework. Section 3 describes the methodology, model specification, data sources, and simulation scenario. Section 4 presents and discusses the simulation results and their economic implications. Section 5 concludes the study and outlines the main policy implications for strengthening Egypt's horticultural competitiveness.

2. Literature Review and Conceptual Framework

2.1. Literature Review

Agricultural competitiveness has received increasing attention because of its contribution to economic development, export diversification, rural employment, and food security. In emerging economies, improving competitiveness generally requires simultaneous efforts to enhance production efficiency and reduce barriers to market access. Accordingly, recent literature has focused particularly on two broad policy areas: technological modernization and trade-related reforms.

2.1.1. Technological Modernization and Agricultural Competitiveness

Technological advancement is widely recognized as an important driver of productivity and competitiveness in agriculture. Investments in improved seed varieties, mechanization, precision agriculture, digital technologies, irrigation systems, and post-harvest technologies can increase total factor productivity, reduce production costs, improve product quality, and help producers comply with international standards (Fuglie, 2018; FAO, 2023). These improvements are particularly important for horticultural products because of their quality requirements, perishability, and sensitivity to post-harvest management.

Empirical evidence suggests that technological innovation can contribute to higher agricultural productivity and improved market performance. Fuglie (2018) identifies productivity growth as an increasingly important source of agricultural output growth worldwide. Reardon et al. (2019) similarly emphasize that modernization of agri-food value chains can improve producers' participation in domestic and international markets through better logistics, quality management, and supply-chain coordination. However, technological improvements alone may not necessarily translate into stronger export performance when producers continue to face high transportation costs, inefficient customs procedures, and other barriers to market access.

2.1.2. Trade Facilitation and Export Performance

Trade facilitation has become an important policy instrument for improving agricultural competitiveness. Costs and delays associated with international trade can be reduced through more efficient customs administration, streamlined border procedures, improved transport infrastructure, electronic documentation, and advanced logistics services (Anderson & van Wincoop, 2004; WTO, 2015).

Previous research generally indicates that lower trade costs can support export growth and improve the allocation of resources. The implementation of the WTO Trade Facilitation Agreement has further highlighted the importance of institutional and procedural reforms in supporting international trade. Such improvements are particularly important for perishable agricultural products, for which timely delivery, preservation of product quality, and efficient logistics are critical determinants of competitiveness. In the case of horticultural exports, improved logistics and border procedures can reduce spoilage losses, shorten delivery times, and strengthen access to international markets.

2.1.3. Economy-Wide Policy Evaluation Using CGE Models

Partial equilibrium analysis is useful for examining individual commodity markets but generally does not capture interactions among production sectors, factor markets, institutions, and international trade. Computable General Equilibrium (CGE) models address this limitation by representing the interrelationships among households, firms, government, production activities, factor markets, and the external sector (Dervis, de Melo, & Robinson, 1982; Lofgren, Harris, & Robinson, 2002).

Recursive dynamic CGE models extend this analytical framework by incorporating investment, capital accumulation, population growth, and changes in

productivity over time. Such models have been applied to the analysis of agricultural policies, trade reforms, climate-change adaptation, and structural transformation because they can capture both sector-specific effects and broader economy-wide adjustments (Burfisher, 2017).

Despite the growing number of CGE applications, relatively few studies have examined technological modernization and trade-cost reductions simultaneously in the context of horticulture. Much of the existing literature evaluates productivity improvements and trade-related reforms separately, providing limited information on the economy-wide effects of implementing these measures as part of a single policy package.

2.1.4. Research Gap

The existing literature provides substantial evidence on the importance of technological modernization, productivity growth, and improved market access for agricultural competitiveness. Nevertheless, several gaps remain.

First, many empirical studies examine individual policy instruments separately and therefore provide limited information on the economy-wide effects of implementing them jointly. Second, commodity-level studies often focus on the export competitiveness of particular products without explicitly accounting for intersectoral resource reallocation, income distribution, investment responses, and macroeconomic feedbacks. Third, relatively limited attention has been given to the economy-wide implications of integrated horticultural competitiveness policies in Egypt, despite the importance of horticultural exports to the country's agricultural development strategy.

This study addresses these gaps by employing a recursive dynamic CGE model calibrated to Egypt's 2019 Social Accounting Matrix (SAM) to evaluate an integrated policy package combining technological modernization and trade-related reforms. Unlike studies that analyze individual interventions separately, the present study examines both the direct sectoral responses and the indirect economy-wide adjustments generated by the combined policy scenario.

2.2. Conceptual Framework

The conceptual framework is based on the premise that horticultural competitiveness depends on both production efficiency and access to markets. Technological modernization can improve competitiveness by increasing total factor productivity, reducing unit production costs, improving product quality, and expanding productive capacity. At the same time, reductions in trade-related barriers and export costs can improve market access, reduce transaction costs, and strengthen incentives for export-oriented production.

The combined policy package affects producer behavior through changes in productivity, relative prices, production costs, and expected returns. These changes can influence output, exports, demand for production factors, household and business income, savings, and investment. Higher income may increase domestic demand, while higher savings and investment contribute to capital accumulation and future productive capacity.

Within the recursive dynamic CGE framework, these effects are transmitted through interconnected commodity, factor, institutional, and international markets. Productivity improvements reduce the amount of resources required to produce a given level of output and can strengthen sectoral competitiveness. Reductions in trade-related costs improve access to foreign markets and may encourage the reallocation of resources toward more competitive activities. Over time, investment and capital accumulation transmit these effects across successive periods, potentially influencing gross domestic product, employment, household income, investment, and export performance.

Because the empirical analysis evaluates only one integrated policy package, the study does not separately identify the causal contribution of technological modernization, trade-cost reductions, export-margin reductions, or increased export-demand responsiveness. The central research question is therefore:

What are the potential sectoral and economy-wide effects of implementing the proposed integrated policy package in Egypt over the period 2026–2035?

The conceptual framework therefore provides the theoretical basis for the recursive dynamic CGE model and clarifies the principal transmission mechanisms through which the integrated policy scenario may affect horticultural competitiveness and the wider Egyptian economy.

3. Materials and Methods

The study employs a recursive dynamic computable general equilibrium (CGE) model calibrated to Egypt's 2019 Social Accounting Matrix (SAM) to examine the potential sectoral and economy-wide effects of an integrated policy package combining technological modernization and trade-related reforms. The CGE framework represents the interactions among production activities, factors of production, households, firms, government, investment, international trade, and the rest of the world. The sectoral disaggregation includes horticultural activities such as vegetables, fruits, and other crops, as well as input industries, food-processing activities, transport, wholesale and retail trade, business services, and other sectors of the economy.

The 2019 Social Accounting Matrix (SAM) serves as the benchmark equilibrium for calibrating the recursive dynamic CGE model. The baseline is constructed in two stages. First, the 2019 SAM is mapped to the model accounts and used to calibrate the benchmark equilibrium. Parameters identified from the SAM are calibrated so that the model reproduces the 2019 benchmark, while parameters that cannot be identified directly from the SAM are assigned on the basis of empirical evidence and explicit modeling assumptions.

Second, the calibrated 2019 economy is projected recursively from 2020 through 2026 without introducing the policy shocks associated with the integrated horticultural competitiveness package. In each annual solution, population and labor supply evolve exogenously, while capital stocks are updated according to investment undertaken in the preceding period and the assumed depreciation rate. Other exogenous variables and policy parameters follow their prescribed baseline

paths. The equilibrium solution for each year determines the relevant state variables carried forward into the subsequent period.

Accordingly, the 2026 baseline is not obtained by directly applying a single growth adjustment to the 2019 SAM. Instead, it represents the cumulative outcome of sequential annual equilibrium solutions for 2020–2026. No additional 1% annual TFP shock, tariff or non-tariff barrier reduction, export-margin reduction, or increase in export-demand elasticity is introduced during this baseline projection.

From 2026 onward, the policy scenario is simulated using the same recursive dynamic structure and is compared with the corresponding baseline equilibrium for each year through 2035. The same behavioral equations, macroeconomic closure rules, and structural parameters are maintained in both the baseline and policy simulations. Consequently, all reported results represent percentage deviations of the policy scenario from the corresponding baseline rather than unconditional forecasts of Egypt's future economic performance.

3.1. Production Structure

Production in each sector is represented using a nested Constant Elasticity of Substitution (CES) structure. At the upper level, total sectoral output is determined by a combination of value added and intermediate inputs. Value added is further decomposed into labor and capital through a CES function, allowing producers to substitute between production factors in response to changes in their relative costs.

The upper-level production function is specified as follows:

$$X_i = A_i \left[\delta_i VA_i^{\rho_i} + (1 - \delta_i) INT_i^{\rho_i}\right]^{(1/\rho_i)} \quad (1)$$

where X_i is the total output of industry i; A_i is the productivity parameter; δ_i is the distribution parameter related to value added; VA_i is the value added; INT_i is the sum of intermediate inputs; and ρ_i is the substitution parameter between value added and intermediate inputs.

Value added is generated from labor and capital, which are also combined using a CES specification. Technological progress is introduced through changes in the productivity parameter $\mathbf{A_i}$. An increase in total factor productivity enables producers to generate a greater level of output from a given quantity of inputs and may reduce unit production costs.

The nested production structure allows the model to capture both the direct effects of productivity changes on sectoral output and the indirect effects arising from changes in the demand for labor, capital, and intermediate inputs. The corresponding substitution elasticities are treated as exogenous calibration parameters. Their values are informed by previous CGE applications to Egypt and by the broader CGE parameterization literature, rather than being directly identified from the 2019 SAM.

3.2. International Trade Structure

International trade is modeled according to the Armington assumption, under which domestically produced and imported goods are treated as imperfect substitutes (Armington, 1969). Accordingly, the composite commodity is represented as a CES aggregation of domestically supplied and imported goods:

$$\mathbf{Q_i = [\alpha_i D_i \hat{} \rho_i + (1 - \alpha_i) M_i \hat{} \rho_i] \hat{} (1/\rho_i)} \quad (2)$$

where Q_i is the composite quantity; D_i is the quantity of domestically supplied goods; M_i is the quantity of imports; α_i is the CES share parameter; and ρ_i is the CES substitution parameter.

On the supply side, producers allocate total sectoral output between domestic and export markets using a Constant Elasticity of Transformation (CET) function:

$$\mathbf{X_i = [\beta_i E_i \hat{} \theta_i + (1 - \beta_i) D_i \hat{} \theta_i] \hat{} (1/\theta_i)} \quad (3)$$

where X_i is total output of sector i; E_i is the quantity exported; D_i is the quantity supplied to the domestic market; β_i is the CET share parameter; and θ_i is the CET transformation parameter.

The Armington and CET specifications are particularly relevant to the present analysis because changes in trade-related costs and export margins alter relative prices and returns, thereby affecting import demand, export supply, and the allocation of domestic production between domestic and foreign markets.

3.3. Household Consumption

Household consumption is represented using a Linear Expenditure System (LES), which distinguishes between subsistence consumption and discretionary expenditure. Household demand for each commodity depends on total household income, commodity prices, minimum consumption requirements, and the marginal allocation of the remaining budget across commodities.

The household demand function is specified as follows:

$$C_i = \gamma_i + \boldsymbol{\mu_i} [Y - \Sigma_j P_j \gamma_j] / P_i \quad (4)$$

where $\mathbf{C_i}$ denotes household consumption of commodity *i*; $\boldsymbol{\gamma_i}$ is the minimum or subsistence consumption requirement for commodity *i*; **Y** is total household income; $\mathbf{P_i}$ is the price of commodity *i*; $\mathbf{P_j}$ is the price of commodity *j*; and $\boldsymbol{\mu_i}$ is the marginal budget share allocated to commodity *i* after subsistence consumption requirements have been satisfied.

The LES specification allows household consumption patterns to respond to changes in income and relative prices while maintaining minimum consumption requirements. In the present study, household income and consumption are interpreted as indicators of household economic conditions rather than as direct measures of welfare.

3.4. Macroeconomic Closure and Recursive Dynamic Adjustment

The macroeconomic closure specifies how the model balances trade flows, income, savings, and investment. The nominal exchange rate is used as the numeraire. The current account balance is treated as exogenous and fixed, while government expenditure is also exogenous. Investment is savings-driven, so total investment adjusts to the level of available savings. Because macroeconomic closure rules determine how policy shocks are transmitted through the economy, alternative closure assumptions may produce different quantitative results.

The recursive dynamic component of the model operates through capital accumulation, population growth, and productivity growth. Capital available to each sector in period *t* depends on the capital stock inherited from the previous period, new investment, and depreciation. Conceptually, the capital accumulation equation is specified as follows:

$$K_{j,t} = (1 - \delta_j)K_{j,t-1} + \Sigma_k IND_{k,j,t} \quad (5)$$

where $K_{j,t}$ denotes the capital stock available to sector j in period t; $K_{j,t-1}$ is the capital stock inherited from the previous period; $IND_{k,j,t}$ represents new type-k capital investment allocated to sector j in period t; and δ_j is the depreciation rate of capital in sector j.

Population grows exogenously at an annual rate of 1.5%. The recursive structure allows policy effects to accumulate over time because changes in income and savings influence investment, which in turn affects the future capital stock and productive capacity. Productivity improvements also influence sectoral production capacity throughout the simulation period.

The recursive simulation proceeds sequentially as follows. The model is first calibrated to the 2019 SAM and solved annually from 2020 through 2026 to construct the no-policy baseline. Beginning in 2026, the integrated policy scenario is simulated relative to this baseline. For each subsequent year, the model is solved for a new equilibrium, savings and investment are determined, the capital stock is updated, and the resulting state variables are carried forward to the next period. This recursive procedure continues through 2035.

3.5. Data and Parameterization

The benchmark economy is represented using Egypt's 2019 Social Accounting Matrix (SAM), prepared by the Central Agency for Public Mobilization and Statistics (CAPMAS) and the International Food Policy Research Institute (IFPRI). The SAM records transactions among production activities, commodities, factors of production, households, firms, government, investment, stock changes, and the rest of the world, and provides the benchmark structure used to calibrate the CGE model.

According to the 2019 SAM, total output amounts to EGP 8,472.86 billion, household consumption to EGP 4,019.16 billion, exports to EGP 948.38 billion, and imports to EGP 1,369.17 billion (Table 1). Import tariffs recorded in the SAM amount to approximately EGP 39.19 billion, while indirect taxes amount to EGP 104.71 billion. Table 2 presents selected sectors relevant to horticulture and related activities rather than the complete sectoral structure of the SAM.

The horticultural sectors identified in the SAM include vegetables, fruits, and other crops. In 2019, vegetable output amounted to EGP 101.34 billion, fruit output to EGP 94.34 billion, and output of other crops, including flowers, herbs, and spices, to EGP 3.11 billion. Fruit exports amounted to EGP 15.35 billion, vegetable exports to EGP 4.53 billion, and exports of other crops to EGP 1.61 billion, while imports of other crops amounted to EGP 12.74 billion (Table 2).

Additional parameters required for the model include production and trade elasticities, export-demand elasticity, household-demand parameters, population growth, the interest rate, and the capital depreciation rate. These parameters cannot be identified directly from the 2019 SAM and are therefore introduced as external calibration parameters. Where Egypt-specific evidence is available, the parameterization is anchored to previous CGE applications and empirical studies for Egypt; otherwise, values are selected as transparent modeling assumptions

within ranges commonly used in the CGE literature. Table 3 reports both the values used and their calibration basis.

No formal sensitivity analysis is conducted in the present study. Consequently, the quantitative results should be interpreted as conditional on the adopted parameter values, behavioral elasticities, policy-shock magnitudes, and macroeconomic closure assumptions. In particular, the assumed 13% ad valorem equivalent of non-tariff barriers, the export-demand elasticity, the annual productivity-growth assumption, and the magnitude of the trade-cost reductions represent important sources of uncertainty. Alternative values for these parameters could generate different quantitative outcomes.

Table 1. Social Accounting Matrix for Egypt, 2019 (EGP billion)

		L	K	K	AG	AG	AG	AG	AG	AG	AG	J	J	J	I	I	I	X	X	X	OTH	OTH	OTH
		LAB	CAP	LAND	HH	FIRM	GVT	TD	TM	TI	ROW	AGR	IND	SER	AGR	IND	SER	AGR	IND	SER	INV	VSTK	TOT
L	LAB											201.88	183.07	1176.69									1561.64
K	CAP											312.44	1109.14	1772.68									3194.27
K	LAND											64.48											64.48
AG	HH	1561.64		64.48		2520.99	79.94				444.36												4671.41
AG	FIRM		2973.37				584.81				20.20												3578.38
AG	GVT		4.66		1.43	187.71		277.04	39.19	104.71	2.34							4.80	49.17	50.25			721.30
AG	TD				84.27	192.77																	277.04
AG	TM														0.88	38.31							39.19
AG	TI														6.06	49.99	48.65						104.71
AG	ROW		216.24		8.35	0.02	39.33								116.64	922.37	330.16						1633.10
J	AGR														771.47			30.78					802.25
J	IND															2801.62			389.12				3190.74
J	SER																4106.70			373.16			4479.87
I	AGR				580.25							100.45	312.02	9.34							20.80	6.27	1029.13
I	IND				1678.63							77.20	1359.07	780.85							351.14	16.34	4263.22
I	SER				1760.28		456.59					45.80	227.44	740.30	134.08	450.92		10.02	41.07		589.65	29.37	4485.52

X	AGR										45.61												45.61
X	IND										479.36												479.36
X	SER										423.41												423.41
OTH	INV				558.20	676.90	-439.36				217.82												1013.56
OTH	VSTK																				51.98		51.98
OTH	TOT	1561.64	3194.27	64.48	4671.41	3578.38	721.30	277.04	39.19	104.71	1633.10	802.25	3190.74	4479.87	1029.13	4263.22	4485.52	45.61	479.36	423.41	1013.56	51.98	

Notes: L = labor factor income; K = capital factor income; LAND = agricultural land income; HH = households; FIRM = firms; GVT = government; TD = direct taxes; TM = import tariffs; TI = indirect taxes; ROW = rest of the world; AGR = agriculture; IND = industry; SER = services; INV = investment (capital formation); VSTK = change in inventories; TOT (OTH) = total balancing/adjustment account.

Source: Central Agency for Public Mobilization and Statistics (CAPMAS) & International Food Policy Research Institute (IFPRI). (2021). *2019 Social Accounting Matrix for Egypt*. IFPRI. https://doi.org/10.7910/DVN/FSCI03

Table 2. Selected Sectoral Output, Household Consumption, Trade, Tariffs, and Non-Tariff Equivalents in Egypt, 2019
(EGP billion)

Sector	Output Value	Output Share (%)	Household Consumption Value	Household Consumption Share (%)	Exports Value	Exports Share (%)	Imports Value	Imports Share (%)	Import Tariff Value	Import Tariff Share (%)
Vegetables	101.34	1.20	80.25	2.00	4.53	0.48	0.06	0.00	—	—

Sector	Output Value	Output Share (%)	Household Consumption Value	Household Consumption Share (%)	Exports Value	Exports Share (%)	Imports Value	Imports Share (%)	Import Tariff Value	Import Tariff Share (%)
Fruits	94.34	1.11	63.95	1.59	15.35	1.62	8.29	0.61	0.64	1.63
Other crops (flowers, herbs, and spices)	3.11	0.04	—	—	1.61	0.17	12.74	0.93	0.03	0.08
Fertilizers	59.35	0.70	—	—	18.90	1.99	2.80	0.20	—	—
Chemicals (pesticides and agrochemicals)	529.83	6.25	316.86	7.88	60.67	6.40	166.53	12.16	1.69	4.31
Machinery	79.22	0.93	0.10	0.00	1.24	0.13	80.62	5.89	2.94	7.50
Equipment	62.02	0.73	45.48	1.13	30.08	3.17	115.12	8.41	2.33	5.95
Water supply	55.55	0.66	35.65	0.89	—	—	—	—	—	—
Electricity	242.75	2.87	137.00	3.41	0.80	0.08	0.00	0.00	—	—
Transport services	486.08	5.74	322.13	8.01	140.99	14.87	154.20	11.26	—	—
Wholesale and retail trade	688.40	8.12	66.38	1.65	—	—	—	—	—	—
Fruit and vegetable processing	33.79	0.40	8.11	0.20	9.31	0.98	1.65	0.12	0.16	0.41
Animal feed manufacturing	16.77	0.20	—	—	0.21	0.02	1.69	0.12	0.02	0.05
Beverage industry	17.51	0.21	9.18	0.23	0.45	0.05	1.15	0.08	0.02	0.05
Textiles	73.89	0.87	20.30	0.51	24.98	2.63	50.36	3.68	5.08	12.96
Financial services	132.71	1.57	55.41	1.38	8.17	0.86	31.59	2.31	—	—
Business services	350.92	4.14	60.46	1.50	24.44	2.58	106.64	7.79	—	—
Hotels	184.34	2.18	—	—	173.99	18.35	13.97	1.02	—	—
Restaurants	217.70	2.57	217.45	5.41	—	—	—	—	—	—

Note: Monetary values are expressed in EGP billion. The table reports selected sectors relevant to horticulture and related economic activities rather than the complete sectoral structure of the 2019 Social Accounting Matrix. Percentage shares for output, household consumption, exports, imports, and import tariffs are calculated relative to the corresponding economy-wide aggregates. A dash (—) indicates that no value is reported for the corresponding sector and variable.

Source: Authors' calculations based on the 2019 Social Accounting Matrix for Egypt (CAPMAS & IFPRI, 2021). https://doi.org/10.7910/DVN/FSCI03

Non-tariff barriers are not directly reported in the 2019 SAM. For the policy simulations, NTBs affecting horticultural exports are represented by an ad valorem tariff-equivalent rate of 13% of export value. This rate is adopted as a simplifying modeling assumption based on Fugazza and Maur (2008), who report a regional non-

tariff measure ad valorem equivalent of approximately 13.3% for the Middle East and North Africa, drawing on estimates by Kee et al. (2006). Accordingly, the 13% rate used in the model should not be interpreted as a sector-specific empirical estimate of non-tariff barriers affecting Egyptian horticultural exports.

Table 3. Behavioral and Dynamic Parameters Used in the CGE Model and Their Calibration Basis

Parameter	Value	Source / Calibration Basis
CES elasticity for composite capital	1.20	Authors' calibration assumption informed by standard CGE parameterization practice (Annabi et al., 2006; Burfisher, 2017)
CES elasticity for value added	0.80	Calibration value consistent with Egypt-specific CGE applications; labour–capital substitution elasticities of 0.2–0.9 are reported by Eldeep and Zaki (2023)
CET elasticity for total output	1.50	Authors' calibration assumption informed by CGE parameterization literature (Annabi et al., 2006; Eldeep & Zaki, 2023)
Armington CES elasticity for the composite good	1.58	Calibration value within the 0.9–2.4 range reported for substitution between domestic and imported goods in an Egypt-specific CGE model (Eldeep & Zaki, 2023)
CET elasticity between exports and domestic sales	1.58	Calibration value within the 1.5–3.0 range reported for transformation between domestic and export supply in an Egypt-specific CGE model (Eldeep & Zaki, 2023)
Export-demand elasticity	2.00	Authors' benchmark calibration assumption used to represent foreign-demand responsiveness. The parameter is not estimated from the 2019 SAM and is treated as an exogenous behavioral elasticity in the simulations.
Frisch parameter for the Linear Expenditure System (LES)	−1.50	Authors' LES calibration assumption informed by CGE household-demand parameterization literature (Annabi et al., 2006)
Income elasticity of household consumption	0.89	Authors' calibration assumption informed by empirical household-demand studies for Egypt (Rady & Kandil, 2017)
Population growth rate	1.50%	Baseline demographic assumption consistent with recent population-growth rates reported for Egypt in World Development Indicators
Interest rate	12.00%	Rounded benchmark assumption; Eldeep and Zaki (2023) use a nominal interest rate of 11.8% based on Central Bank of Egypt data
Capital depreciation rate	3.00%	Authors' recursive-dynamic calibration assumption governing annual capital-stock depreciation

Note: Parameters that are not directly observed in the 2019 SAM are treated as exogenous calibration parameters. They are not interpreted as econometrically estimated coefficients for Egypt. Where possible, parameter values are informed by Egypt-specific CGE applications, empirical studies, and established CGE parameterization literature; otherwise, they are specified as explicit modeling assumptions.

Source: Authors' parameterization based on Annabi et al. (2006), Eldeep and Zaki (2023), Burfisher (2017), Rady and Kandil (2017), and the World Bank World Development Indicators.

The parameters reported in Table 3 govern the principal behavioral and dynamic relationships in the model. The CES elasticities determine substitution possibilities within the production and commodity-aggregation structures, while the CET elasticities govern the ability of producers to reallocate output between domestic and export markets. The export-demand elasticity represents the responsiveness of foreign demand to changes in export prices. Household consumption is modeled through the Linear Expenditure System (LES), in which the Frisch parameter and income elasticity affect the response of household demand to changes in income and relative prices. Population growth and capital depreciation enter the recursive dynamic structure and influence the evolution of demand, investment, capital accumulation, and productive capacity over time.

Because these behavioral and dynamic parameters are not jointly estimated from the 2019 SAM, the quantitative simulation results are conditional on the adopted parameterization. In particular, the magnitude of sectoral responses may depend on assumptions concerning substitution and transformation elasticities, export-demand responsiveness, productivity growth, trade-cost reductions, and other dynamic parameters. This consideration is especially relevant for sectors displaying relatively large percentage deviations from the baseline.

No formal sensitivity analysis is conducted in the present study. Accordingly, the stability of the quantitative results under alternative parameter values has not been systematically assessed. The reported results should therefore be interpreted as conditional counterfactual outcomes under the specified parameter values and modeling assumptions rather than as estimates that are invariant to alternative parameterizations. The implications of this limitation are discussed further in Section 4.8.

3.6. Integrated Policy Scenario

The study evaluates one integrated counterfactual policy scenario combining technological modernization and trade-related reforms over the period 2026–2035. The scenario consists of four components implemented simultaneously:

- **Productivity improvement:** Total factor productivity increases by 1% annually.

- **Tariff and non-tariff barrier reduction:** Tariff and non-tariff barrier equivalents are reduced by 10% per year relative to their level in the preceding period. The reduction is therefore applied gradually and multiplicatively throughout the simulation horizon.

- **Export-margin reduction:** Export margins are reduced by 20%, representing lower logistics and trade-related costs.

- **Improved export-market responsiveness:** Export-demand elasticities are increased by 50%, representing a hypothetical increase in the responsiveness of foreign demand to changes in export prices.

The four components are implemented simultaneously as a single integrated policy package. Consequently, the model identifies the equilibrium response to the package as a whole rather than the marginal contribution of any individual policy component.

The assumed policy magnitudes are treated as counterfactual simulation parameters rather than forecasts of actual policy implementation. In particular, the 50% increase in export-demand elasticity represents a behavioral-parameter experiment designed to capture stronger export-market responsiveness; it should not be interpreted as a direct trade-facilitation policy instrument.

All simulation results are reported as percentage deviations from the corresponding baseline values. They should therefore be interpreted as conditional counterfactual outcomes under the specified policy shocks, behavioral parameters, benchmark data, and macroeconomic closure assumptions rather than as unconditional forecasts of Egypt's future economic performance.

Because all policy components are implemented jointly, the simulation cannot determine whether their combined effects are complementary, additive, or substitutive. A formal assessment of complementarity would require separate simulations of technological modernization alone, trade-cost reductions alone, and the combined policy package.

Table 4. Components and Assumptions of the Integrated Policy Scenario

Policy Component	Model Representation	Assumed Scenario Value	Interpretation
Technological modernization	Total factor productivity (TFP) growth	**+1% annually**	Represents a gradual improvement in production efficiency and technological performance
Tariff and non-tariff barrier reduction	Reduction in tariff rates and the assumed ad valorem equivalent of non-tariff barriers	**−10% annually from the remaining level; initial NTB equivalent = 13% of horticultural export value**	Tariffs are based on the benchmark trade structure, while NTBs affecting horticultural exports are represented by an assumed 13% ad valorem equivalent. Both are reduced gradually and multiplicatively over the simulation horizon
Export-margin reduction	Reduction in export-related transaction and logistics costs	**−20%**	Represents lower export-related transaction and logistics costs
Improved export-market responsiveness	Increase in export-demand elasticity	**+50%**	Represents a hypothetical increase in the responsiveness of foreign demand to changes in export prices

Note: The reported values are counterfactual policy-simulation assumptions rather than forecasts of actual policy implementation. The 1% TFP shock is applied annually. Tariff rates and the assumed non-tariff barrier equivalent are reduced by

10% annually relative to their remaining level in the preceding period. For horticultural exports, the initial non-tariff barrier equivalent is represented by an assumed ad valorem rate of 13% of export value. This rate is adopted as a simplifying modeling assumption based on Fugazza and Maur (2008), drawing on Kee et al. (2006), and should not be interpreted as a sector-specific empirical estimate for Egypt. The 20% export-margin reduction represents lower export-related transaction and logistics costs, while the 50% increase in export-demand elasticity is treated as a behavioral market-access assumption rather than as a direct trade-facilitation instrument. Because all four components are implemented simultaneously, the simulation identifies the effect of the integrated policy package as a whole and does not isolate the marginal contribution of each component.

Source: Authors' assumptions informed by the literature on productivity growth, trade costs, non-tariff measures, trade facilitation, and international demand responses (Solow, 1957; Anderson & van Wincoop, 2004; Fugazza & Maur, 2008; Kee et al., 2006; Hummels, 2007; WTO, 2012; UNCTAD, 2013).

4. Results and Discussion

4.1. Recent Developments in Egypt's Horticultural Sector

The empirical context demonstrates the growing importance of horticulture in Egypt. Total horticultural production increased from approximately 32.93 million tons in 2020/2021 to 41.50 million tons in 2023/2024 (Table 5). Vegetable production increased from 21.30 million tons to 27.80 million tons, while fruit production increased from 11.63 million tons to 13.70 million tons over the same period.

Per capita availability of vegetables increased from 74.0 kg per year in 2020/2021 to 94.7 kg in 2023/2024, while per capita availability of fruits increased from 58.7 kg to 69.0 kg over the same period.

Table 5 summarizes selected horticultural production and per-capita availability indicators reported by CAPMAS in its World Food Day statistical releases. The 2020/2021 figures are taken from the 2022 release, while the 2022/2023 and 2023/2024 figures are reported in the 2025 release.

Table 5. Selected Horticultural Production and Per Capita Availability Indicators in Egypt, 2020/2021, 2022/2023, and 2023/2024

Year	Vegetable Production (million tons)	Fruit Production (million tons)	Total Horticultural Production (million tons)	Vegetable Availability per Capita (kg/year)	Fruit Availability per Capita (kg/year)
2020/2021	21.30	11.63	32.93	74.0	58.7
2022/2023	24.90	13.79	38.69	84.9	69.3
2023/2024	27.80	13.70	41.50	94.7	69.0

Source: Authors' compilation based on Central Agency for Public Mobilization and Statistics (CAPMAS), World Food Day statistical releases, 2022 and 2025.

Egypt's agricultural export performance also improved substantially during this period. According to Egypt's State Information Service, citing the Ministry of Agriculture and Land Reclamation, fresh agricultural exports reached approximately 7.5 million tons in 2023, with a value of about USD 3.7 billion. Exports of processed agricultural products amounted to approximately USD 5.1 billion, bringing the combined value of fresh and processed agricultural exports to nearly USD 9 billion (State Information Service, 2024). Egypt's agricultural exports include a wide range of horticultural commodities, such as citrus fruits, strawberries, grapes, onions, mangoes, pomegranates, peppers, and guavas.

These developments underline the increasing importance of horticulture in Egypt's agricultural production and international trade and provide relevant context for assessing policy measures aimed at improving productive capacity and market competitiveness.

4.2. Macroeconomic Effects of the Integrated Policy Package

The simulation results indicate that the integrated policy scenario generates positive macroeconomic effects over the 2026–2035 period. GDP at market prices is 0.19% above baseline in 2026 and 1.01% above baseline in 2035, while real GDP is 0.08% and 0.23% above baseline in the corresponding years (Table 6).

Table 6. Macroeconomic Effects of the Integrated Policy Package under the Dynamic CGE Simulation for Egypt

Indicator	2026	2035	Average Deviation from Baseline
GDP at market prices	0.19	1.01	0.56
Real GDP at market prices	0.08	0.23	0.15
Total investment expenditure	0.24	0.89	0.54
Real gross fixed capital formation	0.12	0.28	0.20
Household income	0.18	1.07	0.59
Real household consumption	0.07	0.30	0.17
Business income	0.19	1.06	0.59
Government revenue	0.12	0.17	0.15
Government savings	–0.03	0.90	0.39
Business savings	0.19	1.05	0.59
Household savings	0.18	1.07	0.59
Consumer Price Index (CPI)	0.11	0.77	0.42
Interest rate	0.02	0.43	0.20

Note: Average values represent the mean percentage deviation from the baseline over the 2026–2035 simulation period.

Source: Dynamic CGE model results.

The increasing magnitude of several effects over time reflects the recursive dynamic structure of the model. Initial changes in productivity, trade conditions,

income, and savings influence investment and capital formation, which subsequently affect productive capacity in later periods.

Household income is 0.18% above baseline in 2026 and 1.07% above baseline in 2035, with an average deviation of 0.59% over the simulation period. Business income follows a similar pattern, increasing from 0.19% above baseline in 2026 to 1.06% in 2035. Real household consumption is 0.07% above baseline in 2026 and 0.30% above baseline in 2035.

Total investment expenditure increases from 0.24% above baseline in 2026 to 0.89% in 2035, while real gross fixed capital formation rises from 0.12% to 0.28%. Under the savings-driven investment closure, higher household and business savings contribute to greater investment and capital accumulation. By 2035, household savings are 1.07% above baseline and business savings are 1.05% above baseline.

Government revenue shows a more moderate response, reaching 0.17% above baseline in 2035. This result may reflect higher levels of economic activity and the associated expansion of the tax base. However, the fiscal outcome depends on the macroeconomic closure assumptions and should not be interpreted as evidence that trade-related reforms necessarily improve the fiscal balance.

The Consumer Price Index (CPI) is 0.11% above baseline in 2026 and 0.77% above baseline in 2035. Thus, the integrated policy scenario is associated with higher output, income, and investment, while the general price level also remains moderately above the baseline. The CPI result should therefore be interpreted as part of the overall general-equilibrium adjustment rather than as evidence that the policy package eliminates inflationary pressures.

4.3. Sectoral Effects and Horticultural Competitiveness

The sectoral results reveal substantial differences in the magnitude and direction of the simulated effects across economic activities. The strongest positive responses are concentrated in horticultural activities, particularly fruits, vegetables, and other crops (Table 7).

Vegetables

Vegetable output is 0.30% above baseline in 2026 and 1.24% above baseline in 2035, with an average deviation of 0.74% over the simulation period. Vegetable exports show a considerably stronger response, increasing from 4.04% above baseline in 2026 to 19.50% in 2035, with an average deviation of 11.57%.

The substantially larger response of exports relative to total output indicates a reallocation of vegetable production toward export markets under the integrated policy scenario. This result is consistent with the CET structure of the model, under which producers adjust the allocation of output between domestic and foreign markets in response to changes in relative returns.

Vegetable employment is 0.79% below baseline in 2026 but rises to 0.70% above baseline by 2035. The domestic price of vegetables moves from 0.28% below baseline in 2026 to 0.53% above baseline in 2035. Overall, the results indicate an expansion of vegetable output and exports over the simulation horizon, accompanied by relatively modest changes in domestic prices.

Fruits

Fruit output increases from 1.06% above baseline in 2026 to 3.31% in 2035, with an average deviation of 2.07%. Fruit exports increase more strongly, from 4.13% above baseline in 2026 to 18.50% in 2035, with an average deviation of 11.05%.

Employment in the fruit sector rises from 0.27% above baseline in 2026 to 3.74% in 2035, indicating higher labor demand as the sector expands under the integrated scenario. Household consumption of fruits is 0.52% above baseline in 2026 and 1.06% above baseline in 2035. The domestic price of fruits moves from 0.60% below baseline in 2026 to 0.19% above baseline in 2035.

Taken together, the simulated increases in output, exports, employment, and household consumption indicate that the fruit sector is among the main beneficiaries of the integrated policy scenario.

Other Crops

The largest simulated response occurs in the “other crops” category, which includes flowers, herbs, and spices. Output is 3.52% above baseline in 2026 and 40.44% above baseline in 2035, with an average deviation of 17.94%. Exports increase from 6.48% above baseline in 2026 to 72.23% in 2035, while employment rises to 62.19% above baseline by 2035.

These large percentage changes require particularly cautious interpretation. The other-crops sector is relatively small in the benchmark SAM, with an output value of only EGP 3.11 billion in 2019. Consequently, relatively modest absolute changes can translate into large percentage deviations from the baseline. In addition, the magnitude of the simulated response may be particularly sensitive to the assumed export-demand elasticity, productivity growth, trade-cost reductions, and other behavioral parameters of the model.

Given the small benchmark size of the sector and the absence of formal sensitivity testing, the magnitude of the simulated response should be interpreted with particular caution. The results indicate the direction of the model response under the specified assumptions, but they should not be interpreted as robust point estimates or unconditional forecasts.

The results also do not imply that trade facilitation or technological modernization considered separately would generate an export increase of 72.23%. Because the policy components are implemented simultaneously, the model identifies only the response to the integrated package and does not isolate the contribution of individual measures. Formal sensitivity testing using alternative parameter values would be required to establish the quantitative robustness of these unusually large sectoral responses.

Table 7. Sectoral Effects of Trade Facilitation and Technological Modernization on Output, Household Consumption, Exports, Employment, and Domestic Producer Prices in Egypt

Sector	Output 2026	Output 2035	Output Average	Household Consumption 2026	Household Consumption 2035	Household Consumption Average	Exports 2026	Exports 2035	Exports Average	Employment 2026	Employment 2035	Employment Average	Domestic Producer Price 2026	Domestic Producer Price 2035	Domestic Producer Price Summary*
Vegetables	0.30	1.24	0.74	0.10	0.14	0.11	4.04	19.50	11.57	−0.79	0.70	−0.03	−0.28	0.53	0.12
Fruits	1.06	3.31	2.07	0.52	1.06	0.75	4.13	18.50	11.05	0.27	3.74	1.92	−0.60	0.19	−0.18
Other crops (flowers, herbs, and spices)	3.52	40.44	17.94	—	—	—	6.48	72.23	33.70	4.61	62.19	28.00	−0.04	0.25	**0.58**
Fertilizers	0.04	0.12	0.07	—	—	—	−0.06	−0.37	−0.20	0.04	0.09	0.07	0.19	1.06	0.59
Chemicals (pesticides and agrochemicals)	0.02	0.05	0.03	0.08	0.46	0.25	−0.06	−0.32	−0.18	0.02	−0.02	0.00	0.15	0.83	0.46
Machinery	−0.06	−0.66	−0.31	0.12	0.66	0.37	−0.17	−1.22	−0.62	−0.17	−1.23	−0.66	0.09	0.57	0.30
Equipment	0.04	0.06	0.05	0.13	0.75	0.42	−0.04	−0.23	−0.12	0.05	−0.02	0.02	0.14	0.75	0.42
Water supply	0.10	0.36	0.22	0.03	0.13	0.07	—	—	—	0.13	0.44	0.27	0.18	1.05	0.58
Electricity	0.03	0.13	0.08	0.04	0.21	0.12	−0.18	−1.02	−0.56	0.05	0.13	0.09	0.17	0.95	0.53
Transport services	0.01	−0.03	−0.01	0.07	0.39	0.22	−0.06	−0.39	−0.21	0.00	−0.08	−0.04	0.18	1.05	0.57
Wholesale and retail trade	0.08	0.30	0.18	−0.02	0.01	−0.01	—	—	—	0.13	0.40	0.27	0.24	1.22	0.70
Fruit and vegetable processing	0.13	−0.23	−0.03	0.07	0.14	0.11	0.26	−0.73	−0.19	0.26	−0.73	−0.19	−0.16	0.57	0.17
Animal feed manufacturing	0.01	−0.04	−0.01	—	—	—	−0.17	−1.05	−0.57	−0.03	−0.18	−0.10	0.15	0.95	0.52
Beverage industry	0.10	0.22	0.15	0.15	0.42	0.27	0.10	−0.24	−0.07	0.10	−0.24	−0.07	−0.09	0.43	0.16
Textiles	−0.02	−0.12	−0.06	0.11	0.61	0.34	−0.06	−0.33	−0.18	−0.06	−0.33	−0.18	0.14	0.83	0.46
Financial services	−0.03	−0.27	−0.13	0.09	0.43	0.25	−0.06	−0.39	−0.20	−0.06	−0.39	−0.20	0.13	0.84	0.45
Business services	0.01	−0.07	−0.02	0.08	0.46	0.26	−0.05	−0.34	−0.18	−0.05	−0.34	−0.18	0.14	0.83	0.46
Hotels	−0.04	−0.34	−0.18	—	—	—	−0.04	−0.35	−0.18	−0.04	−0.35	−0.18	0.10	0.77	0.40
Restaurants	0.07	0.30	0.17	0.07	0.30	0.17	—	—	—	—	—	—	0.12	0.84	0.45

Note: All values represent percentage deviations from the corresponding baseline. Average values for output, household consumption, exports, and employment represent the arithmetic mean percentage deviation over the 2026–2035 simulation period. For domestic producer prices, the summary statistic represents the arithmetic mean for all sectors except "other crops." For the "other crops" sector, the reported value of 0.58% represents the median annual percentage deviation over 2026–2035 rather than the arithmetic mean, because the annual series contains extreme values that could disproportionately affect the mean. A dash (—) indicates that the corresponding variable is not reported or not applicable for that sector. Domestic producer prices exclude all product taxes.

Source: Dynamic CGE model results.

For the "other crops" sector, the domestic producer price is 0.04% below baseline in 2026 and 0.25% above baseline in 2035. The reported summary value of 0.58% is the median annual deviation over 2026–2035 rather than the arithmetic mean and should therefore not be interpreted as the average of the two endpoint values.

4.4. Effects on Upstream and Related Sectors

The integrated policy package generates relatively modest and heterogeneous effects across upstream and related sectors. Fertilizer output is 0.12% above baseline in 2035, while chemical output is 0.05% above baseline. These relatively small responses indicate that the expansion of horticultural activities does not necessarily translate into proportional growth in the domestic production of all agricultural inputs.

Machinery output is 0.66% below baseline in 2035, whereas equipment output is 0.06% above baseline. Because import responses are not reported in Table 7, the decline in domestic machinery output should not be attributed directly to increased machinery imports. Rather, it should be interpreted as a general-equilibrium response that may reflect changes in relative prices, factor allocation, and sectoral competitiveness under the integrated policy scenario.

Water-supply output is 0.36% above baseline in 2035, while electricity output is 0.13% above baseline. Overall, the heterogeneous responses of upstream sectors illustrate the general-equilibrium nature of the model: expansion in horticultural production does not imply uniform expansion across all supplying industries because relative-price changes and resource reallocation affect sectors differently.

4.5. Services and Structural Reallocation

The service sectors also exhibit heterogeneous responses under the integrated policy scenario. Output in wholesale and retail trade is 0.30% above baseline in 2035, while employment in the sector is 0.40% above baseline. Transport-services output is 0.03% below baseline, although household consumption of transport services is 0.39% above baseline.

Financial-services output is 0.27% below baseline in 2035, business-services output is 0.07% below baseline, and hotel output is 0.34% below baseline. By contrast, restaurant output is 0.30% above baseline.

These results indicate that the integrated policy package does not generate uniform gains across the economy. Instead, changes in relative prices and returns lead to structural reallocation of labor and capital across activities. Some sectors expand as resources move toward relatively more competitive uses, while others experience modest contractions. This pattern highlights the potential importance of complementary labor-market, training, and investment policies in facilitating structural adjustment.

4.6. Transmission Mechanisms

The simulated results can be interpreted through four interrelated transmission mechanisms.

First, the productivity component of the integrated policy package increases productive efficiency. A 1% annual increase in total factor productivity enables producers to generate more output from a given quantity of inputs and may reduce unit production costs.

Second, the trade-related components alter the costs and incentives associated with participation in international markets. Reductions in tariff and non-tariff barriers and lower export margins reduce assumed trade-related costs, while the

increase in export-demand elasticity represents greater responsiveness of foreign demand to changes in export prices.

Third, changes in relative prices and expected returns induce a reallocation of labor and capital across sectors. Activities experiencing stronger improvements in competitiveness may attract additional productive resources, while other activities may contract relative to the baseline.

Fourth, changes in household and business income affect savings and investment. Within the recursive dynamic framework, investment influences the capital stock and productive capacity in subsequent periods, allowing the effects of the policy scenario to accumulate over time.

Together, these mechanisms help explain the increasing magnitude of several simulated effects over the 2026–2035 period. However, because all policy components are implemented simultaneously, the model does not identify the separate quantitative contribution of each transmission mechanism.

4.7. Discussion in Relation to Previous Research

The results are broadly consistent with previous studies emphasizing the importance of productivity and market access for horticultural competitiveness. The strong simulated export responses for fruits and vegetables are consistent with commodity-level studies identifying productivity, market conditions, prices, product quality, and access to international markets as important determinants of Egypt's horticultural export performance (Assad et al., 2024; El-Soliman et al., 2024; Kassem & Hassan, 2021; Kassem et al., 2024; Shehata et al., 2020).

The macroeconomic results are also generally consistent with previous CGE studies of Egypt that have identified positive economy-wide effects associated with trade facilitation and trade reform (Hosny, 2013; Zaki, 2009, 2013). The present study extends this literature by evaluating an integrated policy package that combines productivity improvements with reductions in trade-related costs within a recursive dynamic CGE framework.

The heterogeneous sectoral responses observed in the simulations are consistent with the general equilibrium literature. Trade and productivity policies may affect sectors differently because of variations in factor intensity, trade orientation, production technology, import competition, and the ability of producers to reallocate resources in response to changes in relative prices and returns.

The results provide simulation-based support for considering productivity improvements and trade-related reforms within a common analytical framework. However, the model does not identify the marginal contribution of each individual policy component. In particular, the analysis does not establish whether technological modernization and trade-cost reductions are complementary, additive, or substitutive. Such an assessment would require separate simulations of technological upgrading alone, trade-cost reduction alone, and the combined policy package. Therefore, the findings of the present study should be interpreted as model-based evidence of the potential effects of the integrated policy package as a whole on horticultural competitiveness and the broader Egyptian economy.

4.8. Limitations

Several limitations should be considered when interpreting the results of this study.

First, the model is calibrated to Egypt's 2019 Social Accounting Matrix (SAM). Consequently, the benchmark reflects the structural characteristics of the Egyptian economy in 2019 and may not fully capture subsequent changes in production patterns, trade relationships, prices, institutions, or other economic conditions.

Second, the magnitude of the simulated effects depends on behavioral elasticities and other model parameters that are not directly observed in the SAM. Alternative parameter values may therefore generate different quantitative outcomes.

Third, the policy shocks considered in the analysis are hypothetical counterfactual assumptions rather than forecasts of actual policy implementation. The results should consequently be interpreted as conditional model-based outcomes under the specified assumptions.

Fourth, the study evaluates only one integrated policy scenario. As a result, the model cannot identify the separate effects of technological modernization, tariff and non-tariff barrier reductions, export-margin reductions, or increased export-demand responsiveness. Nor can it determine whether these policy components are complementary, additive, or substitutive.

Fifth, the model does not explicitly capture all institutional, environmental, climatic, regional, and distributional factors that may influence horticultural competitiveness and the transmission of policy effects across the economy.

Finally, the study does not conduct a formal sensitivity or robustness analysis. Therefore, the stability of the quantitative results under alternative parameter values and modeling assumptions has not been systematically assessed. This limitation is particularly important for the relatively large simulated responses observed in the "other crops" sector. The assumed 13% ad valorem equivalent of non-tariff barriers, export-demand elasticities, productivity-growth assumptions, trade-cost reductions, and macroeconomic closure rules constitute important sources of uncertainty. Future research should systematically vary these assumptions and compare the resulting sectoral and macroeconomic outcomes in order to assess the robustness of the findings.

5. Conclusions and Policy Implications

This study assessed the potential economy-wide effects of an integrated policy package combining technological modernization and trade-related reforms on Egypt's horticultural competitiveness. Using a recursive dynamic Computable General Equilibrium (CGE) model calibrated to the 2019 Egyptian Social Accounting Matrix (SAM), the analysis simulated a policy package incorporating a 1% annual increase in total factor productivity, gradual reductions in tariff and non-tariff barriers, lower export margins, and increased export-market responsiveness over the period 2026–2035.

The simulation results indicate that the integrated policy package has the potential to strengthen Egypt's horticultural production and export performance while generating positive effects across the broader economy. By 2035, fruit output is 3.31% above baseline and fruit exports are 18.50% above baseline, while vegetable exports increase by 19.50%. The results also indicate positive effects on household income, investment, and real economic activity. At the same time, the effects vary considerably across sectors, reflecting differences in factor intensity, trade orientation, production technology, import competition, and the ability of producers to respond to changes in relative prices and market conditions.

The findings provide model-based support for considering productivity improvements and trade-related reforms within an integrated policy framework. However, because the study evaluates only one combined policy scenario, the model does not identify the independent contribution of each policy component. Nor does it establish whether technological modernization and trade-cost reductions are complementary, additive, or substitutive. Such conclusions would require separate simulations of technological upgrading, trade-cost reduction, and the combined policy package. Therefore, the results should be interpreted as conditional counterfactual outcomes of the integrated scenario as a whole.

Several policy implications follow from the analysis.

First, technological modernization should remain an important component of Egypt's strategy for strengthening the horticultural sector. Policies supporting improved irrigation systems, precision agriculture, mechanization, improved crop varieties, digital technologies, and post-harvest management may enhance productivity, reduce production losses, and improve product quality.

Second, technological modernization should be accompanied by continued improvements in trade facilitation. Further development of electronic customs procedures, single-window systems, port infrastructure, refrigerated transport, logistics services, and cold-chain facilities may reduce transaction costs and improve the competitiveness of perishable horticultural products in international markets.

Third, greater investment is needed in quality assurance and food safety infrastructure. Strengthening laboratories, certification services, traceability systems, sanitary and phytosanitary compliance, and technical support can help Egyptian producers meet international standards and improve access to export markets.

Fourth, policy measures should facilitate greater participation of smallholders in expanding horticultural value chains. Improved extension services, access to finance and technology, producer aggregation, market information systems, and contractual arrangements linking farmers with exporters and processors may strengthen the ability of small-scale producers to benefit from improvements in productivity and market access.

Fifth, structural adjustment should be actively managed. Because the simulated effects are heterogeneous across sectors, some activities may expand while others may contract. Policies that support labor mobility, vocational training,

skill development, and efficient allocation of investment can help reduce adjustment costs and facilitate the movement of resources toward more competitive activities.

The study also provides an important methodological implication. Since only one integrated policy scenario is evaluated, the analysis cannot quantify the separate effects of technological modernization, trade-cost reduction, or improved export-market responsiveness. Future research should therefore compare technology-only, trade-reform-only, and combined scenarios in order to identify the contribution of individual policy components and to assess whether their joint effects are complementary.

The main contribution of this study lies in quantifying the potential economy-wide effects of a combined productivity and market-access policy package within a recursive dynamic CGE framework. Future research would benefit from the use of an updated Social Accounting Matrix, alternative macroeconomic closure assumptions, more detailed measures of non-tariff and logistics costs, and systematic sensitivity analysis of key behavioral parameters. Such extensions would strengthen the robustness of the results and provide a more detailed assessment of alternative policy pathways for improving Egypt's horticultural competitiveness.

Because no formal sensitivity analysis is conducted, the reported magnitudes should be interpreted as conditional simulation results rather than robust estimates that are invariant to alternative parameter values or modeling assumptions.

References

1. Ahmed, R. S. I. (2025). An economic study of the competitive position of Egyptian frozen strawberries in its main global markets using the gravity model. Alexandria Science Exchange Journal, 46(3), 467–481. doi: 10.21608/asejaiqjsae.2025.449789
2. Annabi, N., Cockburn, J., & Decaluwé, B. (2006). Functional forms and parametrization of CGE models. PEP-MPIA Working Paper No. 2006-04. doi: 10.2139/ssrn.897758
3. Anderson, J. E., & van Wincoop, E. (2004). Trade costs. Journal of Economic Literature, 42(3), 691–751. doi: 10.1257/0022051042177649
4. Armington, P. S. (1969). A theory of demand for products distinguished by place of production. IMF Staff Papers, 16(1), 159–178. doi: 10.2307/3866403
5. Assad, Y. H., Hefny, R. M., & Radwan, R. I. (2024). Competitiveness of Egyptian strawberry crop within the most important European Union markets. Sinai Journal of Applied Sciences, 13(1), 117–130. doi: 10.21608/sinjas.2024.287575.1262
6. Burfisher, M. E. (2017). Introduction to computable general equilibrium models (2nd ed.). Cambridge University Press. doi: 10.1017/9781316450741
7. Central Agency for Public Mobilization and Statistics (CAPMAS). (2022). World Food Day: 8.1% increase in wheat production in 2020/2021. Cairo, Egypt.
8. Central Agency for Public Mobilization and Statistics (CAPMAS). (2025). World Food Day: 11.5% increase in vegetable production in 2023/2024. Cairo, Egypt.

9. Central Agency for Public Mobilization and Statistics (CAPMAS), & International Food Policy Research Institute (IFPRI). (2021). 2019 Social Accounting Matrix for Egypt. IFPRI. doi: 10.7910/DVN/FSCI03
10. Decaluwé, B., Lemelin, A., Robichaud, V., & Maisonnave, H. (2013). PEP-1-t: The PEP standard single-country, recursive dynamic CGE model (Version 2.1). Partnership for Economic Policy (PEP), Université Laval.
11. Dervis, K., de Melo, J., & Robinson, S. (1982). General equilibrium models for development policy. Cambridge University Press.
12. El-Soliman, N. A., Seleem, T. E. A., & Ryad, M. K. (2024). Indicators of the competitiveness of Egyptian strawberry exports in the English market. The Egyptian Science Magazine, 11(1), 105–114. doi: 10.21608/esm.2024.390427
13. Eldeep, C., & Zaki, C. (2023). On the unfinished business of stabilization programs: A CGE model of Egypt. Middle East Development Journal, 15(1), 66–100. doi: 10.1080/17938120.2023.2200727
14. Food and Agriculture Organization of the United Nations. (2020). Productivity and efficiency in agriculture. FAO.
15. Food and Agriculture Organization of the United Nations. (2023). FAOSTAT statistical database: Horticultural crops production and trade. FAO.
16. Food and Agriculture Organization of the United Nations, & European Bank for Reconstruction and Development. (2023). Expanding Egypt's horticultural exports through improved food safety compliance. FAO.
17. Fugazza, M., & Maur, J.-C. (2008). Non-tariff barriers in CGE models: How useful for policy? Journal of Policy Modeling, 30(3), 475–490. doi: 10.1016/j.jpolmod.2007.10.001
18. Fuglie, K. O. (2018). Is agricultural productivity slowing? Global Food Security, 17, 73–83.
19. Hosny, A. S. (2013). Survey of recent literature on CGE trade models: With special reference to the case of Egypt. Journal of World Economic Research, 2(1), 9–19.
20. Hummels, D. (2007). Transportation costs and international trade in the second era of globalization. Journal of Economic Perspectives, 21(3), 131–154. doi: 10.1257/jep.21.3.131
21. International Monetary Fund. (2016). World economic outlook: Subdued demand—Symptoms and remedies. IMF.
22. Kassem, A. Z. A., & Hassan, M. S. A. M. (2021). Analyzing relative export competitiveness of some vegetable crops in Egypt. Journal of Agricultural Economics & Rural Development, 7(1), 65–78.
23. Kassem, A. M. F., Hassan, R. A. M., & Tantawy, N. M. E. (2024). The possibility of increasing the competitiveness of Egyptian potato exports in global markets. Journal of Agricultural Economics and Social Sciences, 15(12), 507–518.
24. Kee, H. L., Nicita, A., & Olarreaga, M. (2006). Estimating trade restrictiveness indices. World Bank Policy Research Working Paper No. 3840. World Bank. doi: 10.1596/1813-9450-3840

25. Krugman, P. R. (1980). Scale economies, product differentiation, and the pattern of trade. American Economic Review, 70(5), 950–959.
26. Lofgren, H., Harris, R. L., & Robinson, S. (2002). A standard computable general equilibrium (CGE) model in GAMS. International Food Policy Research Institute.
27. Ngenoh, E., Kurgat, B. K., Bett, H. K., Kebede, S. W., & Bokelmann, W. (2019). Determinants of the competitiveness of smallholder African indigenous vegetable farmers in high-value agro-food chains in Kenya: A multivariate probit regression analysis. Agricultural and Food Economics, 7, Article 2.
28. Rady, E.-H., & Kandil, S. (2017). Estimating elasticities of main consumption groups for Egypt: Using cross-sectional data. International Journal of Accounting and Economics Studies, 5(2), 173–178. doi: 10.14419/ijaes.v5i2.8504
29. Reardon, T., Echeverría, R., Berdegué, J., Minten, B., Liverpool-Tasie, S., Tschirley, D., & Zilberman, D. (2019). Rapid transformation of food systems in developing regions: Highlighting the role of agricultural value chains. Agricultural Economics, 50(S1), 157–176.
30. Samuelson, P. A. (1954). The transfer problem and transport costs, II: Analysis of effects of trade impediments. The Economic Journal, 64(254), 264–289. doi: 10.2307/2226834
31. Shehata, G. A. B., Elgabery, A. A., & Alskran, A. K. (2020). Competitiveness of Egyptian potato exports in the most important world markets. Journal of Agricultural Economics, Alexandria University, 7(11), 261–271.
32. State Information Service. (2024). Agriculture Minister: Egypt's agro exports hit dlrs 9bn in 2023. Government of Egypt.
33. Solow, R. M. (1957). Technical change and the aggregate production function. The Review of Economics and Statistics, 39(3), 312–320. doi: 10.2307/1926047
34. United Nations Conference on Trade and Development. (2013). Non-tariff measures to trade: Economic and policy issues for developing countries. UNCTAD.
35. World Bank. (2010). Doing Business 2010: Reforming through difficult times. World Bank.
36. World Bank. (2020). Trading for development in the age of global value chains. World Bank.
37. World Bank. (2026). World Development Indicators: Population growth (annual %) – Egypt, Arab Rep.
38. World Trade Organization. (2012). World Trade Report 2012: Trade and public policies—A closer look at non-tariff measures in the 21st century. WTO.
39. World Trade Organization. (2015). World Trade Report 2015: Speeding up trade—Benefits and challenges of implementing the WTO Trade Facilitation Agreement. WTO.
40. Zaki, C. (2009). Towards an explicit modeling of trade facilitation in CGE models: Evidence from Egypt. In Proceedings of the 12th Annual Conference on Global Economic Analysis (pp. 1–67). Global Trade Analysis Project.
41. Zaki, C. (2013). Trade facilitation and corruption: A CGE model of Egypt. The Journal of North African Studies, 18(1), 70–111.

Turaeva G.G.
Main Directorate of Emergency Situations of the Tashkent Region
Republic of Uzbekistan

THE ARAL SEA REGION ECOLOGICAL CRISIS: QUANTITY AND QUALITY OF AMU DARYA WATER RESOURCES AND PROSPECTS FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Abstract: *This article analyzes the ecological crisis in the Aral Sea region in relation to quantitative changes and quality indicators of the Amu Darya's water resources. The methodological basis of the study consists of a comparative analysis of relevant scientific literature and a synthesis of published observational data. The relationships between water withdrawal volumes, irrigation practices, collector-drainage flows, mineralization levels, and the distribution of certain heavy metals along the river are examined. The impact of ecological changes on soil fertility, aquatic ecosystems, and the living conditions of the local population is discussed. To ensure sustainable development in the Aral Sea region, the study proposes strategies such as the integrated management of water quantity and quality, the improvement of ecological monitoring, the implementation of water-saving technologies, and the strengthening of regional cooperation.*

Keywords: *Aral Sea region, ecological crisis, Amu Darya, water resources, water quality, mineralization, collector-drainage waters, heavy metals, ecological flow, sustainable development.*

Introduction

The ecological crisis in the Aral Sea region serves as a complex example of the disruption in the balance between the utilization of natural resources and regional development. The reduction in the volume of river water flowing into the Aral Sea has led to the shrinking of the water body, increased salinity, and the alteration of natural habitats. The consequences of these processes extend beyond aquatic ecosystems, impacting agriculture, employment, the supply of drinking water, and the ecological security of the region. Consequently, explaining the Aral Sea issue solely in terms of the decline in sea level is insufficient.

The Amu Darya plays a crucial role in the water supply of the Aral Sea region. Beyond the volume of water extracted from the river, its chemical composition is also significant for the stability of ecosystems and for economic activities. The mineralization of the water, as well as the presence of pollutants, can limit the possibilities for its use. The objective of this article is to synthesize the factors affecting the quantity and quality of the Amu Darya's water resources and to identify management approaches that contribute to the sustainable development of the Aral Sea region. The analysis compares the approaches and observational findings presented in various scientific papers. No new field experiments or independent laboratory measurements were conducted.

Main Part

The emergence of water scarcity in the Aral Sea region is intrinsically linked to water distribution across the entire river basin. When a large portion of the Amu Darya's flow is diverted for irrigation and other economic needs, the volume of water reaching natural areas in the lower reaches diminishes. Lakes, wetlands, and riparian forests (*tugai*) in the river delta develop in dependence on the seasonal influx of water. Therefore, when assessing water supply, it is essential to consider not only the total annual volume but also its distribution throughout the year. A water deficit during the biologically active period can have a more severe impact on ecosystems than deviations based on annual averages.

Water quantity and quality are not separate issues. When river flow decreases, the capacity for diluting salts and pollutants entering the water may also decline. However, attributing changes in water composition solely to reduced flow is incomplete. Other contributing factors include return flows from irrigated lands, interactions with groundwater, wastewater discharge, and natural geochemical conditions. The relative influence of these factors varies across different sections of the river and throughout the seasons. For effective management, both water discharge rates and chemical parameters must be monitored concurrently.

In their study of the Amu Darya, Kulmatov et al. utilized a combination of archival data, field samples, and laboratory analyses. The observations covered hydrological monitoring stations at Termez, Tuyamuyun, Kipchak, Samanbay, and Kyzyljar. The authors noted that, during the years studied, water mineralization increased by a factor of 1.35–1.74 when moving from the upstream monitoring station to those downstream. This result demonstrates spatial variation in water quality along the river; it should be interpreted within the specific conditions covered by the study, rather than as an immutable rule applicable to all periods.

The increase in mineralization is also a significant factor for irrigated agriculture. Salts entering the soil via water can accumulate in the root zone if adequate drainage and proper irrigation are lacking. Consequently, it becomes difficult for plants to absorb water, the soil's reclamation status deteriorates, and the risk of reduced crop yields increases. Furthermore, determining the suitability of water for irrigation based solely on its total salt content is insufficient; factors such as ionic composition, soil characteristics, crop type, and drainage conditions must also be evaluated.

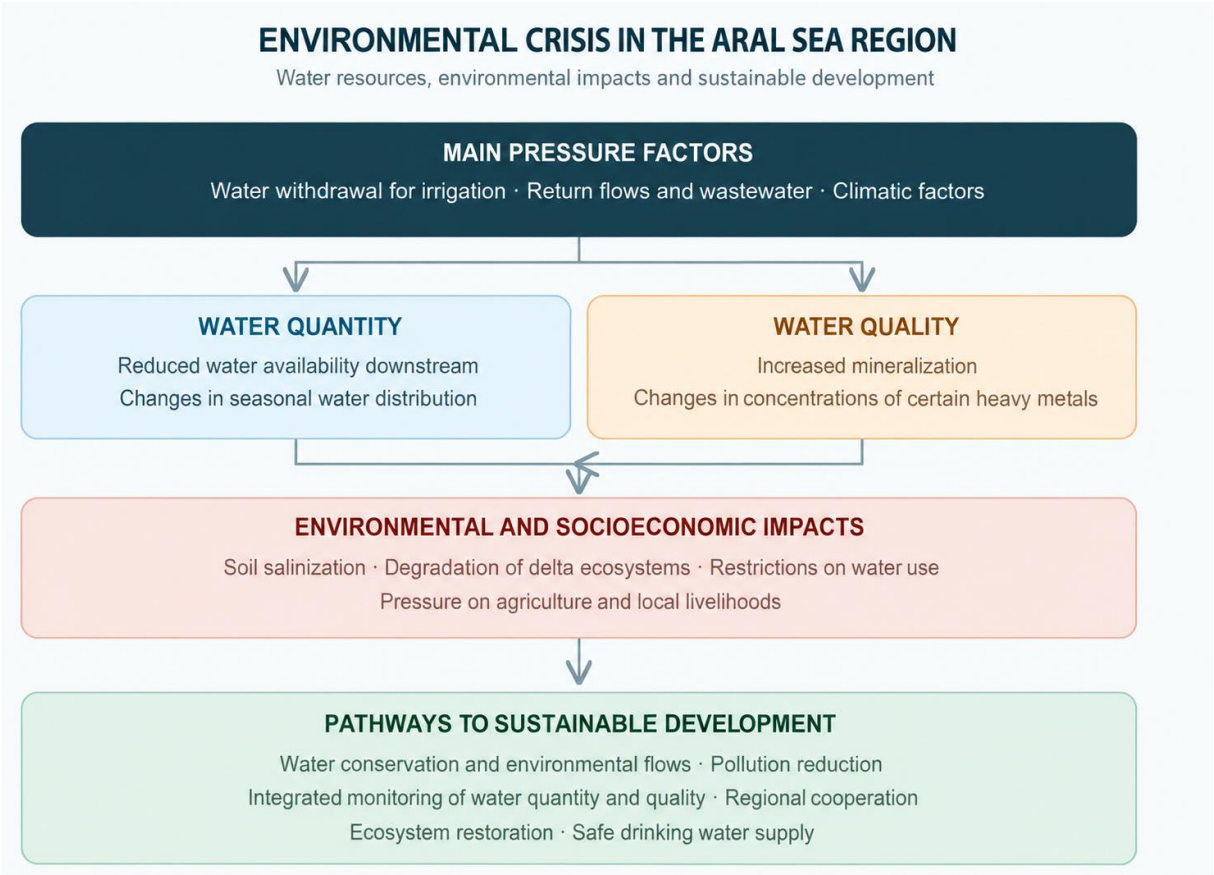
Collector-drainage waters play a distinct role in this process, serving to remove excess water and dissolved salts from irrigated lands. However, the return of such water into river systems can alter the chemical composition of the water downstream. Therefore, the task of improving drainage extends beyond merely removing water from the fields; the management plan must also address the destination, composition, and potential future use of this return water. Any reuse of such water should be based on water and soil analyses, the tolerance levels of the crops, and relevant environmental constraints.

Observations regarding heavy metals are also significant when assessing the water quality of the Amu Darya. The article under review illustrates how the

concentrations of copper, zinc, and hexavalent chromium vary along the course of the river. However, an increase in concentration from upstream to downstream does not necessarily imply that sanitary standards have been violated at every point. Drawing such a conclusion requires consideration of the specific concentration levels, the chemical form of the substance, the duration of exposure, and the intended use of the water. Furthermore, identifying the source of pollutants necessitates a dedicated investigation; attributing these increases to a particular enterprise or activity based solely on the observed rise is scientifically insufficient.

Climatic factors can exacerbate existing pressures on water resource utilization. Rising temperatures affect evaporation rates and the water requirements of crops, while shifts in precipitation patterns and snow or glacial reserves can alter the seasonal flow regime. Nevertheless, a statistical correlation between temperature and mineralization does not, in itself, prove a direct causal link. Factors such as the volume of irrigation, the operational regime of reservoirs, and return flows must be analyzed in conjunction with one another. This approach helps to avoid an oversimplification of the causes behind environmental issues. Examining the Aral Sea crisis from the perspective of sustainable development requires addressing ecological restoration and human well-being in tandem. Water quality, the provision of safe drinking water, agricultural income, and natural habitats are all interconnected. Therefore, when evaluating environmental projects, it is essential to measure not only the volume of work completed but also the practical outcomes achieved. For instance, the survival of vegetation in restored areas, improvements in water quality, and the extent to which the local population can access these services can serve as criteria for effectiveness.

Future management strategies must integrate water conservation, pollution reduction, and the maintenance of ecological flows. When irrigation technologies are upgraded, the fate of the saved water must be monitored at the basin level; if it is simply used to expand agricultural land, no additional water may reach the downstream areas. Practical avenues for regional cooperation include sharing monitoring data, standardizing measurement methodologies, and coordinating seasonal water allocation. Furthermore, in the Aral Sea region, linking water quality monitoring with the tracking of dust and salt storms—alongside systems for public awareness—will strengthen preparedness against environmental risks.

Conclusion

Mitigating the ecological crisis in the Aral Sea region depends on the joint management of both the quantity and quality of the Amu Darya's water resources. The studies reviewed indicate that, in addition to addressing water supply in the lower reaches, it is essential to focus on issues related to mineralization and pollutants. Furthermore, the results of any monitoring cannot be interpreted in isolation from their temporal scope, geographical coverage, and the analytical methods employed.

For sustainable development, key priorities include increasing irrigation efficiency, managing return flows, accounting for the water requirements of delta ecosystems, and improving the supply of safe drinking water. The actual impact of water-saving measures must be evaluated at the basin scale and linked to the water that reaches ecological systems. Collaboration among scientific institutions, water management organizations, and local authorities ensures that decisions are evidence-based. Consequently, ecological restoration efforts become integrated with improving the living conditions of the local population, protecting natural resources, and adapting to future risks. Such an approach serves to strengthen the long-term development prospects of the Aral Sea region.

References

1. Kulmatov R., Gapporov K., Alimov A., Opp C. Assessment of quantitative and qualitative indicators of water resources in the Amu Darya Basin, Uzbekistan. Environmental Research & Technology. 2026. 9(3). pp. 502–512.

2. Ergashev A., Ergashev T. Ecology, Biosphere, and Nature Conservation. Tashkent: Yangi Asr Avlodi, 2005.
3. Uysal Oğuz C., Özkan A., Özer S. Socio-economic and Environmental Dimensions of the Aral Sea Disaster from the Sustainable Development Perspective. bilig. 2026. Issue 116. pp. 29–58.
4. To‘xtayev A. S. Ecology. Tashkent: O‘qituvchi, 1998.
5. Yormatova D. Ecology. Tashkent, 2009.

Абдижалилов С.А.
студент 1 курса направления «Экология»
Каракалпакский институт сельского хозяйства и агротехнологий
Ешчанова С.Ш.
доцент
кафедра экологии и зелёной трансформации
Каракалпакский институт сельского хозяйства и агротехнологий

СОСТОЯНИЕ КАЧЕСТВА ПИТЬЕВОЙ ВОДЫ В АМУДАРЬИНСКОМ РАЙОНЕ

Аннотация. *В статье рассматривается качество питьевой воды, используемой населением Амударьинского района Республики Каракалпакстан. Анализируются показатели общей минерализации, сухого остатка, общей жёсткости, содержания хлоридов, сульфатов и отдельных микроэлементов в водопроводной, колодезной и канальной воде. Приводятся результаты исследований за 2024–2026 гг., характеризующие изменение основных физико-химических показателей водопроводной воды. Особое внимание уделяется проблеме повышенной минерализации воды, возможному присутствию загрязняющих веществ и необходимости обеспечения населения безопасной питьевой водой в условиях засушливого климата Приаралья.*

Ключевые слова: *питьевая вода, качество воды, минерализация, общая жёсткость, хлориды, сульфаты, микроэлементы, загрязнение водных ресурсов, Амударьинский район, Республика Каракалпакстан.*

Abdijalilov S.A.
1st-year student in the field of ecology
Karakalpak Institute of Agriculture and Agrotechnologies.
Yeshchanova S.Sh.
associate professor
Department of Ecology and Green Transformation
Karakalpak Institute of Agriculture and Agrotechnologies

STATE OF DRINKING WATER QUALITY IN THE AMUDARYA REGION

Abstract. *The article examines the quality of drinking water used by the population of the Amudarya district of the Republic of Karakalpakstan. The indicators of total mineralization, dry residue, total hardness, chloride, sulfate, and individual trace elements in tap, well, and canal water are analyzed. Research results for 2024-2026 are presented, characterizing the change in the main physicochemical indicators of tap water. In the arid climate of the Aral Sea region,*

special attention is paid to the problems of high water mineralization, the presence of pollutants, and the need to provide the population with safe drinking water.

***Keywords**: drinking water, water quality, mineralization, total hardness, chlorides, sulfates, trace elements, pollution of water resources, Amudarya district, Republic of Karakalpakstan.*

Введение

Вода является одним из важнейших экологических факторов, непосредственно влияющих на состояние здоровья населения и качество жизни. Обеспечение населения безопасной питьевой водой представляет собой одну из актуальных экологических и санитарно-гигиенических проблем Республики Каракалпакстан. Особую значимость данная проблема приобретает в условиях Приаралья, характеризующегося засушливым климатом, высокой континентальностью и сложными условиями формирования водных ресурсов.

По представленным в исследовании данным, централизованным водоснабжением было обеспечено 59,3 % населения Республики Каракалпакстан. При этом охват централизованным водоснабжением составлял 78,5 % городского и 44,2 % сельского населения. Около 47 % населения, согласно исходным материалам, использовали воду из колодцев, качество которой не всегда соответствовало санитарным требованиям, а 23 % населения употребляли воду из открытых водоисточников, включая каналы и арыки.

В исходном материале также отмечается, что в отдельные годы доля проб водопроводной воды и воды из открытых водоисточников, не соответствовавших установленным показателям качества, достигала 45 % по химическим и 43 % по бактериологическим показателям.

В сельских населённых пунктах Амударьинского района население использовало воду из оросительных систем, каналов и арыков, особенно в весенне-летний период, а в зимнее время — воду из колодцев. Согласно исходным данным, до 80 % обследованных колодцев не соответствовали санитарным требованиям. Эти обстоятельства обусловливают необходимость комплексного изучения физико-химических и санитарно-гигиенических характеристик питьевой воды, а также оценки её соответствия установленным нормативам.

К основным органолептическим характеристикам питьевой воды относятся запах, вкус, цветность и мутность. Качественная питьевая вода не должна иметь выраженного постороннего запаха или неприятного привкуса, а её внешний вид должен соответствовать установленным требованиям. Однако удовлетворительные органолептические свойства сами по себе не гарантируют химическую и микробиологическую безопасность воды.

При оценке качества питьевой воды существенное значение имеют общая минерализация, сухой остаток, общая жёсткость, концентрации хлоридов, сульфатов, нитратов и других химических компонентов.

Повышенное содержание растворённых солей может ухудшать органолептические свойства воды и свидетельствовать об особенностях природного состава водоисточника либо о воздействии антропогенных факторов.

В исходных материалах исследования приводятся следующие ориентировочные нормативные значения: общая минерализация — до 1000 мг/дм³, общая жёсткость — до 7,0 мг-экв/дм³, показатель pH — 6,5–9,5, концентрация нитратов — 45–50 мг/л.

Результаты исследования качества водопроводной воды

Динамика основных показателей качества водопроводной воды Амударьинского района за 2024–2026 гг. представлена в таблице 1.

Таблица 1

Динамика основных показателей качества водопроводной воды Амударьинского района в 2024–2026 гг.

№	**Показатель**	**Норматив по исходным данным**	2024	2025	2026
1	Сухой остаток, мг/л	1000	1650	2100	1112
2	Хлориды, мг/л	350	810	450	750
3	Сульфаты, мг/л	500	500	750	840
4	Общая жёсткость, мг-экв/л	7,0	15,1	18,0	25,0

Представленные данные свидетельствуют о значительной вариабельности исследованных показателей в течение рассматриваемого периода. Содержание сухого остатка в отдельных пробах превышало указанное нормативное значение 1000 мг/л. Максимальные значения были зарегистрированы в 2025 г. — до 2100 мг/л.

Концентрация хлоридов также характеризовалась существенными колебаниями. В 2024 г. она достигала 810 мг/л, в 2025 г. — 450 мг/л, а в 2026 г. — 750 мг/л при приведённом в исходной таблице нормативе 350 мг/л. Содержание сульфатов в отдельные годы превышало указанное значение 500 мг/л, достигая 750 мг/л в 2025 г. и 840 мг/л в 2026 г.

Общая жёсткость воды также демонстрировала значительную изменчивость. Максимальное значение, указанное для 2026 г., составляло 25,0 мг-экв/л, что существенно превышает приведённый норматив 7,0 мг-экв/л. Для корректной интерпретации этих результатов необходимо учитывать тип водоисточника, сезон отбора проб и условия водоподготовки.

Таким образом, данные таблицы указывают на наличие проб водопроводной воды с повышенной минерализацией, содержанием хлоридов

и сульфатов, а также с высокой общей жёсткостью. Для установления причин выявленных отклонений требуется сопоставление результатов химического анализа с гидрогеологическими условиями территории и характеристиками системы водоснабжения.

Минерализация воды определяется суммарным содержанием растворённых минеральных веществ. Её величина зависит от геологического строения территории, состава водовмещающих пород, условий питания и разгрузки подземных вод, а также от возможного антропогенного воздействия.

В исходных материалах приведены данные о химическом составе воды, характеризуемой авторами как вода с относительно благоприятным солевым составом, и воды с повышенной минерализацией.

Таблица 2

Показатель	**Единица измерения**	**Вода с относительно благоприятным солевым составом**	**Вода с повышенной минерализацией**
Общая минерализация	Mg/dm^3	700	3000
Общая жёсткость	Mg ekv /l	6,5	12,0
Кальций (Ca^{2+})	Mg/dm^3	90,2	190
Магний (Mg^{2+})	Mg/dm^3	24,3	36,5
Хлориды (Cl^-)	Mg/dm^3	25,0	143
Сульфаты (SO_4^{2-})	Mg/dm^3	250,0	700,0

Сравнительная характеристика химического состава воды по исходным материалам исследования

Таким образом, сравнительный анализ химического состава воды показал существенные различия между образцами с относительно благоприятным солевым составом и повышенной минерализацией. В воде с повышенной минерализацией общая минерализация составила 3000 мг/дм³, а общая жёсткость — 12,0 мг-экв/л, что превышает соответствующие показатели воды с относительно благоприятным солевым составом (700 мг/дм³ и 6,5 мг-экв/л). Также отмечено повышение содержания кальция с 90,2 до 190 мг/дм³, хлоридов с 25,0 до 143 мг/дм³ и сульфатов с 250,0 до 700,0 мг/дм³.

В исходных материалах представлены результаты определения отдельных микроэлементов в водопроводной, колодезной и канальной воде за 2026 гг.

Таблица 3

Содержание отдельных микроэлементов в воде различных источников Амударьинского района в 2026 г.

Источник воды	Fe	Mn	Cu	Zn	Co
Водопроводная вода	0,07	0,01	0,04	-	0,01
Колодезная вода	0,04	0,05	1,20	-	0,05
Канальная вода	0,02	0,02	0,75	-	0,02
ПДК по исходным данным	**0,3**	**0,1**	**1,0**	**5,0**	**0,01**

Сопоставление приведённых результатов с нормативными значениями возможно только после уточнения единиц измерения и применимых нормативов. По исходной таблице концентрация меди в колодезной воде составляет 1,20, а в канальной воде — 0,75.

В исходном материале также сообщается об обнаружении остатков хлорорганических и фосфорорганических пестицидов в 1,3–13,5 % исследованных проб питьевой воды.

Заключение

Полученные сведения обосновывают необходимость регулярного мониторинга качества питьевой воды из централизованных и нецентрализованных источников. Особое внимание следует уделять сезонным изменениям химического состава воды, содержанию растворённых солей, санитарно-микробиологическим показателям и возможному присутствию загрязняющих веществ. Полученные данные свидетельствуют о различиях в солевом составе исследуемой воды и подчёркивают необходимость регулярного контроля её физико-химических показателей. Для объективной оценки пригодности воды для питьевых целей результаты анализа необходимо сопоставлять с действующими санитарными нормативами. Проведение систематического мониторинга позволит своевременно выявлять изменения химического состава воды и разрабатывать меры по обеспечению населения качественной и безопасной питьевой водой.Это позволит объективно определить степень соответствия воды санитарно-гигиеническим требованиям и разработать обоснованные рекомендации по обеспечению населения безопасной питьевой водой в условиях засушливого климата Приаралья.

Использованные источники

1. Ergashev A. Ergashev T. Ekologiya, biosfera va tabiatni muxofaza qilish. Toshkent “yangi asr avlodi” 2005 y.

2. Константинова Л. Г., Курбанов А. Б., Атаназаров К. М. Качество питьевой воды, состояние здоровья населения и прогноз заболеваемости населения Республики Каракалпакстан //Экологические факторы и здоровье матери и

ребенка в регионе Аральского кризиса: Материалы Междунар. семинара. - Нукус: Фан, 2001. -С. 87-95.
3. Otaboyev S. Nabiyev M. Inson va biosfera. T. O’qituvchi . 1995. 307 b.
4. To’xtayev A, Xamidov A, Ekologiya asoslari va tabiatni muhofaza qilish. T. O’qituvchi .1994.
5. Shodimetov Yu. Ijtimoiy ekologiyaga kirish. T. O’qituvchi. 1994.

УДК 00–349.3

Арсаева А.Х.
студент 3 курса
Санкт-Петербургский юридический институт
(филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации
научный руководитель: Булгакова Л.С., к.ю.н.
доцент кафедры, советник юстиции
Санкт-Петербургский юридический институт
(филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЫПЛАТ ЧЛЕНАМ СЕМЬИ ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО, ПОГИБШЕГО ПРИ УЧАСТИИ В СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Аннотация*: В статье рассматриваются проблемы правового регулирования социальных выплат членам семей погибших военнослужащих. Анализируются особенности разграничения обязательного государственного страхования, единовременного пособия и специальных выплат, предусмотренных законодательством Российской Федерации. На основе судебной практики исследуются вопросы определения круга получателей и восстановления прав лиц, не включенных в первоначальный перечень. Обосновывается необходимость совершенствования порядка назначения выплат и межведомственного взаимодействия.*

Ключевые слова: *социальная защита военнослужащих, члены семей погибших военнослужащих, социальные выплаты, обязательное государственное страхование, единовременное пособие, специальная военная операция, круг получателей выплат, судебная практика.*

Arsaeva A.Kh.
third-year student
Saint Petersburg Law Institute (Branch) of the University
of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Scientific supervisor:
Bulgakova L.S., candidate of legal sciences
associate professor
justice counselor
Saint Petersburg Law Institute (Branch) of the University
of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

LEGAL ISSUES IN THE REGULATION OF PAYMENTS TO FAMILY MEMBERS OF MILITARY PERSONNEL KILLED WHILE PARTICIPATING IN THE SPECIAL MILITARY OPERATION

Abstract. *This article examines legal issues concerning social benefits for family members of deceased military personnel. It analyzes the distinctions between*

compulsory state insurance, lump-sum benefits and special payments provided for under Russian law. Judicial practice is used to examine the determination of eligible beneficiaries and the restoration of the rights of people omitted from the initial list of recipients. The article highlights the need to improve payment procedures and interagency cooperation.

Keywords: *social protection of military personnel, family members of deceased military personnel, social benefits, compulsory state insurance, lump-sum benefit, special military operation, eligible beneficiaries, judicial practice.*

Военная служба относится к особым видам государственной службы, осуществление которой связано с повышенным риском причинения вреда жизни и здоровью военнослужащего. Конституционно-правовая природа военной службы обуславливает необходимость установления государством специальных социальных гарантий как для самих военнослужащих, так и для членов их семей на случай наступления тяжелых социальных рисков, в том числе гибели военнослужащего. В условиях проведения специальной военной операции значение соответствующих гарантий существенно возросло, в связи с чем связано формирование значительного массива специального законодательства. Однако правоприменительная практика выявила ряд проблем, наиболее существенными из которых является проблема определения конкретного юридического основания возникновения права на выплату и установления полного круга лиц, имеющих право на ее получение.

Системный метод позволил разграничить самостоятельные правовые механизмы социальной защиты и определить особенности возникновения права на соответствующие выплаты Анализа судебной практики выявил проблемы правоприменения, связанные с определением круга получателей выплат и восстановлением нарушенных прав.

В настоящее время социальная защита членов семьи погибшего военнослужащего осуществляется посредством нескольких самостоятельных правовых механизмов. К числу основных относятся обязательное государственное страхование жизни и здоровья военнослужащих, регулируемое Федеральным законом от 28.03.1998 № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации» (далее - ФЗ №52); единовременное пособие и ежемесячная денежная компенсация, предусмотренные Федеральным законом «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» от 07.11.2011 № 306-ФЗ (далее - ФЗ №306), а также единовременная выплата, установленная Указом Президента РФ от 05.03.2022 № 98 «О дополнительных социальных

гарантиях военнослужащим, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации, и членам их семей» (далее - Указ Президента №98).

На практике данные механизмы нередко воспринимаются как три различных основания получения одной и той же выплаты, из-за чего возникает большое количество судебных споров, в то время как каждая из названных мер социальной защиты имеет самостоятельную нормативную основу, собственный юридический состав, специфические условия возникновения права и определенный законом круг получателей. Иными словами, одно событие - гибель военнослужащего - может одновременно являться юридическим фактом, порождающим несколько самостоятельных правоотношений в сфере социального обеспечения.

Прежде всего необходимо обратиться к правовому регулированию обязательного государственного страхования: согласно ФЗ №52 объектами обязательного государственного страхования являются жизнь и здоровье военнослужащих и иных перечисленных в законе лиц, в частности, страховым случаем признается, гибель (смерть) застрахованного лица в период прохождения военной службы, а также смерть в течение одного года после увольнения с военной службы вследствие увечья, ранения, травмы, контузии или заболевания, полученных в период прохождения военной службы. Юридическая конструкция обязательного государственного страхования связывает возникновение права на страховую сумму, прежде всего, с наступлением страхового случая.

Самостоятельным механизмом является единовременное пособие, предусмотренное ФЗ № 306, оно выплачивается в случае гибели военнослужащего, наступившей при исполнении обязанностей военной службы, либо его смерти вследствие увечья, ранения, травмы, контузии или заболевания, полученных при исполнении обязанностей военной службы, до истечения одного года со дня увольнения с военной службы членам его семьи в размере 3 млн рублей с учетом предусмотренной законодательством индексации. В отличии от обязательного государственного страхования, где существенное значение имеет факт наступления страхового случая, для единовременного пособия по ФЗ № 306 законодатель специально выделяет гибель при исполнении обязанностей военной службы либо смерть вследствие военной травмы.

Кажется, что законодатель четко прописал и разграничил основания получения социальных выплат, однако на практике гибель военнослужащего при выполнении боевой задачи может одновременно образовывать несколько юридических составов, подпадающих как под действие ФЗ № 52, так и ФЗ № 306.

Особое место в системе рассматриваемых гарантий занимает уже вышеупомянутый Указ Президента № 98, в соответствии с которым установлена единовременная выплата в размере 5 млн рублей членам семей военнослужащих, погибших при участии в специальной военной операции, а

также в иных прямо предусмотренных законом случаях. Право на выплату возникает в результате гибели (смерти) военнослужащего, принимавшего участие в специальной военной операции, а также с предусмотренными им случаями смерти после увольнения вследствие увечья, ранения, травмы, контузии или заболевания, полученных при исполнении обязанностей военной службы. Возникает вопрос, какие случаи законодатель относит к произошедшим «при исполнении обязанностей военной службы». Именно этот вопрос стал предметом рассмотрения дела № 2-4272/2023[6]. Суд рассмотрел иск матери военнослужащего, погибшего вследствие отравления метиловым спиртом, о признании смерти наступившей при исполнении обязанностей военной службы. В удовлетворении требований было отказано, поскольку суд установил факт добровольного употребления спиртосодержащей жидкости, что, с учётом положений законодательства о военной службе, исключило соответствующую квалификацию смерти. Данное дело демонстрирует правовое разграничение смерти в период прохождения военной службы и смерти при исполнении обязанностей военной службы.

Кроме того, правовой режим выплаты по Указу Президента № 98 неоднократно изменялся. В частности, Указом Президента РФ от 08.04.2024 № 245 «О внесении изменений в некоторые указы Президента Российской Федерации» были внесены изменения, в соответствии с которыми при отсутствии членов семьи, указанных в соответствующем положении, выплата осуществляется в равных долях совершеннолетним детям, а при отсутствии совершеннолетних детей - полнородным и неполнородным братьям и сестрам (далее Указ Президента № 245).

Изменение законодательства непосредственно повлияло на судебную практику. Так, в определении Верховного Суда Российской Федерации от 7 декабря 2025 г. № 45-КГ25-29-К7 рассматривался спор о праве совершеннолетней дочери погибшего военнослужащего на выплату по Указу Президента № 98[7]. Из материалов дела следует, что изначально выплата была произведена брату погибшего. Верховный Суд обратил внимание на то, что после внесения изменений Указом Президента № 245 совершеннолетние дети при предусмотренных Указом условиях относятся к числу лиц, имеющих право на получение выплаты. При этом сам факт того, что денежные средства ранее были перечислены другому лицу, не был признан достаточным основанием для отказа в рассмотрении требований дочери. То есть, исходя из определения Верховного суда по данному делу, следует, что факт перечисления денежных средств конкретному гражданину не лишает остальных лиц, обладающих соответствующим правом, возможности получения выплаты. Иными словами, если после осуществления выплаты выявляется другое лицо, которое в соответствии с законодательством также

[6] Решение № 2-4272/2023 2-4272/2023~М-2780/2023 М-2780/2023 от 19 июля 2023 г. по делу № 2-4272/2023

[7] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 7 декабря 2025 года № 45-КГ25-29-К7.

имеет право на соответствующую меру социальной защиты, необходимо решить вопрос о восстановлении нарушенного права, а не исходить исключительно из того, что денежные средства уже были перечислены другому получателю.

Первоначальное решение о выплате принимается, как правило, в административном порядке. Уполномоченный орган располагает определенным набором документов и на их основании устанавливает круг получателей. Если один из потенциальных получателей не указан в представленных документах, он может не попасть в первоначальный круг лиц, которым производится выплата. Оно содержит сведения о военнослужащем, его семейном положении и иных обстоятельствах прохождения военной службы, однако личное дело не может рассматриваться как нормативный источник возникновения права на социальное обеспечение. Соответственно, отсутствие гражданина в личном деле не означает отсутствия у него права, если он отвечает требованиям закона. Такой вывод следует из самой природы права социального обеспечения - субъективное право на социальную выплату возникает при наличии юридических фактов, установленных законом. Иное решение суда фактически означало бы возможность изменения установленного федеральным законом круга получателей посредством неполного или ошибочного внесения сведений в личное дело.

Такая проблема может возникнуть в отношении нескольких категорий лиц. Во-первых, это дети военнослужащего, сведения о которых отсутствовали в документах воинской части. Во-вторых, супруг, сведения о котором не были своевременно представлены либо были отражены в документах ненадлежащим образом. В-третьих, спор может возникать в отношении родителей и иных лиц, поскольку необходимо установить соответствующие юридические факты и содержание семейных отношений. В-четвертых, фактический воспитатель, который в силу характера своих отношений с военнослужащим может вообще отсутствовать в официальных документах как родственник.

В ситуации, когда административный круг уже сформирован и деньги перечислены, а впоследствии выявляется лицо, обладающее нормативным правом на выплату, возникает вопрос о способе восстановления нарушенного права.

Таким образом, проблема состоит не только в определении того, какая из существующих выплат положена лицу, но и в отсутствии абсолютно унифицированного механизма установления права на них. Различные нормативные акты используют разные критерии: страховой случай, исполнение обязанностей военной службы, военная травма, участие в специальной военной операции, семейный статус, возраст, состояние здоровья, факт воспитания и содержания и другие юридические обстоятельства. Для правоприменителя это означает необходимость последовательной квалификации всех обстоятельств конкретного случая.

Дальнейшее развитие законодательства может быть оправдано в нескольких направлениях. Во-первых, необходимо предусмотреть возможность максимального контроля информации о структуре семьи военнослужащего через механизм межведомственного взаимодействия. На этапе обработки выплат необходимо использовать не только документы из личного дела, но и информацию органов записи актов гражданского состояния, органов опеки и попечительства и других информационных систем государственных органов в пределах, установленных законом. Это позволит уменьшить количество ситуаций, когда право человека не реализуется из-за отсутствия информации в его личном деле.

Кроме того, необходимо прямо закрепить нормативное положение о том, что сведения личного дела военнослужащего не являются исчерпывающим основанием для определения круга лиц, имеющих право на социальную выплату. Такие сведения должны рассматриваться как один из источников доказательственной информации, подлежащий сопоставлению с иными документами и сведениями.

Следует также установить единый административный порядок действий в ситуации, когда после назначения выплаты выявляется лицо, ранее не включенное в число получателей. Законодательство должно определить, какой орган обязан провести проверку, каким образом осуществляется перерасчет, за счет какого источника производится дополнительная выплата, а также каким образом разрешается вопрос о денежных средствах, ранее перечисленных другим лицам. Наличие такого механизма позволило бы в значительной степени сократить количество судебных споров.

При этом судебная защита должна сохранять значение гарантии восстановления нарушенного права. Если административным органом не было установлено юридически значимое обстоятельство, лицо должно иметь возможность представить соответствующие доказательства и добиться установления факта, имеющего значение для возникновения права. Особенно это важно в отношении фактических воспитателей, поскольку соответствующее право по самой природе категории предполагает возможность судебного установления фактических семейных отношений.

Таким образом, современное законодательство о социальной защите членов семей военнослужащих, погибших при участии в специальной военной операции, представляет собой совокупность нескольких самостоятельных механизмов социального обеспечения. Страховая сумма по ФЗ №52, единовременное пособие и ежемесячная денежная компенсация по ФЗ №306 и специальная единовременная выплата по Указу Президента № 98 имеют различную юридическую природу, различаются по юридическим фактам и кругу получателей и поэтому не могут рассматриваться как три альтернативных основания одной выплаты. Одно событие - гибель военнослужащего - может одновременно порождать несколько самостоятельных правоотношений в сфере социального обеспечения.

В заключение важно отметить, что основная проблема правового регулирования выплат семьям погибших военнослужащих может рассматриваться как проблема несоответствия материального закона социальной защиты и административного процесса определения бенефициаров этого закона. В контексте законодательной реформы усилия должны быть направлены на минимизацию этого несоответствия посредством межведомственной проверки информации о членах семьи, признание индивидуального дела единственным источником доказательств, разработки системы определения новых бенефициаров после первого платежа и правил пересчета выделенных средств. Такой подход позволит реализовать идею государства социального обеспечения и гарантировать предоставление социальной защиты, гарантированной законом всем тем, кто действительно в этом нуждается.

Использованные источники

Нормативные правовые акты:

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. — 1993. — 25 дек.
2. О статусе военнослужащих : федер. закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ (в ред. от 30 сент. 2024 г.). — Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. — Дата обращения: 10.10.2026.
3. Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации : федер. закон от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ (в ред. от 30 сент. 2024 г.). — Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. — Дата обращения: 10.10.2026.
4. О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат : федер. закон от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ (в ред. от 30 сент. 2024 г.). — Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. — Дата обращения: 11.10.2026.
5. О дополнительных социальных гарантиях военнослужащим, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации, и членам их семей : указ Президента Рос. Федерации от 5 марта 2022 г. № 98 (в ред. от 30 сент. 2024 г.). — Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. — Дата обращения: 11.10.2026.
6. О внесении изменений в некоторые указы Президента Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 8 апреля 2024 г. № 245 (в ред. от 30 сент. 2024 г.). — Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. — Дата обращения: 12.10.2026.

7. Об определении Порядка назначения и осуществления единовременных выплат, установленных Указом Президента Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 98 : приказ Министра обороны Рос. Федерации от 22 апреля 2022 г. № 236 (в ред. от 30 сент. 2024 г.). — Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. — Дата обращения: 12.10.2026.

Научная литература:

8. Антипьева Н. В. Единство и дифференциация в праве социального обеспечения : дис. … д-ра юрид. наук. — М., 2016. — 444 с.
9. Винокуров А. А. Социальная защита участников специальной военной операции и членов их семей / А. А. Винокуров, М. А. Назарова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 47 (494). — С. 272–275.
10. Мачульская Е. Е. Право социального обеспечения : учебник для бакалавров. Углубленный курс. — 3-е изд. — М. : Юрайт, 2014. — 587 с.
11. Семянникова Д. А. Правовые нормы социального обеспечения военнослужащих — участников специальной военной операции. — Текст : непосредственный // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2022. — № 4. — С. 89–97.
12. Семянникова Д. А. Социальное обеспечение военнослужащих — участников специальной военной операции (региональный аспект). — Текст : непосредственный // Военно-юридический журнал. — 2024. — № 1. — С. 18–23.

Судебная практика:

13. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 7 декабря 2025 г. № 45-КГ25-29-К7. — Текст : электронный // СудАкт : судебные и нормативные акты Российской Федерации. — Дата обращения: 16.10.2026.
14. Решение от 19 июля 2023 г. по делу № 2-4272/2023 (№ 2-4272/2023, № М-2780/2023). — Текст : электронный // СудАкт : судебные и нормативные акты Российской Федерации. — Дата обращения: 17.10.2026.

УДК-371.012

Бобозода И.С.
старший преподаватель
Алиева М.Н.
доцент
ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Б. Гафурова»
Таджикистан, г. Худжанд

НЕОБХОДИМОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ ТВОРЧЕСКИХ УМЕНИЙ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ ПОСРЕДСТВОМ ПРЕДМЕТА «ИСКУССТВО И ТРУД»

Аннотация: *В статье речь идет о необходимости формирования творческих умений будущих учителей начальных классов посредством предмета «искусство и труд» и отмечается, что применение современных методов обучения, дидактических игр, творческих заданий, стимулирование выдвижения собственных идей, межпредметная интеграция и поддержка самостоятельной творческой деятельности студентов — будущих учителей способствуют эффективному формированию их творческих умений в процессе изучения предмета «Искусство и труд».*

Ключевые слова: *формирование, творчество, творческое умение, студент-будуший учитель, предмет «искусство и труд»*

Bobozoda I.S.
senior lecturer
Alieva M.N.
associate professor
SEI «Khujand State University named after Academician B. Gafurov»
Republic of Tajikistan, Khujand

THE NEED TO DEVELOP CREATIVE SKILLS IN FUTURE PRIMARY SCHOOL TEACHERS THROUGH THE SUBJECT «ART AND LABOR»

Annotation. *This article examines the issue of developing creative skills in future primary school teachers through the academic subject «Art and Labor» the article substantiates the importance of applying modern teaching methods, didactic games, creative assignments, encouraging students to propose their own ideas, interdisciplinary integration, and supporting the independent creative activities of future teachers. It is noted that the comprehensive application of these approaches contributes to the effective development of creative skills in future teachers in the process of studying the subject «Art and Labor».*

Keywords: *development, creativity, creative skills, student–future teacher, subject «Art and Labor» primary education, creative activity, teacher training.*

«Министерство регулярно подводит итоги работы, отмечает достижения отраслевых реформ, реализованных в течение последних нескольких лет, а также разрабатывает новые стандарты и программы на основе мировых достижений как важный компонент содержания реформирования системы образования [1, с. 187]. В связи с этим в современных условиях возникает необходимость уделять повышенное внимание проблеме формирования творческих умений будущего учителя. «Лучшие представители интеллектуальной мысли человечества — философы, психологи и педагоги — с древних времён изучают вопросы развития творческих способностей личности и стремятся найти наиболее эффективные педагогические приёмы и методы обучения» [2, с. 236].

В целях повышения качества учебных занятий в образовательном процессе, как правило, используются различные методы обучения, дидактические игры и другие педагогические приёмы. Следует отметить, что учащиеся начальных классов обладают способностью рассуждать и делать логические выводы. Их отношение к окружающему миру в определённой степени характеризуется игровой направленностью. В силу возрастных особенностей они могут воспринимать окружающую действительность и взаимодействие с людьми достаточно легко, не всегда осознавая возникающие трудности. Учащиеся младшего школьного возраста сравнительно легко усваивают знания, предлагаемые учителем. Чем интереснее учитель разрабатывает учебно-методические материалы, тем сильнее становится познавательный интерес учащихся и тем активнее они участвуют в процессе усвоения учебного материала.

Необходимость формирования творческих умений учащихся обусловлена тем, что данный процесс способствует повышению их интереса к обучению, декоративно-прикладной деятельности и созидательному труду, а также развитию общей активности. Чем выше уровень сформированности творческих умений учащегося, тем шире его возможности в выполнении различных видов деятельности и тем эффективнее результаты его работы.

Таким образом, одной из основных задач современного учителя является формирование творческих умений учащихся. Система деятельности учителя по формированию творческих умений учащихся направлена на развитие интереса к самостоятельной интеллектуальной деятельности, формирование потребности в самостоятельном исследовании, стремления обосновывать правильность выбранного способа решения проблем, настойчивости в овладении интеллектуальными умениями и творческими способностями.

В качестве педагогических условий формирования творческих умений учащихся можно выделить несколько видов развивающей среды, создание которой обеспечивается соблюдением следующих условий:

1. Создание благоприятных условий для формирования творческих умений учащихся;

2. Организация окружающей среды, стимулирующей учащихся к развитию творческих умений;

3. Пробуждение интереса и познавательной активности учащихся с целью повышения их трудовой активности;

4. Привлечение творчески активных учащихся к трудовой деятельности, обеспечивающей возможности для самореализации, самовыражения и самопознания;

5. Формирование у учащихся способности к самостоятельной организации собственной деятельности.

Творческие умения учащихся формируются при соблюдении различных условий, в частности:

- при выполнении творческих заданий;
- при реализации творческих заданий в процессе внеклассной деятельности;
- при межпредметной интеграции в соответствии с изучаемой темой;
- при практическом воплощении творческого воображения учащихся;
- при создании благоприятных условий для приобретения опыта творческой деятельности;
- при организации и проведении активных методов обучения в образовательном процессе;
- при использовании дидактических игр для повышения интереса учащихся к обучению;
- при систематическом взаимодействии с родителями учащихся;
- при создании необходимых условий для формирования творческих умений учащихся в процессе участия в культурных и творческих мероприятиях.

Можно выделить шесть основных практических аспектов, способствующих формированию творческих умений студентов — будущих учителей предмета «Искусство и труд» в образовательном процессе:

1. Стимулирование исследовательской деятельности;

2. Применение интерактивных методов обучения;;

3. Всесторонняя поддержка самостоятельной творческой деятельности;

4. Выполнение творческих заданий и реализация проектов;

5. Стимулирование студентов — будущих учителей к выдвижению собственных идей;

6. Интеграция искусства и творческой деятельности в образовательный процесс.

Применение современных методов обучения, дидактических игр, творческих заданий, стимулирование выдвижения собственных идей, межпредметная интеграция и поддержка самостоятельной творческой деятельности студентов — будущих учителей способствуют эффективному формированию их творческих умений в процессе изучения предмета «Искусство и труд». Следует отметить, что преподаватель высшего учебного заведения играет важную роль в достижении данной цели. Его основная

задача заключается в создании необходимых образовательных условий, обеспечивающих возможности для свободного выражения мыслей и идей, поиска новых способов и приёмов работы, а также эффективной реализации творческих замыслов студентов — будущих учителей.

Таким образом, формирование творческих умений студентов — будущих учителей начальных классов должно осуществляться как непрерывный и целенаправленный процесс. Данный процесс способствует не только повышению качества образования, но и усилению познавательного интереса, формированию всесторонне развитой личности, развитию самостоятельного творческого мышления и эстетического вкуса. Поддержка и стимулирование студентов — будущих учителей со стороны преподавателей высших учебных заведений являются важнейшей основой формирования и дальнейшего развития их творческих умений.

Использованные источники

1. Азизов А.А. Формирование творческих способностей учащихся в начальных классах на уроках искусства и технологии в компетентном отношении /А.А.Азизов, М.Н.Алиева// Вестник Таджикского национального университета. Душанбе: ТНУ, №4, 2018. –С.187-191
2. Азизов А.А. Формирование и развитие творческих способностей у младших школьников /А.А.Азизов, М.Н.Алиева// Вестник Таджикского национального университета. Душанбе: ТНУ, №1, 2019.-311 с. С.236-240
3. Баранова С.П. Педагогика [Текст]: / С. П. Баранова , В. А. Сластенина// – М., 1986.-137 с.
4. Маркарян Э.С. Вопросы системного исследования общества, М.: Просвещение, 1972.-216 с.

УДК 94(479.99) «2008» 341.31

Гобозов В.Ф.
доцент
кафедра гражданского права
Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова
Республика Южная Осетия, г. Цхинвал

ЦХИНВАЛЬСКИЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ РУБЕЖ: СОБЫТИЯ, ИТОГИ И УРОКИ АВГУСТА 2008 ГОДА

Аннотация: *В статье анализируются причины и последствия т.н. «войны 08.08.08». События 7-26 августа 2008 г. в Южной Осетии не только привели к признанию независимости Республики Южная Осетия и Абхазии, но и кардинально изменили геополитическую ситуацию. Они стали тем водоразделом, который зафиксировал конец однополярного мира. Признание независимости Южной Осетии Российской Федерацией привело к восстановлению независимого Аланского (Осетинского) государства на политической карте мира.*

Ключевые слова: *геополитика, Южная Осетия, Грузия, Россия, США, Запад, Европейский Союз, «Война 08.08.08».*

Gobozov V.F.
associate professor
Department of civil law
South Ossetian State University named after A.A. Tibilov
Republic of South Ossetia, Tskhinval

TSKHINVALI GEOPOLITICAL FRONTIER: EVENTS, RESULTS AND LESSONS OF AUGUST 2008

Abstract: *The article analyzes the causes and consequences of the so-called "war of 08.08.08." The events of August 7–26, 2008, in South Ossetia not only led to the recognition of the independence of the Republic of South Ossetia and Abkhazia, but also fundamentally changed the geopolitical situation. They became the watershed that marked the end of the unipolar world. The Russian Federation's recognition of South Ossetia's independence led to the restoration of an independent Alan (Ossetian) state on the political map of the world.*

Keywords: *geopolitics, South Ossetia, Georgia, Russia, USA, West, European Union, «War 08.08.08».*

Введение. О событиях, происшедших в августе 2008 года в Южной Осетии, написано уже немало. Тем не менее, вряд ли можно считать эту тему в достаточной степени исследованной и исчерпанной. Очевидно, что для

осмысления результатов, причин и последствий этих событий понадобится еще немало времени и усилий ученых, политологов, исследователей. Масштабность перемен, своеобразным «пусковым крючком» которых стала «война 08.08.08», требует основательного анализа.

Цель исследования – обозначить основные факты и выявить ключевые факторы, способствовавшие возникновению конфликта, а также проанализировать его долгосрочные последствия для глобальной безопасности.

Методология исследования. Исследование «Пятидневной войны 2008 года» требует комплексного подхода, охватывающего исторические, политические и международно-правовые аспекты. Поэтому применялись разнообразные методы, основные из которых: методы исторического, политологический и международно-правового анализа, а также анализа военных действий.

Результаты оригинального авторского исследования. В ночь с 7 на 8 августа 2008 года Грузия предприняла военные действия против Южной Осетии. Несмотря на заявление президента Грузии Михаила Саакашвили о перемирии, вечером 7 августа, грузинская сторона уведомила российского командующего миротворцами генерала Марата Кулахметова о начале силовой операции по «наведению конституционного порядка». В 23:30 того же дня начался интенсивный обстрел Цхинвала из гаубиц и установок «Град».

К утру грузинские войска заняли несколько прилегающих к Цхинвалу сел и часть Знаурского района. До рассвета начался штурм столицы Южной Осетии с использованием танков и пехоты. Ранним утром были задействованы штурмовики Су-25, наносившие ракетные удары по целям. Активно обстреливалась Зарская дорога, являющаяся ключевой артерией, связывающей Цхинвал с Россией. Утром 8 августа база российских миротворцев подверглась обстрелу, что привело к гибели более десяти военнослужащих.

Ожесточенные бои за Цхинвал продолжались три дня, с 8 по 10 августа. Разрозненные группы обороняющихся оказывали упорное сопротивление, уничтожая бронетехнику и пехоту противника, что не позволило грузинским войскам взять под контроль столицу Южной Осетии.

Параллельно Россия приняла решение о проведении операции по принуждению Грузии к миру. На фоне штурма Цхинвала, Россия инициировала созыв Совета Безопасности ООН, однако заседание, продлившееся до утра, не привело к принятию каких-либо заявлений. Президент России Дмитрий Медведев, прервав отпуск, объявил о начале военной операции.

Премьер-министр РФ Владимир Путин, находившийся в Пекине, охарактеризовал события как «очень печальные» и подчеркнул неизбежность ответных действий. В телефонном разговоре с президентом США Джорджем Бушем, Путин выразил намерение «жестко поговорить», что, по признанию

Буша, впоследствии и произошло. Путин назвал действия Саакашвили «кровавой авантюрой», а Буш заверил в нежелании войны [1].

Военные действия начались около 10 утра 8 августа с авиационных ударов по военным объектам в Карели и Гори. Министерство обороны РФ заявило о намерении защитить миротворцев и граждан России. Президент Медведев пообещал наказание виновным в гибели российских граждан [2].

К этому времени колонны 19-й гвардейской мотострелковой дивизии 58-й армии уже пересекли Рукский тоннель и двигались к Цхинвалу по Зарской дороге. В течение получаса ситуация изменилась: Зарская дорога была разблокирована, грузинские части покинули Цхинвал, бои прекратились. Российская авиация установила господство в воздухе и наносила удары по военным объектам на всей территории Грузии, включая базы в Гори, Вазиани, Сенаки, порт Поти и авиабазы Марнеули и Болниси. Российские штурмовики также наносили удары по позициям грузинских войск в Южной Осетии.

Днем 10 августа Генштаб РФ подтвердил отход грузинских войск из Цхинвала. Российские подразделения приступили к зачистке территории Южной Осетии. Грузия объявила военное положение, начала мобилизацию резервистов и перебросила часть своего контингента из Ирака.

В ночь на 11 августа Цхинвал вновь подвергся артиллерийскому обстрелу, погибли еще трое миротворцев. К середине дня ситуация начала стабилизироваться.

Днем 11 августа президент Саакашвили прибыл в Гори для встречи с министром иностранных дел Франции Бернаром Кушнером. Ночь на 12 августа стала первой относительно спокойной для Цхинвала с начала конфликта.

Параллельно абхазские силы вытеснили грузинские подразделения из Кодорского ущелья и заняли позиции в Гальском районе. Для предотвращения конфликта на втором направлении, в Зугдидский район Грузии введены дополнительные миротворческие силы.

Вечером 9 августа Черноморский флот России начал перегруппировку. Утром 10 августа к грузинской границе подошли ракетный крейсер «Москва» и сторожевой корабль «Сметливый». Российские корабли потопили один грузинский ракетный катер, нарушивший зону безопасности. Флагман Черноморского флота затем отошел в Новороссийск, российские корабли патрулировали зону безопасности.

К вечеру 12 августа грузинская сторона заявила о выходе российских войск из зоны конфликта и их продвижении вглубь территории Грузии, в частности, о занятии города Сенаки и опустевшего Гори. По сообщениям Reuters, в Гори отсутствовали как грузинские, так и российские войска, а большинство жителей покинули город. Британская The Times описала отход грузинских войск из Гори как паническое бегство.

12 августа президент Медведев объявил о завершении операции по принуждению Грузии к миру, констатировав достижение цели, восстановление безопасности и значительные потери противника [3]. В тот же

день в Москву прибыли президент Франции Николя Саркози и министры иностранных дел Франции и Финляндии для переговоров.

12 августа Дмитрий Медведев озвучил согласованные с Саркози шесть принципов урегулирования: отказ от применения силы, прекращение военных действий, обеспечение гуманитарной помощи, возврат грузинских вооруженных сил в места дислокации, вывод российских войск на линию, предшествующую боевым действиям, с принятием дополнительных мер безопасности до создания международных механизмов, а также начало международного обсуждения вопросов статуса Южной Осетии и Абхазии и путей обеспечения их безопасности.

Президент Грузии Михаил Саакашвили в целом принял условия прекращения огня. Однако, по словам Саркози, по просьбе Грузии были изъяты слова о международном обсуждении статуса Абхазии и Южной Осетии, с акцентом на международные переговоры по обеспечению стабильности и безопасности. Министр иностранных дел РФ Сергей Лавров подтвердил это, отметив, что вопросы безопасности нельзя решать вне контекста статуса [4].

13 августа главы МИД стран ЕС одобрили план Медведева-Саркози. 25 августа парламенты РФ обратились к президенту с призывом признать независимость Южной Осетии и Абхазии. Президент Медведев ранее заявлял о поддержке любого решения народов этих республик о статусе.

26 августа президент Медведев объявил о признании независимости Абхазии и Южной Осетии, назвав этот шаг единственной возможностью сохранить жизни людей в свете срыва переговоров и попытки Грузии вернуть территории силовым путем. Он обвинил Грузию в нарушении Устава ООН и возложил на Саакашвили ответственность за крах надежд на мирное сосуществование. Действия России были заявлены как соответствующие международному праву [5].

В президентских указах о признании говорилось о суверенитете и независимости республик, с учетом волеизъявления их народов. МИД РФ поручено установить дипломатические отношения и подготовить договоры о дружбе. Вооруженным силам РФ поручено поддержание мира до заключения двусторонних соглашений.

Решение России вызвало ликование в Абхазии и Южной Осетии, 26 августа объявлено национальным праздником. Руководство Грузии, большинство западных стран, ЕС и ОБСЕ выступили против, особенно те, кто ранее признал независимость Косово.

Более сдержанно отреагировали Италия и Китай. Министр иностранных дел Италии Франко Фраттини выразил сожаление [6], а представитель МИД КНР Цинь Ганн выразил надежду на решение проблем путем диалога [7]. Генсек ООН Пан Ги Мун выразил обеспокоенность осложнением ситуации на Кавказе, но отметил, что признание государств – прерогатива каждой страны. [6]. Бывший президент Италии Франческо Коссига поддержал право Южной Осетии и Абхазии на самоопределение [8].

События августа 2008 года, включая нападение Грузии, операцию по принуждению к миру и признание независимости Южной Осетии и Абхазии, кардинально изменили геополитическую ситуацию, став переломным моментом, выявившим новые тенденции и недостатки существующего мирового порядка. Агрессия Грузии против Южной Осетии рассматривается как часть более масштабных геополитических игр, цели которых выходили за региональные рамки.

Одной из ключевых причин событий августа 2008 года стала обеспокоенность США и Запада качественными изменениями в России, особенно в отстаивании Москвой своих национальных интересов. Расчеты организаторов агрессии на бездействие России провалились. Август 2008 года ознаменовал конец геополитического отступления России и ее возвращение в число великих держав.

Российская операция по принуждению к миру вызвала шок на Западе, несмотря на неоднократные предупреждения Москвы о возможных действиях в случае силового сценария против Южной Осетии или Абхазии. Россия до последнего пыталась избежать прямого военного вмешательства, однако бездействие Запада и международных организаций вынудило ее вмешаться для защиты своих граждан.

Заключение. Август 2008 года стал геополитическим водоразделом, ознаменовавшим конец однополярного мира. Западному миру сложно принять этот факт, что подтверждается текущими событиями на Украине. Несмотря на попытки переписать историю, терминология вроде «пятидневная война» или «российско-грузинская война» искажает суть событий, представляя Россию агрессором. На самом деле, это была 18-летняя агрессия Грузии против Южной Осетии, кульминацией которой стала операция «Чистое поле», спровоцированная внешними силами, и последующий российский ответ по принуждению агрессора к миру. Российская операция и признание независимости Южной Осетии имеют особое историко-политическое значение для осетинского народа, поскольку привели к восстановлению независимого Аланского (Осетинского) государства на политической карте мира.

Использованные источники

1. Дневники войны. 8-10 августа. Обобщение военного положения в Грузии к понедельнику, 11 августа [Электронный ресурс] // Лента.ру – URL: https://lenta.ru/articles/2008/08/11/summary (дата обращения: 10.08.2026).
2. Цыганок А.Д. Война на Кавказе 2008: русский взгляд. Грузино-осетинская война 8–13 августа 2008 года. 2-е издание, дополненное. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 352 с. – ISBN 978-5-91022-160-8.
3. Дзарасов Р.С. Пятидневная война на Кавказе: События и размышления. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. — 144 с.
4. Гаджиев К. Размышления о последствиях “пятидневной войны” для геополитики Кавказа. Мировая экономика и международные отношения,

2009, № 8, сс. 31-43. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2009-8-31-435 (дата обращения: 11.07.2026)
5. Пятидневная война (8-12 августа 2008 года) [Электронный ресурс] // Кавказский Узел – URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/210899/(дата обращения: 15.08.2026)
6. Как реагировало мировое сообщество [Электронный ресурс] // РИА «Новости» – URL: https://newizv.ru/news/world/27-08-2008/96788-kak-reagirovalo-mirovoe-soobshestvo (дата обращения: 13.08.2026)
7. Китай выступил за мир в Абхазии и Южной Осетии [Электронный ресурс]. – URL: https://www.pravda.ru/news/world/281110-china/(дата обращения: 13.08.2026)
8. Коссига высказался за признание независимости Южной Осетии и Абхазии [Электронный ресурс] // РИА «Новости» – URL: https://ria.ru/20080826/150692113.html (дата обращения: 15.08.2026)

УДК 796.011.1

Дунаева С.А.
студент
Институт права
Россия, г. Уфа
научный руководитель: Матвеев С.С., к.с.н.
доцент
кафедра физического воспитания
Институт природы и человека УУНиТ
Россия, г. Уфа

ВЛИЯНИЕ МАЛОПОДВИЖНОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ (ГИПОДИНАМИИ) НА КОГНИТИВНЫЕ СПОСОБНОСТИ УЧАЩИХСЯ (ПАМЯТЬ, ВНИМАНИЕ, СКОРОСТЬ РЕАКЦИИ)

Аннотация: *Статья посвящена проблеме негативного влияния гиподинамии на когнитивные функции учащихся общеобразовательных организаций. Рассматриваются физиологические механизмы, связывающие снижение двигательной активности с ухудшением памяти, концентрации внимания и скорости психомоторной реакции. Анализируются результаты отечественных и зарубежных эмпирических исследований, проведенных среди школьников и студентов. Обосновывается необходимость внедрения кратковременных динамических пауз и аэробных нагрузок в режим учебного дня для профилактики когнитивного снижения. Предлагаются практические рекомендации по организации двигательной активности в условиях цифровизации образования.*

Ключевые слова: *гиподинамия; малоподвижный образ жизни; когнитивные способности; учащиеся; память; внимание; скорость реакции; физическая активность; школьники; студенты.*

Dunaeva S.A.
student
Institute of Law
Russia, Ufa
Matveev S.S., candidate of sociological sciences
academic supervisor, associate professor
Department of Physical Education
Institute of Nature and Man
Ufa University of Science and Technology (UUNiT)
Russia, Ufa

THE IMPACT OF A SEDENTARY LIFESTYLE (HYPODYNAMIA) ON THE COGNITIVE ABILITIES OF STUDENTS (MEMORY, ATTENTION, REACTION SPEED)

Abstract: *This article addresses the negative impact of a sedentary lifestyle (hypodynamia) on the cognitive functions of students in educational institutions. It examines the physiological mechanisms linking reduced physical activity to impairments in memory, concentration, and psychomotor reaction speed. The article analyzes findings from both domestic and international empirical studies conducted among schoolchildren and university students. It substantiates the necessity of incorporating short, active breaks and aerobic exercise into the daily academic routine to prevent cognitive decline. Practical recommendations are offered for organizing physical activity within the context of the digitalization of education.*

Keywords: *hypodynamia; sedentary lifestyle; cognitive abilities; students; memory; attention; reaction speed; physical activity; schoolchildren; university students.*

Современный этап развития образования характеризуется тотальной цифровизацией и интенсификацией учебного процесса. Обучение в школе и вузе все больше времени требует от учащихся статического положения сидя за партой или компьютерным столом, а досуг также преимущественно связан с использованием гаджетов. В результате фактическая физическая активность детей и молодежи снижается до критически низких показателей – менее 6-8 тысяч шагов в сутки, тогда как физиологическая норма для гармоничного развития составляет не менее 12-14 тысяч. По данным Министерства здравоохранения РФ, более 70% школьников старших классов и 80% студентов демонстрируют признаки гиподинамии – состояния, обусловленного дефицитом мышечных движений и сопровождающегося нарушением функций сердечно-сосудистой, дыхательной, опорно-двигательной и, что особенно важно, центральной нервной системы. Цель настоящей работы – комплексный анализ влияния малоподвижного образа жизни на когнитивные способности учащихся, а именно на показатели памяти, внимания и скорости реакции, а также обоснование эффективных путей профилактики когнитивных нарушений средствами физической культуры.

Когнитивные способности – это совокупность психических процессов, обеспечивающих восприятие, переработку, хранение и воспроизведение информации, а также принятие решений и целенаправленное поведение. Память (кратковременная и долговременная), внимание (концентрация, переключение, объем) и скорость реакции (время ответа на внешний стимул) являются базовыми когнитивными функциями, от которых непосредственно зависит успешность учебной деятельности. Многочисленные нейрофизиологические исследования показывают, что уровень выраженности

этих функций тесно связан с двигательной активностью индивида. Механизм этой связи объясняется тем, что при физических упражнениях улучшается мозговой кровоток, усиливается синтез нейротрофического фактора мозга (BDNF), который стимулирует нейрогенез в гиппокампе – структуре, ответственной за консолидацию памяти, а также повышается уровень дофамина и норадреналина, влияющих на концентрацию внимания и скорость реагирования.Напротив, длительное пребывание в статической позе (сидение более 45-60 минут без перерыва) сопровождается венозным застоем в нижних конечностях, уменьшением венозного возврата к сердцу и, как следствие, ухудшением кровоснабжения головного мозга. По данным функциональной магнитно-резонансной томографии, уже после 30 минут непрерывного сидения активность в префронтальной коре – зоне, отвечающей за внимание и рабочую память – снижается на 12-15%.

Особую актуальность проблема приобретает в контексте перехода на дистанционные и смешанные форматы обучения, когда учащиеся проводят перед экраном монитора по 6-8 часов подряд с минимальными перерывами на активные движения. Экспериментальное исследование, проведенное под руководством профессора Н.В. Кудрявцева в 2024 году на базе двух московских школ (n=218 учащихся 8-11 классов), включало тестирование когнитивных показателей в начале и в конце учебной четверти. Учащиеся экспериментальной группы (n=110) не имели дополнительных уроков физкультуры, а перемены у них были преимущественно «сидячими». Контрольная группа (n=108) ежедневно выполняла на третьей перемене 10-минутный комплекс аэробных упражнений (ходьба на месте, приседания, наклоны, бег на месте) в проветриваемом рекреационном помещении. Результаты оказались следующими: в экспериментальной группе к концу четверти объем кратковременной памяти по методике Джекобса снизился в среднем на 18% (с 6,2 до 5,1 правильно воспроизведенных элемента), концентрация внимания по корректурной пробе Бурдона ухудшилась на 23%, а время простой зрительно-моторной реакции (тест «линейка» в программе «PsyToolkit») увеличилось со 190 мс до 235 мс. В контрольной группе, напротив, все показатели улучшились: объем памяти вырос на 9%, концентрация внимания – на 14%, а время реакции сократилось на 8% (со 188 мс до 173 мс). Различия между группами были признаны статистически значимыми ($p<0,01$). Это убедительно доказывает, что даже кратковременные регулярные физические нагрузки способны не только предотвращать когнитивное ухудшение, но и повышать исходный уровень когнитивных функций, что особенно важно в периоды интенсивного обучения.

Аналогичные данные были получены при обследовании студентов первого курса Уфимского университета науки и технологий (n=156). Студенты, чей суммарный шаг в день составлял менее 5 тысяч (по данным фитнес-браслетов), в сессионный период показали на 34% худшие результаты в тесте на оперативную память (удержание последовательности цифр) и на 27% более низкую скорость переработки информации (тест «Таблицы

Шульте») по сравнению с группой, проходившей в день более 10 тысяч шагов. При корреляционном анализе была выявлена отрицательная связь средней силы (r=-0,61) между временем сидения вне занятий (самоотчет) и индексом когнитивной гибкости (тест «Словесно-цветовая интерференция» Струпа). Иными словами, каждый дополнительный час малоподвижного досуга ассоциировался со снижением способности переключаться между когнитивными задачами примерно на 5-7%. Примечательно, что влияние гиподинамии на память и внимание проявлялось опосредованно – через ухудшение качества сна и повышение уровня тревожности, однако после статистического контроля этих переменных прямая связь между двигательной активностью и когнитивными функциями сохранялась, что указывает на наличие независимого нейробиологического механизма.

Скорость реакции, являющаяся важнейшим компонентом не только учебной успеваемости (особенно при работе с тестами, требующими быстрого выбора ответа, и при конспектировании лекций в темпе речи преподавателя), но и безопасности дорожного движения, также существенно страдает при гиподинамии. В исследовании, проведенном на базе Центра спортивной медицины г. Екатеринбурга (учащиеся 10-11 классов, n=94), измеряли время реакции на движущийся объект (РДО) и время сложной реакции выбора. Группа учащихся с подтвержденной гиподинамией (время сидения более 9 часов в сутки) демонстрировала время РДО в среднем на 22% выше (хуже) по сравнению с группой физически активных сверстников. Особенно ярко различия проявлялись в условиях утомления: после 4-го урока учащиеся с гиподинамией показывали прирост времени реакции на 35-40%, тогда как активные сверстники – только на 12-15%. Это объясняется тем, что у физически неактивных индивидов быстрее истощаются ресурсы внимания и снижается тонус симпатической нервной системы, что приводит к нарастающей заторможенности реакций к концу учебного дня.

Важно отметить, что негативное влияние гиподинамии на когнитивные способности носит кумулятивный характер. Как показало лонгитюдное исследование (наблюдение за одной когортой школьников с 1 по 11 класс, n=512, данные опубликованы в журнале «Вопросы психологии» № 4 за 2024 год), учащиеся, которые в начальной школе имели регулярные занятия в спортивных секциях не менее 4 часов в неделю, к 9-11 классу показывали значительно более высокие результаты по тестам на вербальную память и скорость переработки информации, чем их сверстники, чья двигательная активность в детстве была низкой. При этом корректировка на социально-экономический статус семьи и исходные интеллектуальные показатели не отменила различий. Таким образом, двигательный режим в детском и подростковом возрасте выступает важным предиктором когнитивного здоровья в последующие периоды. Этот вывод имеет большое практическое значение: программы физического воспитания в школе должны рассматриваться не как второстепенный предмет, а как средство повышения академической успеваемости через оптимизацию когнитивных функций.

Несмотря на убедительные доказательства негативного влияния гиподинамии на память, внимание и скорость реакции, в реальной школьной и вузовской практике сохраняется ряд системных проблем. Во-первых, санитарно-эпидемиологические правила допускают непрерывную работу за компьютером на уроках до 30-40 минут, однако при этом недостаточно регламентируется двигательная активность на переменах: часто перемены проводятся в закрытых помещениях, а учащиеся продолжают сидеть с телефонами. Во-вторых, уроки физической культуры, даже при двух или трех занятиях в неделю, не могут полностью компенсировать хроническую гиподинамию в остальные часы, поскольку требуемая суточная норма интенсивной мышечной работы для подростков – не менее 60 минут, тогда как реально многие учащиеся получают не более 15-20 минут. В-третьих, отсутствует широкая информированность родителей и педагогов о прямой связи между физкультминутками и когнитивной продуктивностью: распространено ошибочное мнение, что любое отвлечение на движение якобы «сбивает учебный настрой», тогда как научные данные свидетельствуют об обратном.

С учетом изложенного, представляется необходимым внедрение следующих мер. Первое – обязательное включение в расписание каждой учебной пары (урока) динамической паузы длительностью 3-5 минут, включающей упражнения на разогрев мышц шеи, плечевого пояса и спины, а также 1-2 аэробных упражнения (бег на месте, прыжки, приседания). Второе – создание в учебных заведениях зон «активных перемен» (настольный теннис, степ-платформы, шведские стенки) вместо традиционного сидения в коридорах. Третье – интеграция в программу уроков биологии и ОБЖ модуля о нейрофизиологических эффектах физической активности, чтобы у учащихся формировалась осознанная мотивация к движению. Четвертое – для студентов вузов целесообразно ввести практику «стоячих» лекций с использованием высоких столов и динамических пуфиков, а также обязательные утренние зарядки перед началом первой пары. Пятое – проведение мониторинга когнитивных показателей (простые компьютерные тесты внимания и памяти) дважды в год для раннего выявления учащихся из группы риска по гиподинамии. Эти меры не требуют значительных финансовых затрат, но способны существенно повысить не только физическое здоровье, но и академическую успеваемость за счет улучшения работы мозга.

В заключение подчеркнем, что гиподинамия современного учащегося – это не просто фактор риска ожирения или нарушений осанки, но и прямой агент, ухудшающий высшие психические функции. Память, внимание и скорость реакции угнетаются при малоподвижном образе жизни вследствие снижения мозгового кровотока, уменьшения синтеза нейротрофинов и истощения ресурсов нервной системы. Эмпирические исследования однозначно свидетельствуют: учащиеся с достаточной суточной физической активностью лучше запоминают учебный материал, дольше сохраняют

концентрацию, быстрее реагируют на изменения учебной ситуации и в целом показывают более высокие результаты. Задача системы образования, медицинских работников и родителей – создать условия, при которых движение становится неотъемлемой частью режима учебного дня. Только тогда можно будет преодолеть негативные последствия цифровой гиподинамии и обеспечить гармоничное когнитивное развитие подрастающего поколения.

Использованные источники

1. Дубровинская Н.В., Безруких М.М. Нейрофизиологические основы школьной зрелости и когнитивного развития. – М.: Институт возрастной физиологии РАО, 2022. – С. 154-160.
2. Министерство здравоохранения РФ. Отчет о состоянии здоровья подрастающего поколения в 2024 году. – М., 2024. – С. 47-52.
3. Холодная М.А. Когнитивные стили и когнитивные способности: современное состояние проблемы // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 2. С. 33-42.
4. Котова О.В., Ахутина Т.В. Нейрофизиологические корреляты двигательной активности и когнитивного развития у детей // Журнал высшей нервной деятельности. 2024. Т. 74. № 1. С. 18-27.
5. Ткаченко Е.В., Медведева И.П. Гиподинамия и когнитивные нарушения у студентов: нейрофизиологические механизмы и коррекция // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 2024. Т. 74. № 2. С. 203-205.
6. Кудрявцев Н.В., Семенова Л.А. Влияние кратковременных аэробных нагрузок на когнитивные функции школьников: рандомизированное контролируемое исследование // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2024. № 3. С. 12-16.
7. Камалова И.Р., Закиров А.Ф. Шаговая активность и когнитивные показатели у студентов: пилотное исследование // Наука и спорт: современные тенденции. 2025. Т. 13. № 1. С. 55-62.
8. Киселев С.Ю., Морозова Н.Г. Опосредующие переменные в связи физической активности и когнитивных функций у лиц юношеского возраста // Психологическая диагностика. 2024. № 4. С. 23-30.
9. Панов Е.В., Федоров А.А. Влияние гиподинамии на скорость психомоторных реакций у старшеклассников // Лечебная физкультура и спортивная медицина. 2024. № 6. С. 41-47.
10. Соболева Н.П., Лебедева М.В. Лонгитюдное исследование влияния детской физической активности на когнитивные показатели в старшей школе // Вопросы психологии. 2024. № 4. С. 58-67.
11. Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. СанПиН 1.2.3685-21 «Гигиенические нормативы и требования к обеспечению безопасности и (или) безвредности для человека факторов среды обитания» (раздел VI. Физическая активность обучающихся). – М., 2021. – С. 88-92.

12. Ланда Б.Х. Методика оценки суточной двигательной активности учащихся // Физическая культура в школе. 2023. № 8. С. 14-19.
13. Гусева Н.А., Орлова И.В. Представления педагогов о роли физкультминуток в когнитивном развитии школьников // Педагогическое образование и наука. 2024. № 5. С. 67-72.
14. Иванова М.С., Петров Д.А., Смирнова Е.В. Динамические паузы как средство профилактики когнитивных нарушений у обучающихся // Теория и практика физической культуры. 2025. № 2. С. 34-38.
15. Агарков В.И., Грибанов Д.В. Скрининг когнитивного статуса учащихся в условиях цифровой образовательной среды // Вестник практической психологии образования. 2025. Т. 22. № 1. С. 89-96.

Ермакова М.А.
магистрант 3 курса
Юридический факультет им. А.А. Хмырова
Кубанский государственный университет
Россия, г. Краснодар
научный руководитель: Глимейда В.В., к.ю.н.
доцент
кафедра уголовного процесса
Кубанский государственный университет
Россия, г. Краснодар

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ КОРРУПЦИОННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ

Аннотация*: в статье исследуются современные направления противодействия коррупции в системе органов прокуратуры Российской Федерации. Особое внимание уделяется всестороннему анализу нормативно-правовых, организационных и практико-ориентированных механизмов, направленных*
на предотвращение коррупционных проявлений в деятельности прокурорских работников. Делается акцент на основных векторах профилактической деятельности, включая развитие антикоррупционного правосознания среди сотрудников, внедрение эффективных инструментов внутреннего контроля и профессиональной этики, совершенствование кадрового администрирования и процедур отчетности. Рассматриваются актуальные вызовы, оказывающие влияние на результативность антикоррупционных мер, и формулируются предложения по их преодолению.

Ключевые слова*: прокуратура, органы прокуратуры, коррупция, коррупционные правонарушения, антикоррупционная политика, профилактика, коррупции, правосознание.*

Ermakova M.A.
3rd-year Master's student
A.A. Khmyrov Faculty of Law
Kuban State University
Russia, Krasnodar
Glimeida V.V., candidate of legal sciences (PhD in Law)
academic supervisor, associate professor
Department of Criminal Procedure
Kuban State University
Russia, Krasnodar

KEY AREAS OF WORK ON THE PREVENTION OF CORRUPTION-RELATED OFFENSES WITHIN THE ACTIVITIES OF PROSECUTORIAL AUTHORITIES

Abstract: The article examines modern trends in combating corruption in the system of the Prosecutor's office of the Russian Federation. Special attention is paid to a comprehensive analysis of regulatory, organizational and practice-oriented mechanisms aimed at preventing corruption in the activities of prosecutors. The focus is on the main vectors of preventive activities, including the development of anticorruption legal awareness among employees, the introduction of effective internal control and professional ethics tools, and the improvement of personnel administration and reporting procedures. The current challenges affecting the effectiveness of anticorruption measures are considered and proposals for overcoming them are formulated.

***Keywords**: prosecutor's office, prosecutor's offices, corruption, corruption offenses, anti-corruption policy, corruption prevention, legal awareness.*

Коррупция остаётся одной из наиболее острых и значимых угроз правовому государству, подрывая базовые принципы законности, равенства, справедливости, а также снижая уровень общественного доверия к государственным институтам. В условиях современной правовой действительности борьба с коррупцией приобретает статус приоритетного направления государственной политики Российской Федерации. В этом контексте особую значимость приобретает деятельность органов прокуратуры, обладающих обширными полномочиями в сфере надзора за соблюдением законодательства и обеспечением верховенства права. В свою очередь, роль прокуратуры в национальной антикоррупционной системе обусловлена конституционно закреплённой функцией надзора за законностью, координации усилий правоохранительных структур, а также участием в разработке и реализации правовой политики в сфере противодействия коррупции. При этом обеспечение антикоррупционной устойчивости самой системы прокуратуры выступает важным фактором её функциональной результативности и институционального авторитета. Несмотря на наличие обширной нормативной базы и действующих организационных механизмов, вопросы предупреждения коррупционных правонарушений в прокурорской системе остаются актуальными. Это объясняется постоянной трансформацией форм и способов совершения коррупционных деяний, усложнением преступных схем, а также существующими внутренними административными трудностями. Следовательно, крайне важно провести комплексное рассмотрение ключевых направлений антикоррупционной профилактики в системе органов прокуратуры Российской Федерации, проанализировав правовые основы, внутренние и внешние превентивные механизмы, аспекты кадровой политики

и профессиональной этики, а также современные вызовы, влияющие на уровень эффективности профилактических мероприятий.

В соответствии с базовыми принципами, закреплёнными в законодательстве Российской Федерации о противодействии коррупции, особое внимание уделяется упреждающему подходу и комплексному воздействию на причины и условия, способствующие коррупционным проявлениям. В этой связи антикоррупционная политика, проводимая органами прокуратуры, включает широкий спектр мер – от правового регулирования до информационного сопровождения и организационного контроля, обеспечивая целостную систему профилактики и пресечения правонарушений коррупционного характера. Данный вывод обусловлен положениями Федерального закона № 273-ФЗ, который непосредственном образом определяет необходимость приоритета превентивных мер и комплексного подхода в антикоррупционной политике. Правовые рамки антикоррупционной деятельности в системе прокуратуры формируются, прежде всего, на основании ведомственных актов, издаваемых Генеральным прокурором Российской Федерации. Эти документы разрабатываются в соответствии с основополагающими нормативными источниками – Конституцией РФ, федеральными законами и указами главы государства. Однако существующие организационные акты в большинстве случаев охватывают лишь отдельные аспекты противодействия коррупции.

В целях повышения результативности работы и усиления ответственности руководящих кадров, кадровым подразделением Генеральной прокуратуры РФ подготовлен проект нового нормативного акта, направленного на систематизацию подходов к профилактике коррупционных проявлений и корректировку действующих внутренних регламентов. В представленном проекте отражены основные векторы предупреждения коррупционных рисков, среди которых особое место занимает обеспечение прозрачности в процедурах приема и оценки кандидатов на службу. Документ также направлен на развитие внутренней культуры, способствующей нетерпимости к злоупотреблениям полномочиями, реализацию установленных законодательством ограничений и запретов, а также предотвращение возможных ситуаций конфликта интересов. Кроме того, предусматриваются регулярные обучающие инициативы, межведомственное взаимодействие и мониторинг выполнения норм ответственности за правонарушения.

По результатам анализа, проведённого Генеральной прокуратурой Российской Федерации в последние годы, была выявлена необходимость совершенствования существующих правовых и организационных механизмов, обеспечивающих действенность внутренней антикоррупционной работы. В связи с этим региональные прокуратуры начали разрабатывать нормативные документы, регламентирующие деятельность аттестационных комиссий, порядок информирования о получении подарков, а также иные аспекты служебной этики. Например, прокуратурой Вологодской области

подготовлено методическое руководство, в котором представлены рекомендации по укреплению антикоррупционного поведения и устойчивости к внешнему влиянию.

Оценка эффективности профилактических мероприятий может проводиться по ряду показателей, включая уровень дисциплины среди сотрудников, соблюдение норм законности и восприятие деятельности прокуратуры обществом. Важную роль в формировании антикоррупционной политики играет руководство органов прокуратуры, которое отвечает за стратегическое планирование, контроль, а также за воспитание культуры отказа от коррупции. Ключевыми принципами управления являются личный пример, ориентированность на государственные интересы, регулярная оценка результатов антикоррупционных усилий и строгое применение санкций в случае нарушений. Существенным элементом профилактики является также внедрение обязательного механизма уведомления о попытках вовлечения в коррупционную деятельность, за уклонение от которого предусмотрены дисциплинарные меры, вплоть до увольнения. Среди основополагающих принципов руководства – личная примерность, государственная ориентированность, постоянный мониторинг результатов антикоррупционных мер и строгое применение санкций в случае нарушений. Важным элементом предупреждения выступает механизм обязательного сообщения о попытках склонения к коррупционным деяниям, за уклонение от которого предусмотрена дисциплинарная ответственность, вплоть до увольнения. Прокуроры региональных и специализированных подразделений разрабатывают внутренние нормативные акты, обеспечивающие систематичность и преемственность антикоррупционных мероприятий.

Эти документы препятствуют произвольным действиям со стороны должностных лиц и способствуют строгому соблюдению законодательства. Важно понимать, что формирование антикоррупционного поведения начинается с этапа подбора сотрудников. В этом процессе особое внимание уделяется оценке профессиональных и моральных качеств кандидатов, а также их способности противостоять коррупционным рискам. Эти аспекты анализируются в рамках ведомственных указаний, включая приказы № 619 от 5 ноября 2015 г. и № 493 от 15 сентября 2014 г. Результаты проверок позволяют прогнозировать склонность к нарушению служебной этики, уровень правосознания и ценностные ориентиры кандидатов. Система подбора кадров в прокуратуру считается достаточно разработанной и не требует обязательного применения психофизиологического контроля.

Тем не менее важной мерой профилактики остается кадровая ротация, особенно после пятилетнего срока службы на одной должности, что препятствует закреплению коррупционных связей и способствует мобильности в должностных назначениях. Аттестационные комиссии имеют важное значение в профилактике, контролируя служебное поведение и поддерживая руководителей в обеспечении соблюдения антикоррупционного законодательства. Хотя приоритет в системе профилактики отдаётся мерам

убеждения и правового просвещения, важным элементом остаётся информирование сотрудников о зафиксированных коррупционных правонарушениях. Дополнительной мерой выступает последовательное применение юридической и материальной ответственности, основанной на принципе неотвратимости наказания. Неизменная строгость руководства в реагировании на случаи правонарушений, допущенных государственными служащими, выступает значимым фактором антикоррупционной устойчивости. По каждому инциденту проводится всесторонняя проверка с последующим применением дисциплинарных мер.

Использование разнообразных форм воспитательной работы – правового просвещения, доступа к правовой информации, наставничества, взаимодействия с гражданским обществом – позволяет формировать профессионально подготовленный корпус прокуроров с высоким уровнем правосознания и устойчивостью к коррупционным воздействиям. Такие меры являются основой для укрепления доверия общества к органам прокуратуры и повышения их авторитета в глазах граждан.

Особое значение в структуре антикоррупционной политики прокуратуры Российской Федерации имеет развитие и совершенствование внутренних механизмов контроля. В этой связи необходимо выделить несколько ключевых направлений, обеспечивающих устойчивость прокурорской службы к коррупционным проявлениям. Прежде всего, это формирование антикоррупционного правосознания и правовой культуры среди сотрудников прокуратуры. Эффективное предупреждение коррупционных правонарушений невозможно без устойчивых этических ориентиров, глубокого понимания сути служебной этики и ответственности за совершаемые действия. В целях повышения уровня правосознания проводятся регулярные тренинги, семинары, тестирования по вопросам противодействия коррупции, а также включение антикоррупционной тематики в программы повышения квалификации сотрудников.

Немаловажным элементом является внедрение и применение системы внутреннего контроля. В органах прокуратуры действуют подразделения по обеспечению собственной безопасности, осуществляющие контроль за соблюдением законности и служебной дисциплины, выявлением коррупционных рисков и их минимизацией. Установление порядка обязательного декларирования доходов, расходов, имущества и обязательств имущественного характера, а также проведение служебных проверок при наличии признаков коррупционных правонарушений – всё это служит действенным барьером для противоправных действий.

Одной из действенных мер профилактики коррупции в органах прокуратуры является совершенствование механизма поиска, назначения кадров и их последующего продвижения «по лестнице». Обеспечение транспарентности конкурсных процедур, проверка кандидатов на благонадёжность, анализ их биографических данных, финансового положения и соблюдения требований антикоррупционного законодательства позволяют

свести к минимуму риск проникновения в органы прокуратуры лиц с коррупционной мотивацией. Кроме того, важным направлением кадровой работы выступает проведение регулярной ротации кадров, исключающей формирование устойчивых коррупционных связей на местах. Применение принципов служебной аттестации и стимулирования за добросовестное исполнение обязанностей также формируют позитивную профессиональную среду.

Прокуратура Российской Федерации в рамках возложенных на неё задач координирует деятельность других правоохранительных органов по борьбе с коррупцией. Это проявляется, в частности, в организации межведомственных совещаний, разработке и реализации комплексных программ, участии в межуровневом обмене информацией о выявленных коррупционных рисках и правонарушениях. На региональном уровне органы прокуратуры взаимодействуют с органами исполнительной власти субъектов РФ, институтами гражданского общества и средствами массовой информации. Данные меры позволяют не только координировать усилия, но и обеспечивают высокий уровень публичности и прозрачности деятельности прокуратуры, что также оказывает профилактическое воздействие.

Среди современных вызовов, влияющих на эффективность профилактики коррупции в органах прокуратуры, следует выделить: рост цифровизации, создающий как новые угрозы, так и новые инструменты контроля; увеличение числа коррупционных схем, отличающихся высоким уровнем конспирации; ослабление нравственных ориентиров в профессиональной среде. В связи с этим важно развивать аналитические технологии, направленные на выявление латентной коррупции, использовать инструменты больших данных, совершенствовать электронный документооборот и отчетность. Одновременно необходимо продолжать работу по формированию в органах прокуратуры корпоративной культуры, ориентированной на нетерпимость к коррупции, открытость и подотчетность. Только при комплексном подходе, сочетающем правовые, организационные и нравственно воспитательные меры, возможно добиться значимых результатов в профилактике коррупционных правонарушений.

Исходя из приведённых выше положений, представляется возможным сформулировать следующее обобщающее заключение. Предупреждение и профилактика коррупции в органах прокуратуры Российской Федерации представляет собой системную и многогранную деятельность, затрагивающую как внутренние механизмы, так и внешнюю координацию. Комплексный подход к решению данной задачи позволяет формировать устойчивую правовую среду, повышающую эффективность прокурорского надзора и укрепляющую доверие общества к институтам государственной власти.

Использованные источники

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского

голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (I часть). Ст. 4921.
3. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ред. от 30.09.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 47. Ст. 4472.
4. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52. Ст. 6228.
5. О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам: Федеральный закон от 3 декабря 2012 № 230-ФЗ (ред. 15.09.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № N 50 (ч. IV). Ст. 6953.
6. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 26. Ст. 3851.
7. О Национальном плане противодействия коррупции на 2021-2024 годы: Указ Президента РФ от 16 августа 2021 г. № 478 (ред. от 26.06.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 34. Ст. 6170.
8. Воронова В.В., Терехов А.М. Кадровая безопасность и коррупция в органах прокуратуры // NovaUm.Ru. 2017. № 10. С. 258-261.
9. Калмыкова З.В., Нашапигова Л.Т. Коррупция в органах прокуратуры: причины, последствия и меры профилактики // Противодействие коррупции: промежуточные итоги и новые задачи. Сборник статей межрегиональной научно-практической конференции. Нальчик, 2024. С. 219-224.
10. Резник Г.М. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов. М., 2025.
11. Смирнова И.А. Механизмы профилактики коррупции в системе прокуратуры // Право и государство. 2022. № 4. С. 45-52.
12. Соловьев А.И. Антикоррупционная политика в Российской Федерации: правовые и организационные основы: монография. М., 2021.
13. Усачева А.А. Уголовный процесс: учебник для вузов. М., 2025.

Ермакова М.А.
магистрант 3 курса
Юридический факультет им. А.А. Хмырова
Кубанский государственный университет
Россия, г. Краснодар
научный руководитель: Глимейда В.В., к.ю.н.
доцент
кафедра уголовного процесса
Кубанский государственный университет
Россия, г. Краснодар

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОФИЛАКТИКИ КОРРУПЦИИ В ПРОКУРАТУРЕ

Аннотация: *в рамках исследования проводится всесторонний анализ проблем правового регулирования профилактики коррупции в органах прокуратуры. Рассматривается проблематика, которая встречается при реализации основных нормативно-правовых положений, регламентирующих антикоррупционные профилактические мероприятия. Авторы всесторонне подходят к исследованию особенностей, предопределенных реализацией мер внутри надзорной системы. Здесь субъект профилактики – это элемент государственной службы, деятельность которого связана с коррупционными рисками.*

Авторы комплексно подходят к рассмотрению основополагающих пробелов, которые связаны с низким уровнем детализации процедур по выявлению конфликта интересов, недостаточной разработанностью критериев эффективности профилактической деятельности, фрагментарность положений о внутреннем контроле коррупционных рисков. Антикоррупционная экспертиза исследуется достаточно пристально, так как является важным инструментом предупреждения коррупционных правонарушений. Предложены механизмы для совершенствования инструментов на уровне законодательной регламентации, предметом которой являются профилактические мероприятия. Наиболее важные предложения: закрепление единых стандартов антикоррупционного контроля, проводящегося внутри ведомства, а также более всестороннее раскрытие результатов мероприятий профилактической направленности.

Ключевые слова: *коррупция, профилактика, органы прокуратуры, профилактика коррупции, конфликт интересов, антикоррупционное регулирование, служебное поведение, экспертиза, внутренний контроль, служебное поведение, правовое регулирование, коррупционные риски.*

Ermakova M.A.
3rd-year Master's student
A.A. Khmyrov Faculty of Law
Kuban State University
Russia, Krasnodar
Glimeida V.V., candidate of legal sciences (PhD in Law)
academic supervisor, associate professor
Department of Criminal Procedure
Kuban State University
Russia, Krasnodar

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF CORRUPTION PREVENTION IN THE PROSECUTOR'S OFFICE

Annotation: *The study provides a comprehensive analysis of the problems related to the legal regulation of corruption prevention in the prosecutorial authorities. It examines the issues that arise in the implementation of the main regulatory and legal provisions governing anti-corruption preventive measures. The authors take a comprehensive approach to studying the characteristics determined by the implementation of measures within the oversight system. Here, the subject of prevention is an element of public service whose activities are associated with corruption risks. The authors take a comprehensive approach to addressing the fundamental gaps related to the low level of detail in procedures for identifying conflicts of interest, the insufficient development of criteria for the effectiveness of preventive activities, and the fragmentary nature of provisions on internal control of corruption risks. Anti-corruption expertise is being studied quite closely, as it is an important tool for preventing corruption-related offences. Mechanisms have been proposed to improve tools at the level of legislative regulation, the subject of which is preventive measures. The most important proposals are: to establish uniform standards for anti-corruption control carried out within the agency, as well as to provide a more comprehensive disclosure of the results of preventive measures.*

Key words: *corruption, prevention, prosecutorial bodies, corruption prevention, conflict of interest, anti-corruption regulation, professional conduct, expertise, internal control, professional conduct, legal regulation, corruption risks*

В общей системе антикоррупционной политики государства профилактика коррупции в органах прокуратуры занимает особое место. Это связано с тем, что прокуратура является в государственной системе самостоятельной частью, осуществляющая надзорные полномочия. В ней уровень коррупционных рисков имеет повышенный характер. В такой ситуации формируется двойственность правового статуса исследуемого правоохранительного органа: во-первых, обеспечивает установление и пресечение коррупционных нарушений в рамках осуществления полномочий,

во-вторых, имеет императивную обязанность по построению эффективной системы профилактики внутри ведомства.

В настоящее время имеется высокая актуальность устранения пробелов и недостатков правового регулирования, снижающие эффективность мер профилактической направленности. Нормативно-правовая система имеет развитый характер, но некоторые важные элементы профилактики остаются недостаточно урегулированными. Если говорить точнее, то к числу неурегулированных аспектов относятся: внутренний контроль, регламентация конфликта интересов, оценка коррупционных рисков. Они имеют недостаточный уровень учета особенностей прокурорской службы. По данной причине мы предприняли попытку выявления проблем правового регулирования профилактики коррупции внутри прокуратуры.

Основным законодательным актом, который регулирует вопрос профилактики коррупции в прокуратуре, является Закон о противодействии коррупции[8]. Если говорить о его внутреннем содержании, то в нем закреплены принципы и меры профилактики, которые относятся ко всем разновидностям государственной службы. В Законе о прокуратуре РФ[9] имеются специальные нормы, которые определяют правовой статус сотрудника прокуратуры, обязанности и ограничения, находящиеся во взаимосвязи с противодействием коррупционным проявлениям.

Внутри ведомства антикоррупционная профилактика находит реализацию через методические рекомендации и приказы Генеральной прокуратуры РФ. Они детализируют множество важных аспектов: порядок проведения проверочных мероприятий, регламентируют порядок декларирования имущества и доходов, уведомление о конфликте интересов, применение мер дисциплинарной ответственности. При исследовании особенностей прокурорской деятельности обратим внимание, что профилактика коррупции должна проводиться достаточно «тонко».

Переходя к рассмотрению основных проблем правового регулирования, отметим, что основополагающая представляет собой недостаточный уровень детализации процедур выявления и установления конфликта интересов. Имеется уведомительная обязанность сотрудника прокуратуры при возникновении конфликта интересов, либо при потенциальной возможности. В практической плоскости остаются неразрешенными многие аспекты, которые связаны с закреплением критериев оценки соответствующих ситуаций. Далеко не во всех случаях зафиксированы границы допустимого взаимодействия с поднадзорными субъектами. Остается неразрешенным порядок принятия решений в условиях потенциального конфликта.

Следующим проблемным аспектом выступает фрагментарность нормативных положений, предметом которых является внутренний контроль

---

[8] О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_ doc_LAW_82959/.

[9] О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-I (ред. от 04.08.2026) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_262/.

и оценка коррупционных рисков. По нашему мнению, А.В. Петров правильно отмечал, что в системе органов прокуратуры оценочные механизмы имеют формальный характер, а также не сопровождаются единообразными показателями эффективности и общими методиками[10].

Это принципиально отличает любой орган государственной власти от коммерческих организаций, в которых активно применяются инструменты риск-ориентированного подхода. Автор полагал, что при отсутствии стандартизированных и единообразных процедур оценки коррупционных рисков уменьшается реальный уровень предсказуемости и прозрачности работы профилактической направленности.

При исследовании законодательных положений установлено отсутствие четких и всесторонних критериев оценки эффективности мероприятий по профилактике коррупции. В практике распространено, что результативность банально сводится к количеству проверок. Это не отражает объективность предотвращения коррупционных рисков. Данный подход направлен в первую очередь на то, чтобы зафиксировать совершенное преступное деяние, но не включает во внутреннее содержание процесс упреждения.

Применение антикоррупционной экспертизы заслуживает существенного внимания, так как представляет собой важный инструмент профилактики, а также ее практическое применение. Общепризнанно, что она является существенным профилактическим инструментом. Ее применение в прокурорской системе имеет выборочный характер, более того, он не охватывает все категории внутренних документов, которые могут потенциально иметь коррупциогенные факторы.

Многие представители научной доктрины высказывали интересные мнения по поводу применения профилактических мер. С.В. Иванов является сторонником перехода к риск-ориентированному подходу при выборе модели профилактики, который прейдет на смену имеющимся формальным процедурам[11]. Исследователь обосновывал, что основными элементами в рассматриваемой системе должны стать: во-первых, стандартизированные процедуры, во-вторых, показатели, которые дают возможность всесторонне оценивать результативной такой деятельности.

Другие авторы предлагают несколько иной подход, по мысли А.Н. Кузнецовой, для повышения уровня профилактики необходимо повышать роль этических стандартов и механизмов общественного контроля[12]. Автор уверена, что внутренние контрольные механизмы необходимо факультативно дополнять участием институтов гражданского общества, внешними инструментами оценки, независимыми экспертами. Мы считаем, что для

[10] Петров А. М. Конфликт интересов на государственной службе: правовые механизмы урегулирования // Государство и право. 2023. № 5. С. 78.
[11] Иванов С. В. Риск-ориентированный подход в антикоррупционной профилактике: проблемы и перспективы // Юридический вестник. 2022. № 3. С. 45.
[12] Кузнецова А. Н. Роль общественного контроля в противодействии коррупции в органах государственной власти // Право и государство. 2024. № 1. С. 112.

повышения прозрачности антикоррупционной деятельности и снижению рисков для формального исполнения обязанностей.

Для всесторонности исследования предлагаем обозначить направления совершенствования юридической регламентации.

Установление показателей эффективности профилактики. Предлагается включить систему оценки, которая будет направлена на расчет количества выявленных коррупционных нарушений, предотвращенных потенциальных угроз, процентное соотношение проведенных превентивных профилактических мероприятий, степень осведомленности сотрудников прокуратуры.

Следует закрепить единообразные стандарты оценки коррупциогенных факторов. Провести работу, направленную на утверждение методики оценки рисков, которые оценивают особенности деятельности сотрудников прокуратуры. Должен быть понятен порядок документирования результатов и установить периодичность проведения оценки.

Практика антикоррупционной экспертизы должна быть расширена, то есть ее необходимо распространить на все нормативно-правовые акты ведомственного уровня. В эпоху цифровых технологий следует провести комплексную работу, направленную на создание и внедрение автоматизированных информационно-телекоммуникационных систем.

Процедуры урегулирования конфликта интересов должна быть четко детализирована. Это выражается в определении типовых ситуаций, которые зачастую встречаются в практике, а также в предусмотрении четких алгоритмов действия сотрудников прокуратуры. В основе действий по урегулированию конфликта интересов должен находиться принцип независимости.

Совершенствование нормативной базы в указанных направлениях позволит повысить эффективность антикоррупционной профилактики и укрепить доверие общества к институту прокуратуры.

Таким образом, правовое регулирование профилактики коррупции в прокуратуре сталкивается с рядом проблем, связанных с недостаточной детализацией процедур, отсутствием единых стандартов оценки рисков и критериев эффективности профилактических мероприятий. Современные исследования подчёркивают необходимость перехода к риск-ориентированному подходу, усилению роли этических стандартов и внедрению объективных показателей результативности.

Использованные источники

1. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/.

2. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-I (ред. от 04.08.2026) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_262/.

3. Иванов С. В. Риск-ориентированный подход в антикоррупционной профилактике: проблемы и перспективы // Юридический вестник. 2022. № 3.
4. Кузнецова А. Н. Роль общественного контроля в противодействии коррупции в органах государственной власти // Право и государство. 2024. № 1.
5. Петров А. М. Конфликт интересов на государственной службе: правовые механизмы урегулирования // Государство и право. 2023. № 5.

Камалитдинова Э.Ю.
магистрант 2 курса
направление подготовки «Управление брендом
в рекламе и связях с общественностью» (УБвРиСО)
Российский государственный гуманитарный университет
Россия, г. Москва
научный руководитель: Абаев А.Л., д.э.н.
декан факультета маркетинга и рекламы, заведующий кафедрой
интегрированных коммуникаций и рекламы.
Российский государственный гуманитарный университет
Россия, г. Москва

РАЗРЫВ МЕЖДУ ОБЕЩАНИЯМИ РАБОТОДАТЕЛЯ И ОПЫТОМ СОТРУДНИКА КАК ПРОБЛЕМА HR-БРЕНДИНГА

Аннотация: *В статье рассматривается разрыв между обещаниями работодателя и опытом сотрудника как угроза устойчивости HR-бренда. На материале российских и зарубежных исследований, а также образовательных практик (школы, вузы, колледжи) показано, что расхождение возникает там, где заявленные ценности не подкреплены управленческими механизмами и условиями труда. Приведены данные о распространенности деклараций в вакансиях, об уходе молодых педагогов и о ценностных запросах поколений Y и Z. Сделан вывод, что бренд работодателя в образовании держится на проверяемых обязательствах по нагрузке, наставничеству, ресурсам и академической свободе.*

Ключевые слова: *HR-бренд, бренд работодателя, ценностное предложение работодателя (EVP), психологический контракт, разрыв между ожиданиями и опытом, образовательные организации, молодые педагоги, наставничество, поколения Y и Z.*

Kamalitdinova E.Yu.
2nd-year Master's student
Field of study: "Brand Management in Advertising and Public Relations"
Russian State University for the Humanities
Russia, Moscow
academic supervisor: Abaev A.L., doctor of economics
dean of the Faculty of Marketing and Advertising, Head of the Department of
Integrated Communications and Advertising
Russian State University for the Humanities
Russia, Moscow

THE GAP BETWEEN EMPLOYER PROMISES AND EMPLOYEE EXPERIENCES AS A PROBLEM OF HR BRANDING

Abstract: *The article examines the gap between employer promises and employee experience as a threat to the sustainability of an HR brand. Drawing on Russian and international studies and on practices in education (schools, universities and pharmacy colleges), it shows that the gap emerges when declared values are not backed by management mechanisms and working conditions. The paper presents data on how common declarations are in job vacancies, on the attrition of young teachers, and on the value expectations of Generations Y and Z. It concludes that an employer brand in education rests on verifiable commitments regarding workload, mentoring, resources and academic freedom.*

Keywords: *HR brand, employer brand, employer value proposition (EVP), psychological contract, expectation–experience gap, educational institutions, young teachers, mentoring, Generations Y and Z.*

Бренд работодателя проверяется не содержанием опубликованной вакансии, а по первым месяцам работы. Т. Эмблер и С. Барроу определяли бренд работодателя как «набор функциональных, экономических и психологических выгод, обеспечиваемых трудоустройством и ассоциируемых с нанимающей компанией»[13]. По мнению В. Н. Саенко и Е. В. Пожидаевой, HR-бренд «эволюционировал из тактического инструмента рекрутинга в стратегический нематериальный актив, формирующий устойчивое конкурентное преимущество»[14]. Если актив стратегический, расхождение между обещанным и пережитым равно потере его стоимости. А. Хейн с соавторами добавляют, что в динамической модели образ работодателя постоянно сверяется с нормами самих сотрудников, и разрыв фиксирует не маркетолог, а работник[15].

Г. Пирс с соавторами на материалах фармацевтических колледжей США показали, что нарушением контракта преподаватели считают отсутствие обещанных при найме коллегиальной среды, наставничества, посильной нагрузки на старте и лабораторного пространства. Перечень из 27 пунктов утвердили 11 экспертов из 12 приглашенных[16].

Российские данные о декларациях выглядят иначе, но логика схожа. Как отмечают Саенко и Пожидаева, «разрыв между декларируемой инклюзивностью и реальной практикой часто является следствием не

[13] Ambler, T. The employer brand / T. Ambler, S. Barrow // Journal of Brand Management. — 1996. — P. 187. — Цит. по: Hein, A. Z. One Size Fits All? Employer Branding in Different Contexts / A. Z. Hein, W. J. L. Elving, S. Koster, A. Edzes // Corporate Reputation Review. — 2025. — P. 2.

[14] Саенко, В. Н. HR-бренд новой эпохи: как инклюзивность формирует ценностное предложение работодателя / В. Н. Саенко, Е. В. Пожидаева // Вестник факультета управления СПбГЭУ. — 2025. — Вып. 24. — С. 126.

[15] Hein, A. Z. One Size Fits All? Employer Branding in Different Contexts / A. Z. Hein, W. J. L. Elving, S. Koster, A. Edzes // Corporate Reputation Review. — 2025. — P. 2.

[16] Peirce, G. L. Identifying Psychological Contract Breaches to Guide Improvements in Faculty Recruitment, Retention, and Development / G. L. Peirce, S. P. Desselle, J. R. Draugalis, A. R. Spies, T. S. Davis, M. Bolino // American Journal of Pharmaceutical Education. — 2012. — Vol. 76, № 6. — Article 108.

недостатка политик, а их слабой имплементации в ключевые механизмы управления». Формальные регламенты, по их словам, «остаются неэффективными, если они не находят отражения в ежедневных управленческих решениях линейных руководителей». Вывод авторов жесткий. Без внутренних изменений «разрыв между внешним брендом и внутренним опытом сотрудников будет только углубляться»[17].

Анализ 42 вакансий десяти работодателей из рейтинга hh.ru «Лучший работодатель России – 2024» показал, что прямые упоминания инклюзивности есть лишь в 15% текстов (6 из 42). Гибкие форматы занятости заявлены в 81% вакансий, нейтральная лексика встречается в 92%, ценности открытости и доверия в 64%, а адаптация рабочего места для людей с инвалидностью только в 7%. Критерий проверки авторы формулируют прямо: «Сила бренда работодателя измеряется не красотой формулировок в разделе «О компании», а тем, насколько эти формулировки материализуются в конкретных условиях, с которыми сталкивается сотрудник с первого дня»[18].

Структура самого обещания тоже влияет на размер разрыва. Ф. Коллинз и К. Стивенс выделили две базовые составляющие бренда, общее отношение к компании и конкретные характеристики работы[19]. П. Бертон с соавторами уточнили вторую составляющую, описав ценность развития, социальную, прикладную, экономическую и интересную ценность работы. Расхождение возникает там, где работодатель усиливает одну из этих осей, а повседневная практика обеспечивает другую. Вуз, который рекламирует исследовательскую карьеру, но оставляет начинающему преподавателю аудиторную нагрузку без времени на науку, нарушает именно ту ось, ради которой кандидат пришел[20].

Образовательные организации дают самые показательные случаи. Исследование Лаборатории оценки профессиональных компетенций и развития взрослых МГПУ (руководитель А. Белолуцкая), опубликованное в 2023 году, охватило 4124 респондента в Москве, Бурятии, Воронежской области и Красноярском крае. Молодые педагоги охотно идут в школы после вуза, но массово уходят спустя один-два года. В Москве стаж менее года имеют 84% молодых учителей, а более трех лет работают лишь 6,4%. Низкую зарплату назвали отталкивающим фактором 8% московских педагогов, тогда как половина московских директоров назвала ее причиной ухода. Директора уверяли, что наставничество в школах есть, а чуть больше половины московских и бурятских учителей такой системы не заметили. Школа,

[17] Саенко, В. Н. HR-бренд новой эпохи: как инклюзивность формирует ценностное предложение работодателя / В. Н. Саенко, Е. В. Пожидаева // Вестник факультета управления СПбГЭУ. — 2025. — Вып. 24. — С. 127.
[18] Там же.
[19] Collins, C. J. The relationship between early recruitment-related activities and the application decisions of new labor-market entrants: a brand equity approach to recruitment / C. J. Collins, C. K. Stevens // Journal of Applied Psychology. — 2002. — Vol. 87, № 6. — P. 1121–1133. — URL: https://hdl.handle.net/1813/75078 (дата обращения: 07.10.2026).
[20] Berthon, P. Captivating company: dimensions of attractiveness in employer branding / P. Berthon, M. Ewing, L. L. Hah // International Journal of Advertising. — 2005. — Цит. по: Hein, A. Z. [и др.]. Указ. соч. — P. 3–4, 6.

выстраивая предложение вокруг денег, продает то, о чем молодой специалист в Москве спрашивает меньше всего[21].

Государственная реакция подтверждает масштаб проблемы. По сообщению ИА DEITA.RU от 7 октября 2026 года, почти 40% молодых специалистов уходят из школ в течение первых трех лет. Авторы письма, на которое ссылается издание, называют главными факторами выгорание, сложности с дисциплиной и избыточную бюрократию при нехватке оперативной методической помощи и предлагают закрепить за новичками наставников[22]. Решение запаздывает относительно обещания, поскольку поддержка заявляется на этапе набора, а появляется после первых увольнений. Вузы оказываются на другой стороне этой цепочки. Н. Ю. Нормаева и Д. Н. Куркова (2025) опросили в апреле – мае 2025 года 108 студентов экономического факультета МГУ и выделили три сегмента, от «начинающих и неопределившихся» до «осознанных и требовательных»[23]. Карьерный центр университета как источник сведений о работодателе назвали от 17,6% респондентов в сегменте «рациональные реалисты» до 38,3% в сегменте «осознанные и требовательные». Для последней группы роль бренда работодателя оценена выше всего (4,43 из 5). Наставничество в первые месяцы работы важно для 83,3% опрошенных.

Ценностный сдвиг молодежи делает расхождение дороже. Н. Е. Долбнев, Е. В. Кузнецова и С. А. Кузнецов приводят данные Deloitte 2024 года, по которым «67% представителей поколения Z указали, что экологическая и социальная ответственность компании является важным или решающим фактором при выборе работодателя»[24]. Авторы делают вывод, что «традиционное ценностное предложение работодателя, основанное на стабильности и материальной мотивации, перестает работать для молодежи». При этом они оговариваются, что «многие молодые сотрудники демонстрируют гибридные стратегии, сочетая запрос на смыслы с прагматичным отношением к материальному вознаграждению». Если школа обещает творческую автономию, а выпускник педвуза попадает в среду, описанную исследователями МГПУ, смысловой запрос вступает в прямое противоречие с опытом.

Универсальных формул здесь нет. Хейн с соавторами, проанализировав 226 вакансий для выпускников и специалистов в сфере IT, энергетики и здравоохранения в Нидерландах, Германии и Болгарии, пришли к выводу, что основные ценности и отличительные характеристики бренда работодателя

---

[21] Не только деньги: почему молодые педагоги массово уходят из школ и как их удержать // Educational Design: [сайт]. — 2023. — URL: https://eddesignmag.com/molodye-pedagogi-uhodyat-iz-shkol-kak-ih-uderzhat/ (дата обращения: 07.10.2026).

[22] Избежать выгорания: молодым педагогам дадут наставников // Деита.ру: [сайт]. — 2026. — 7 окт. — URL: https://deita.ru/article/591317 (дата обращения: 07.10.2026).

[23] Нормаева, У. Ю. Бренд работодателя как фактор выбора студентами компаний для трудоустройства / У. Ю. Нормаева, Д. Н. Куркова // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. — 2025. — Т. 17, вып. 4 (58). — С. 208, 212.

[24] Долбнев, Н. Е. Конфликт поколений на рынке труда: между «культурой выживания» и «экономикой смыслов» / Н. Е. Долбнев, Е. В. Кузнецова, С. А. Кузнецов. — 2026. — С. 62-64.

«не получили широкого распространения» в таких текстах. Практический вывод авторов состоит в том, что подход «один размер для всех» вряд ли будет наиболее эффективным. Для университетов с единым международным брендом это означает необходимость локализации обещания[25].

Устойчивый бренд работодателя в образовании строится на проверяемых обязательствах. Нагрузка, наставничество, ресурсы и свобода методики должны быть описаны так, как их увидит человек через полгода работы.

Использованные источники

1. Долбнев Н. Е., Кузнецова Е. В., Кузнецов С. А. Конфликт поколений на рынке труда: между «культурой выживания» и «экономикой смыслов» — 2026. — С. 61–65. — DOI 10.58168/MTY2026_61-65.
2. Избежать выгорания: молодым педагогам дадут наставников // Деита.ру: [сайт]. — 2026. — 7 окт. — URL: https://deita.ru/article/591317 (дата обращения: 07.10.2026).
3. Не только деньги: почему молодые педагоги массово уходят из школ и как их удержать // Educational Design: [сайт]. — 2023. — URL: https://eddesignmag.com/molodye-pedagogi-uhodyat-iz-shkol-kak-ih-uderzhat/ (дата обращения: 07.10.2026).
4. Нормаева У. Ю., Куркова Д. Н. Бренд работодателя как фактор выбора студентами компаний для трудоустройства // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. — 2025. — Т. 17. — № 4(58). — С. 200–222.
5. Саенко В. Н., Пожидаева Е. В. HR-бренд новой эпохи: как инклюзивность формирует ценностное предложение работодателя // Вестник факультета управления СПбГЭУ. — 2025. — Вып. 24. — С. 125–132.
6. Ambler T., Barrow S. The employer brand // Journal of Brand Management. — 1996. — Vol. 4. — № 3. — P. 185–206.
7. Berthon P., Ewing M., Hah L. L. Captivating company: dimensions of attractiveness in employer branding // International Journal of Advertising. — 2005. — Vol. 24. — № 2. — P. 151–172.
8. Collins C. J., Stevens C. K. The relationship between early recruitment-related activities and the application decisions of new labor-market entrants: a brand equity approach to recruitment // Journal of Applied Psychology. — 2002. — Vol. 87. — № 6. — P. 1121–1133.
9. Hein A. Z., Elving W. J. L., Koster S., Edzes A. One Size Fits All? Employer Branding in Different Contexts // Corporate Reputation Review. — 2025.
10. Peirce G. L., Desselle S. P., Draugalis J. R., Spies A. R., Davis T. S., Bolino M. Identifying Psychological Contract Breaches to Guide Improvements in Faculty Recruitment, Retention, and Development // American Journal of Pharmaceutical Education. — 2012. — Vol. 76. — № 6. — Article 108.

[25] Hein, A. Z. One Size Fits All? Employer Branding in Different Contexts / A. Z. Hein, W. J. L. Elving, S. Koster, A. Edzes // Corporate Reputation Review. — 2025. — P. 1.

Курбанов В.Ш.
основатель и главный исполнительный директор (CEO)
ООО «ДИСИ», ООО «Алтай Эко Продукт»
Россия, г. Барнаул

РЕЦЕПТУРНАЯ ПЛАТФОРМА КАК ИНСТРУМЕНТ МАСШТАБИРОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ КОНДИТЕРСКИХ ИЗДЕЛИЙ БЕЗ САХАРА

Аннотация: *В работе анализируется опыт масштабирования выработки диетической кондитерской продукции без сахара за счет перехода к платформам рецептур. Растущий спрос на товары категории Better-for-You и перестройка сырьевых цепочек выявили слабость традиционного метода разработки, когда под отдельную позицию (SKU) создается уникальный рецепт и индивидуальный регламент. Подобная дискретность упирается в долгий запуск новинок (Time-to-Market), перерасход средств на хранение узкоспециального сырья и технологические сбои при экструдировании масс.*

Опыт марки PumpUp (ООО «ДИСИ», Алтайский край) подтверждает: стандартизированная белково-полиольная база дает возможность без потери качества поддерживать линейку из 110+ артикулов, защищать маржу от колебаний сырьевых цен и выводить региональное производство в лидеры онлайн-продаж РФ исключительно на собственных оборотных средствах.

Ключевые слова: *функциональные продукты питания, рецептурная платформа, протеиновые батончики, сахарозаменители, изомальтоолигосахарид, мицеллярный казеин, реология масс, синерезис, Time-to-Market, оборачиваемость сырья, Debt-Free Growth.*

Kurbanov V.Sh.
founder & Chief Executive Officer (CEO)
DISI LLC, Altai Eco Product LLC
Russia, Barnaul

THE RECIPE PLATFORM AS A TOOL FOR SCALING UP THE PRODUCTION OF SUGAR-FREE CONFECTIONERY PRODUCTS

Abstract: *This paper analyzes the experience of scaling up the production of sugar-free diet confectionery products through the transition to recipe platforms. The growing demand for "Better-for-You" products and the restructuring of supply chains have revealed the weaknesses of the traditional development method, in which a unique recipe and individual production specifications are created for each separate stock-keeping unit (SKU). This piecemeal approach results in long time-*

to-market for new products, excessive spending on storing highly specialized raw materials, and technological failures during the extrusion of mixtures.

The experience of the PumpUp brand (DISI LLC, Altai Krai) confirms that a standardized protein-polyol base makes it possible to maintain a product line of over 110 items without compromising quality, protect profit margins from fluctuations in raw material prices, and position regional production as a leader in online sales in the Russian Federation using only its own working capital.

Keywords: *functional foods, formulation platform, protein bars, sugar substitutes, isomaltoligosaccharide, micellar casein, mass rheology, syneresis, Time-to-Market, raw material turnover, Debt-Free Growth.*

1. Введение и постановка проблемы

Отечественный вектор потребления диетической продукции без сахара за последние годы кардинально изменился. Высокобелковые сладости перестали быть узким специализированным товаром для атлетов и вошли в ежедневный рацион широких слоев населения. Однако для регионального пищевого предприятия этот рыночный сдвиг стал серьезным испытанием: прямая попытка расширять линейку привычными заводскими методами приводит к скачкообразному росту накладных расходов и падению общей выгоды.

Когда производство идет по стандартному пути, ввод любого нового вкуса заставляет заново запускать весь научно-производственный цикл. Инженерам приходится подбирать другие загустители, заново калибровать экструдеры и линии покрытия глазурью, месяцами отслеживать поведение массы на складе и пробираться через бюрократические этапы сертификации каждого отдельного артикула.

В условиях высококонкурентного цифрового рынка (маркетплейсов) подобный подход формирует три критических барьера:

1. Задержка вывода продукции на рынок (Time-to-Market, TTM).

Период от первичной идеи технолога до отгрузки готовой серии на распределительный центр маркетплейса затягивается на полгода-девять месяцев. В условиях быстрой смены трендов в цифровых каналах продаж новинка рискует стать неактуальной ещё до появления на виртуальной полке.

2. **Замораживание ресурсов на складе.**

Необходимость держать под каждый артикул собственную номенклатуру редких компонентов тормозит оборачиваемость средств. Компания теряет возможность объединять закупки и лишается крупных скидок от поставщиков.

3. **Нестабильность масс при перевозке и хранении.**

Высокобелковые смеси склонны к деградации структуры. Вторичная гидратация протеинов, миграция влаги, расслоение эмульсий и синерезис в процессе доставки выливаются в брак и убытки.

Эти риски снимает платформенная рецептура. На производстве запускают единую белково-полиольную массу с фиксированными свойствами.

Ассортимент формируют уже потом - добавлением нужных наполнителей под конкретный артикул.

2. Устройство и физико-химия платформы

Состав изделия делится на три автономных блока:

2.1. Механика предотвращения «остеклененения» и реверсии структуры

Ключевая научно-технологическая проблема при выработке протеиновых батончиков - реверсия структуры (градуальное уплотнение и остеклененение массы в течение первых 2 - 4 месяцев хранения). Этот процесс обусловлен конкурентной гидратацией: концентрированный белок постепенно забирает свободосвязанную влагу из полиольной матрицы, превращая пластичное изделие в жесткий монолит.

Для предотвращения этого эффекта в платформе PumpUp реализована бинарная белковая система с контролируемой кинетикой набухания:

● **Концентрат сывороточного белка (КСБ-80):** обладает высокой растворимостью, обеспечивает быстрый аминокислотный профиль и создает первичную структуру массы.

● **Концентрат молочного белка (КМБ) / Мицеллярный казеин:** благодаря плотным мицеллярным глобулам связывает влагу медленно и равномерно. Казеиновая сетка выступает в роли «амортизатора», предотвращая межмолекулярное сшивание сывороточных белков и сохраняя мягкую пластичную консистенцию изделия на протяжении полных 12 месяцев хранения.

2.2. Замена сахарозы, реология и контроль активности воды (a_w)

Классический сахаро-паточный сироп в платформе полностью замещен структурирующим пребиотическим комплексом:

● **Изомальтоолигосахарид (IMO) и Инулин:** растворимые пищевые волокна высокой степени очистки. Они формируют пространственный связующий каркас, придают массе необходимую вязкость при формовании и выполняют функцию пребиотика.

● **Эритрит и Глицерин:** выполняют роль объемных пластификаторов. Введение пищевого глицерина строго дозировано для достижения показателя активности воды (a_w) в диапазоне $\mathbf{0.60–0.64}$. Снижение a_w ниже порога 0.70 делает физически невозможным развитие бактериальной микрофлоры и плесневых грибов, что позволяет полностью отказаться от синтетических консервантов (сорбатов и бензоатов).

● **Сукралоза и Стевиозид:** термостабильные высокоинтенсивные подсластители, вносимые в микродозах для тонкой юстировки профиля сладости без увеличения калорийности.

3. Лабораторные замеры и сравнение

По составу и питательным свойствам батончики PumpUp сведены в Таблицу 1. Там же для сопоставления приведены значения по ключевым маркам-конкурентам.

Таблица 1. Сравнительные параметры пищевой ценности и стабильности (на 100 г готового продукта)

Показатель / Характеристика	PumpUp (Платформа)	Конкурент А (Bombbar)	Конкурент Б (Fitnesshock)	Конкурент В (Solvie)
Массовая доля белка, г	**33,3**	33,0	25,0	30,0
Массовая доля жиров, г	**11,5**	10,0	15,2	12,0
Углеводы (всего), г	**12,0**	10,8	18,5	14,0
из них простые сахара, г	**0,0**	0,0	0,0	0,0
Пищевые волокна (пребиотики), г	**23,0**	20,0	18,0	20,0
Энергетическая ценность, ккал	**325**	310	348	320
Срок сохранения пластичности (мес.)	**12**	12	9	9

Анализ проб показал: у батончиков на базовой платформе доля белковой матрицы достигает 33,3%, а пребиотических волокон - 23%. Текстура и вкус при этом остаются стабильными полные 12 месяцев.

4. Экономика масштабирования

4.1. Ускорение запуска номенклатуры (Time-to-Market)

Стандартизация белково-полиольной основы полностью меняет расчет затрат на расширение линейки. Поскольку поведение смеси в экструдере уже изучено, а протоколы по микробиологии и срокам хранения получены на саму платформу, фабрике больше не нужно проходить полные циклы R&D. Для

вывода нового SKU достаточно ввести нужный ароматизатор или наполнитель и отправить в печать свежий дизайн обертки.

Таблица 2. Временные затраты при запуске новой позиции (Time-to-Market)

Этап производственного цикла	**Традиционная разработка**	**Платформенный метод**	**Сокращение сроков (%)**
Проработка базового рецепта и реологии	60 дней	0 дней (готовый базис)	100%
Подбор вкусо-ароматического профиля	30 дней	5 дней	83%
Лабораторные тесты на срок годности	90 дней	7 дней (экспресс-метод)	92%
Промышленная юстировка линии	15 дней	2 дня	86%
ИТОГО:	**195 дней**	**14 дней**	**92,8%**

4.2. Себестоимость и эффект масштаба (Scale Economy)

Концентрация 70% объема всех сырьевых закупок на 4-5 ключевых компонентах платформы (КСБ-80, КМБ, IMO, мальтитольная глазурь) позволяет закупать сырье судовыми или вагонными нормами со скидками до 20–25% по сравнению с мелкооптовыми конкурентами. Это компенсирует рост цен на специфические ингредиенты (дробленый миндаль, сублимированную малину, какао-нибсы) и обеспечивает высокую операционную маржу.

5. Практическая реализация и результаты (ооо «диси»)

Применение описанной платформенной концепции на базе производственного комплекса ООО «ДИСИ» (г. Барнаул) под руководством В. Ш. Курбанова доказало свою высокую практическую эффективность. Отказавшись от традиционной цепочки посредников (дистрибьюторов и ритейл-сетей) в пользу прямой модели «фабрика-маркетплейс», предприятие обеспечило рекордные темпы масштабирования бизнеса.

Таблица 3. Сравнительные показатели лидеров категории «Протеиновый батончик» на маркетплейсе Ozon (сентябрь 2026 г.)

Позиция	Бренд	Продажи, млн ₽ / мес.	Доля в Топ-10 (%)	Объемы продаж, шт. / мес.	Номенклатура (SKU)
1	Bombbar	128,2	39,8%	114 350	137
2	**PumpUp**	**61,6**	**19,1%**	**109 353**	**117**
3	Fitnessho ck	57,6	17,9%	86 227	59
4	BOOTY BAR	13,6	4,2%	26 193	90
5	Solvie	11,3	3,5%	14 386	15

Ключевые показатели масштабирования бренда PumpUp (данные Ozon, 2026 г.):

- **Суммарный объем заказов за 9 месяцев 2026 года:** 416,6 млн рублей (по цене реализации).
- **Объем выработки и номенклатура:** свыше 109 тыс. единиц продукции в месяц при ассортиментной матрице в 117 активных SKU в категории батончиков (при общем пуле бренда около 400 SKU).
- **Бескорпоративная модель финансирования (без привлечения долга).** Запуск и промышленное масштабирование предприятия осуществлены без опоры на кредитный капитал. За счет унификации рецептур оборачиваемость денег в производстве резко выросла. В итоге компания смогла полностью закрывать расходы на масштабирование из чистой прибыли, не привлекая кредиты и сторонний капитал.

6. Заключение

Замена дискретных технопроцессов унифицированной платформой решает главные проблемы современных производств функциональных лакомств. Такой подход подтвердил свою жизнеспособность в реальных рыночных условиях, обеспечивая стабильное развитие без лишних издержек. Практический кейс производственного объединения ООО «ДИСИ» и торговой марки PumpUp убедительно подтверждает: унификация белково-полиольного базиса дает возможность региональным фабрикам оперативно формировать вариативную продуктовую матрицу (свыше 100 товарных артикулов), эффективно гасить сырьевые и логистические угрозы, снижать издержки в структуре себестоимости и уверенно удерживать вторую позицию в общероссийском рейтинге лидеров сегмента здорового питания.

Использованные источники

1. Шарафетдинов Х. Х., Шамис М. Д., Плотникова О. А. РАЗРАБОТКА, КЛИНИКО-НУТРИЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ

ОБОСНОВАНИЕ ВНЕДРЕНИЯ ЗЕФИРА БЕЗ ДОБАВЛЕНИЯ САХАРА ДЛЯ ДИЕТИЧЕСКОГО И ДИАБЕТИЧЕСКОГО ПИТАНИЯ //Прогрессивная экономика. – 2026. – №. 5. – С. 543-555.
2. Есеева Г. К., Мадиева А. Б. ТЕХНОЛОГИЯ ПРОИЗВОДСТВА ДИЕТИЧЕСКОГО, НАЦИОНАЛЬНОГО КОНДИТЕРСКОГО ИЗДЕЛИЯ «ЖЕНТ» //Кооперация и предпринимательство: состояние, проблемы и перспективы. – 2017. – С. 345.
3. Позднякова О. Г., Егушова Е. А., Тыщенко Е. А. Разработка технологии производства кондитерских изделий функционального назначения //Техника и технология пищевых производств. – 2018. – Т. 48. – №. 3. – С. 90-95.
4. Исаченко А. С., Журавлев Д. А. Сокращение времени переналадки в цехах изготовления оснастки для заготовительно-штамповочного производства //iPolytech Journal. – 2018. – Т. 22. – №. 10 (141). – С. 20-28.

УДК 343.431

Максут Г.А.
студент
группа 15 ЮУМ - 201
факультет заочного и дистанционного обучения
Челябинский государственный университет

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБСТВА И ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ

Аннотация: В статье исследуются уголовно-правовые признаки торговли людьми и использования рабского труда, предусмотренных статьями 127.1 и 127.2 Уголовного кодекса Российской Федерации. Обосновывается необходимость самостоятельного доказывания признаков осуществления полномочий, присущих праву собственности, и невозможности потерпевшего отказаться от выполнения работы. Сформулированы выводы о критериях квалификации рассматриваемых деяний и условиях применения норм о совокупности преступлений.

Ключевые слова: торговля людьми, рабство, использование рабского труда, эксплуатация человека.

Maksut G.A.
student
Group 15 YuUM-201
Faculty of Part-Time and Distance Learning
Chelyabinsk State University (ChelSU)

CRIMINAL LAW CHARACTERISTICS OF SLAVERY AND HUMAN TRAFFICKING

***Abstract**: The article examines the criminal law elements of human trafficking and the use of slave labor under Articles 127.1 and 127.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. The article substantiates the need to independently prove the exercise of powers associated with the right of ownership over a person and the victim's inability to refuse to perform work. Conclusions are drawn regarding the criteria for the legal qualification of these offenses and the conditions for applying the rules on concurrence of crimes.*

***Keywords**: human trafficking, slavery, use of slave labor, human exploitation.*

Уголовно-правовой запрет рабства и торговли людьми направлен на защиту личной свободы от таких форм противоправного воздействия, при которых человек становится предметом сделки либо объектом фактического господства другого лица. Конституция Российской Федерации закрепляет право каждого на свободу и личную неприкосновенность, а также запрещает принудительный труд [1]. Специальные уголовно-правовые гарантии

установлены статьями 127.1 и 127.2 Уголовного кодекса Российской Федерации [2]. Несмотря на взаимосвязь указанных норм, они предусматривают ответственность за различные по юридической природе деяния, торговлю людьми и использование рабского труда. Их отождествление приводит к неправильному определению объективной стороны преступления, необоснованному вменению цели эксплуатации и ошибкам при квалификации совокупности преступлений.

Международно-правовое понятие рабства закреплено в Конвенции о рабстве 1926 года, статья 1 которой связывает рабское положение с осуществлением в отношении человека атрибутов права собственности либо некоторых из них [3]. Следовательно, определяющим признаком рабства является не формальное признание человека собственностью другого лица, а фактическое осуществление над ним полномочий, характерных для отношений собственности. Ограничение свободы передвижения может выступать способом обеспечения подчинения, однако само по себе не раскрывает юридической сущности рабского состояния.

Дополнительная конвенция 1956 года разграничивает собственно рабство и институты, сходные с ним, включая долговую кабалу и крепостное состояние [4]. Данное разграничение принципиально для уголовного права: экономическая зависимость, даже выраженная в тяжёлых формах, не должна автоматически признаваться рабством. Для применения статьи 127.2 УК РФ необходимо установить именно те признаки, которые закреплены в диспозиции уголовно-правовой нормы.

Международное определение торговли людьми содержится в статье 3 Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за неё, 2000 года, которое объединяет три элемента: совершение определённых действий в отношении человека, использование предусмотренных Протоколом способов воздействия и цель эксплуатации. В отношении несовершеннолетних международное определение не требует доказывания соответствующих способов воздействия [5]. Вместе с тем российская уголовно-правовая конструкция имеет самостоятельные особенности, вследствие чего международное определение не может механически подменять диспозицию статьи 127.1 УК РФ.

В научной литературе обоснованно обращается внимание на юридико-технические проблемы перенесения международно-правовых конструкций в национальное уголовное законодательство. Так, С. Силаев при исследовании криминообразующих признаков торговли людьми рассматривает соотношение исполнительских действий, способов и целей совершения преступления, а также особенности его законодательного описания [6]. Данная проблема имеет непосредственное значение для квалификации: уголовная ответственность должна определяться содержанием действующей нормы УК РФ, а не расширительным применением международно-правового определения.

Диспозиция части 1 статьи 127.1 УК РФ предусматривает две группы альтернативных действий. Первую составляют купля-продажа человека и иные сделки в отношении него. Вторую – вербовка, перевозка, передача, укрывательство и получение человека, совершаемые в целях эксплуатации [2]. Разграничение указанных групп имеет определяющее значение для установления субъективной стороны преступления.

Купля-продажа человека предполагает фактическую передачу потерпевшего за денежное вознаграждение. Иная сделка может выражаться в противоправной передаче человека на других условиях, в том числе без денежного эквивалента. В обоих случаях преступное посягательство заключается в распоряжении человеком как предметом сделки. Цель дальнейшей эксплуатации для квалификации таких действий не обязательна. Данная норма прямо разъяснена в пункте 12 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2019 года № 58 [7].

Напротив, вербовка, перевозка, передача, укрывательство и получение человека образуют торговлю людьми только при установлении специальной цели эксплуатации. Вербовка без такой цели, равно как и перевозка либо предоставление человеку места проживания, не могут квалифицироваться по статье 127.1 УК РФ исключительно вследствие последующего возникновения неблагоприятных обстоятельств. Необходимо доказать направленность умысла виновного на эксплуатацию в момент совершения соответствующего действия.

Содержание понятия эксплуатации для целей статьи 127.1 УК РФ раскрывается в примечании 2 к данной статье. К нему отнесены использование занятия проституцией другими лицами и иные формы сексуальной эксплуатации, рабский труд (услуги), подневольное состояние [2]. Следовательно, эксплуатация выступает нормативно определённой специальной целью, а не оценочной характеристикой любых неблагоприятных условий существования потерпевшего.

Объективная сторона торговли людьми характеризуется альтернативностью действий, каждое из которых при наличии остальных обязательных признаков способно образовать оконченный состав преступления. Пленум Верховного Суда РФ разграничивает моменты окончания соответствующих форм: купля-продажа и иная сделка признаются оконченными с момента фактической передачи и получения человека; вербовка с момента получения согласия потерпевшего на деятельность, для которой она осуществлялась; перевозка и укрывательство с момента начала соответствующих действий в целях эксплуатации [7].

Субъективная сторона преступления, предусмотренного статьей 127.1 УК РФ, характеризуется прямым умыслом. Для второй группы действий обязательна также цель эксплуатации. Корыстный мотив, несмотря на его возможное наличие, не относится к обязательным признакам основного состава. Поэтому отсутствие доказательств получения виновным

имущественной выгоды само по себе не исключает уголовной ответственности за торговлю людьми.

Принципиально и юридическое значение согласия потерпевшего. Согласно пункту 12 Постановления Пленума № 58 осведомлённость лица о характере совершаемых в отношении него действий и его согласие не исключают квалификации содеянного как торговли людьми [7]. Однако это положение не освобождает от доказывания самой сделки либо предусмотренных законом действий, совершенных в целях эксплуатации. Иными словами, согласие потерпевшего не легализует торговлю человеком, но и отсутствие согласия не заменяет установления объективных признаков соответствующего преступления.

Использование рабского труда предусмотрено статьёй 127.2 УК РФ и имеет иную конструкцию. Закон связывает уголовную ответственность с использованием труда человека, в отношении которого осуществляются полномочия, присущие праву собственности, если потерпевший по не зависящим от него причинам не может отказаться от выполнения работ или услуг [2]. В отличие от торговли людьми, объективная сторона данного преступления предполагает не подготовку к эксплуатации или совершение сделки, а непосредственное использование труда в условиях установленного законом фактического подчинения.

Из диспозиции статьи 127.2 УК РФ следует необходимость доказывания трех взаимосвязанных обстоятельств – фактического использования труда потерпевшего, осуществления в отношении него полномочий, присущих праву собственности, и невозможности отказаться от выполнения работ по причинам, не зависящим от потерпевшего. Отсутствие хотя бы одного из указанных признаков исключает квалификацию по данной статье, хотя содеянное при наличии оснований может образовывать состав другого правонарушения.

Наиболее сложным для квалификации является признак осуществления полномочий, присущих праву собственности. Его нельзя отождествлять с обычными организационно-распорядительными полномочиями работодателя. Право устанавливать график работы, распределять обязанности и контролировать результат труда само по себе не свидетельствует о рабстве. Уголовно-правовое значение приобретает фактическое господство над личностью, при котором виновный распоряжается трудом потерпевшего как ресурсом, не признавая за ним реальной возможности прекратить соответствующую деятельность.

В юридической литературе обращается внимание на сложности применения статьи 127.2 УК РФ, обусловленные конструкцией её диспозиции. В частности, в исследовании уголовно-правовых мер противодействия использованию рабского труда рассматривается вопрос о необходимости более четкого разграничения рабского и подневольного труда [8]. Вместе с тем расширение уголовной ответственности за счет неопределённого понимания зависимости представляется спорным,

поскольку может привести к смешению преступления против личной свободы с нарушениями трудового законодательства.

На наш взгляд, разграничение должно основываться на самостоятельном установлении двух обстоятельств: фактического осуществления над человеком полномочий, присущих праву собственности, и невозможности прекращения трудовой деятельности. Указанные признаки связаны между собой, но не совпадают по содержанию. Первый характеризует поведение виновного и степень контроля над потерпевшим, второй – положение потерпевшего и отсутствие у него реальной свободы отказаться от работы.

Изъятие документов, ограничение передвижения, угрозы, долговая зависимость и изоляция могут свидетельствовать о способах установления контроля, однако ни одно из перечисленных обстоятельств не заменяет доказательства обязательных признаков состава преступления. Например, изъятие паспорта само по себе не означает использования рабского труда, если отсутствуют доказательства фактического использования труда и соответствующего господства над человеком. Вместе с тем отсутствие физического удержания потерпевшего не исключает состава преступления, если невозможность отказа от работы обеспечивалась другими противоправными средствами.

Законодатель дополнительно учитывает отдельные способы совершения преступления в качестве квалифицирующих признаков. В частности, пункт «д» части 2 статьи 127.2 УК РФ предусматривает ответственность за использование рабского труда с изъятием, сокрытием либо уничтожением документов, удостоверяющих личность потерпевшего. Пункт «е» той же части устанавливает квалифицирующий признак публичной демонстрации деяния, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях [2]. Данное обстоятельство подтверждает необходимость разграничивать признаки основного состава и обстоятельства, повышающие общественную опасность преступления.

Отдельного рассмотрения требует момент окончания использования рабского труда. Поскольку диспозиция статьи 127.2 УК РФ связывает ответственность с использованием труда, оконченный состав предполагает фактическое начало выполнения потерпевшим работ или оказания услуг в условиях, предусмотренных данной нормой. Само установление зависимости без последующего использования труда не образует оконченного преступления, предусмотренного статьёй 127.2 УК РФ. Вопрос об ответственности за предшествующие действия должен разрешаться с учётом их самостоятельных уголовно-правовых признаков и положений Общей части УК РФ.

Разграничение торговли людьми и использования рабского труда следует проводить прежде всего по содержанию объективной стороны. Для статьи 127.1 УК РФ юридически значимы сделка в отношении человека либо определённые действия, совершаемые в целях эксплуатации. Для статьи 127.2

УК РФ обязательным является непосредственное использование труда при осуществлении полномочий, присущих праву собственности, и невозможности потерпевшего отказаться от работы. Поэтому торговля людьми может быть окончена до начала эксплуатации, тогда как использование рабского труда без фактической эксплуатации невозможно.

Указанное различие определяет и подход к квалификации по совокупности преступлений. Если лицо совершило вербовку, перевозку или передачу человека в целях эксплуатации, а затем самостоятельно использовало его рабский труд, необходимо установить, образуют ли последующие действия отдельный оконченный состав статьи 127.2 УК РФ. При доказанности самостоятельных признаков обоих преступлений возможна квалификация по совокупности статей 127.1 и 127.2 УК РФ. При этом нельзя повторно вменять одни и те же действия как самостоятельные преступления без установления предусмотренных законом оснований.

Необходимо также разграничивать торговлю людьми и похищение человека. Согласно разъяснениям Верховного Суда РФ похищение включает незаконные захват, перемещение и последующее удержание потерпевшего. Если похищение предшествовало действиям, образующим торговлю людьми, содеянное квалифицируется по совокупности соответствующих частей статей 126 и 127.1 УК РФ. Напротив, незаконное лишение свободы в целях торговли людьми либо в процессе её совершения охватывается статьёй 127.1 УК РФ и не требует дополнительной квалификации по статье 127 УК РФ [7]. Следовательно, вопрос о совокупности преступлений разрешается не исходя из количества ограниченных прав потерпевшего, а с учётом самостоятельности объективных признаков совершённых деяний.

Проведенный анализ позволяет выявить существенную проблему правоприменения, использование понятия «эксплуатация» в качестве общего обозначения торговли людьми и рабского труда способно скрывать различия между их составами. Между тем эксплуатация в статье 127.1 УК РФ выступает специальной целью определенных действий, а в статье 127.2 УК РФ непосредственное использование труда является элементом объективной стороны. Смешение этих юридических функций приводит к ошибочному выводу о том, что доказанная цель эксплуатации автоматически подтверждает использование рабского труда либо что фактическое использование труда всегда предполагает предшествующую торговлю людьми.

Для исключения подобных ошибок представляется необходимым применять последовательный порядок квалификации.

Первоначально следует установить конкретное действие, предусмотренное статьей 127.1 УК РФ, и определить, требуется ли для данной формы торговли людьми специальная цель эксплуатации.

Затем необходимо самостоятельно проверить признаки статьи 127.2 УК РФ, факт использования труда, характер осуществляемого над человеком контроля и невозможность отказа от работы. После этого подлежат оценке

квалифицирующие обстоятельства и основания применения правил о совокупности преступлений.

Предлагаемый порядок не предполагает изменения действующего уголовного закона. Его значение заключается в разграничении обстоятельств, относящихся к разным элементам состава преступления, и предотвращении подмены юридических признаков общими характеристиками эксплуатации.

Таким образом, центральная проблема уголовно-правовой характеристики рабства и торговли людьми состоит не в отсутствии законодательного запрета, а в необходимости точного установления предусмотренных законом признаков каждого деяния.

Для торговли людьми решающее значение имеют форма совершенного действия и, в предусмотренных случаях, цель эксплуатации.

Для использования рабского труда – фактическое осуществление полномочий, присущих праву собственности, непосредственное использование труда и невозможность потерпевшего отказаться от работы.

Указанные признаки должны доказываться самостоятельно, даже если преступления совершены в отношении одного потерпевшего и образуют единый фактический процесс эксплуатации.

Использованные источники

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.; с изм. и доп.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 16.10.2026).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. и доп.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 16.10.2026).
3. Конвенция о рабстве (Женева, 25 сентября 1926 г.). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/convention_slavery.shtml (дата обращения: 16.10.2026).
4. Дополнительная конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством (Женева, 7 сентября 1956 г.). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/supplementconvention_slavery.shtml (дата обращения: 16.10.2026).
5. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за неё, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности (Нью-Йорк, 15 ноября 2000 г.). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol1.shtml (дата обращения: 16.10.2026).
6. Силаев С. Криминообразующие признаки торговли людьми в международном и российском уголовном праве // Научная публикация. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminoobrazuyuschie-priznaki-torgovli-lyudmi-v-mezhdunarodnom-i-rossiyskom-ugolovnom-prave (дата обращения: 16.10.2026).

7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» (ред. от 09.12.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_341379/ (дата обращения: 16.10.2026).
8. Уголовно-правовые меры противодействия использованию рабского труда и их эффективность // Научная публикация. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovye-mery-protivodeystviya-ispolzovaniyu-rabskogo-truda-i-ih-effektivnost (дата обращения: 16.10.2026).

УДК 616.441-008.64

Ойбутаева Н.У.
Худаймуратов Ф.О.
научный руководитель: Эргашев М.А., PhD
доцент
Ташкентский государственный медицинский университет
Термезский филиал
Узбекистан, г. Термез

ГИПОТИРЕОЗ — СКРЫТЫЙ ВРАГ: НЕЗАМЕТНЫЕ СИМПТОМЫ

Аннотация. *Гипотиреоз — распространённое эндокринное заболевание, проявления которого часто неспецифичны и развиваются постепенно. В статье обобщены данные современных научных обзоров и клинических рекомендаций 2024–2025 годов о причинах, диагностике и лечении гипотиреоза. Рассмотрены различия между манифестным, субклиническим и центральным гипотиреозом, а также влияние заболевания на сердечно-сосудистую, когнитивную и репродуктивную функции. Подчёркнуто значение лабораторного подтверждения диагноза и индивидуального выбора терапии.*

Ключевые слова: *гипотиреоз; скрытые симптомы; тиреотропный гормон; тиреоидит Хашимото; субклинический гипотиреоз; левотироксин.*

Oibutaeva N.U.
Khudaymuratov F.O.
scientific supervisor: Ergashev M.A., PhD
associate professor
Tashkent State Medical University
Termez Branch
Uzbekistan, Termez

HYPOTHYROIDISM: THE HIDDEN ENEMY BEHIND SILENT SYMPTOMS

Abstract. *Hypothyroidism is a common endocrine disorder whose symptoms are often nonspecific and develop gradually. This narrative review summarizes recent scientific reviews and clinical recommendations published in 2024–2025 concerning its causes, diagnosis and treatment. It distinguishes overt, subclinical and central hypothyroidism and discusses cardiovascular, cognitive and reproductive consequences. The importance of biochemical confirmation and individualized treatment is emphasized.*

Keywords: *hypothyroidism; hidden symptoms; thyroid-stimulating hormone; Hashimoto thyroiditis; subclinical hypothyroidism; levothyroxine.*

Введение

Гормоны щитовидной железы регулируют энергетический обмен, термогенез, работу сердечно-сосудистой системы, нервную и репродуктивную функции. Поэтому их дефицит может проявляться симптомами, которые на первый взгляд не связаны между собой. Согласно обзору JAMA 2025 года, распространённость гипотиреоза в разных популяциях составляет от 0,3 до 12% в зависимости от обеспеченности йодом и диагностических критериев; женщины и пожилые люди страдают чаще [1]. Этот диапазон нельзя рассматривать как универсальную оценку распространённости. Выражение «скрытый враг» характеризует сложность распознавания болезни, а не неизбежность тяжёлого исхода. Утомляемость и прибавка массы тела сами по себе не подтверждают гипотиреоз [1–3].

Материалы и методы

Работа представляет собой повествовательный обзор опубликованной литературы, а не оригинальное клиническое исследование или систематический метаанализ. Приоритет отдан обзорам и рекомендациям 2024–2025 годов, дополненным авторитетными клиническими информационными ресурсами. Набор пациентов, новые лабораторные исследования и собственный статистический анализ не проводились.

Этиология и патофизиология

Первичный гипотиреоз возникает при недостаточной выработке гормонов щитовидной железой. В регионах с достаточным поступлением йода ведущая причина — хронический аутоиммунный тиреоидит Хашимото; по данным обзора JAMA, его доля может достигать 85% случаев первичного гипотиреоза в таких условиях [1]. Другие причины включают дефицит йода, операции на щитовидной железе, радиойодтерапию, облучение шеи, приём амиодарона, лития и некоторых ингибиторов иммунных контрольных точек [1,2]. Центральный гипотиреоз связан с патологией гипофиза или гипоталамуса. При нём ТТГ может быть низким либо неадекватно нормальным при сниженном свободном Т4; следовательно, одного определения ТТГ недостаточно [3,4].

Почему симптомы остаются незамеченными

Клинические проявления часто нарастают постепенно: слабость, зябкость, сухость кожи, запоры, замедленное мышление, снижение настроения, мышечный дискомфорт и увеличение массы тела. Их ошибочно связывают с возрастом, стрессом, нарушениями питания или депрессией [1–3]. Ни один симптом не является достаточно специфичным. В обзоре JAMA 2025 года утомляемость отмечалась примерно у 68–83% пациентов, прибавка массы тела — у 24–59%, когнитивные жалобы — у 45–48%, нарушения менструального цикла — приблизительно у 23% [1]. Эти значения взяты из ранее опубликованных исследований и не являются результатами нового наблюдения.

Диагностическая стратегия

При подозрении на первичную дисфункцию щитовидной железы первоначально обычно определяют ТТГ сыворотки крови. Свободный Т4 позволяет отличить манифестный гипотиреоз от субклинического и особенно важен при подозрении на центральную форму. Повышенный ТТГ при сниженном свободном Т4 соответствует манифестному первичному гипотиреозу; повышенный ТТГ при нормальном свободном Т4 — субклиническому [1,4]. Низкий либо неадекватно нормальный ТТГ при низком свободном Т4 требует оценки гипофизарной функции [4]. Антитела к тиреопероксидазе помогают уточнить аутоиммунную природу болезни. УЗИ не требуется только ради подтверждения биохимического гипотиреоза, если нет пальпируемых изменений или иных показаний. При пограничных показателях может потребоваться повторный анализ [2,4].

Сердечно-сосудистые и метаболические последствия

Дефицит тиреоидных гормонов способен снижать частоту сердечных сокращений и сократимость миокарда, повышать общий холестерин и холестерин липопротеинов низкой плотности. Обзор Thyroid Research 2025 года описывает связь гипотиреоза с дислипидемией, сосудистыми нарушениями и неблагоприятными сердечно-сосудистыми исходами [5]. Однако значительная часть данных об исходах носит наблюдательный характер: это не доказывает, что лечение каждого случая лёгкого субклинического гипотиреоза предотвращает события. При манифестной форме восстановление эутиреоза нередко улучшает липидные показатели, тогда как избыточная заместительная терапия повышает риск аритмий [1,5].

Психическое здоровье и когнитивные функции

Гипотиреоз может сопровождаться депрессивными проявлениями, замедлением мышления и жалобами на память. Эти симптомы имеют множество возможных причин, поэтому анализы функции щитовидной железы дополняют, но не заменяют полноценную клиническую оценку. Улучшение на фоне левотироксина неодинаково у разных пациентов; сохранение жалоб при нормализации ТТГ требует поиска других причин, а не автоматического увеличения дозы [1,2].

Репродуктивное здоровье и особые группы

Гипотиреоз может нарушать овуляцию, менструальный цикл и фертильность, а также быть связан с неблагоприятными исходами беременности. При планировании беременности и во время неё применяют специальные рекомендации и соответствующие референсные интервалы [1,2]. У пожилых пациентов возрастные особенности ТТГ и неспецифичность жалоб затрудняют интерпретацию результатов. При ишемической болезни сердца и высоком риске аритмий левотироксин назначают и титруют осторожнее. При центральном гипотиреозе лечение контролируют преимущественно по свободному Т4; при подозрении на гипофизарную патологию необходимо предварительно оценить сопутствующую надпочечниковую недостаточность [4].

Лечение: доказанные подходы и дискуссионные вопросы

Левотироксин (синтетический Т4) — препарат первой линии при манифестном первичном гипотиреозе. Дозу подбирают с учётом возраста, массы тела, сопутствующих заболеваний, тяжести дефицита и беременности. Европейские рекомендации 2025 года обращают внимание на влияние времени приёма, пищи, лекарственных взаимодействий и кишечного всасывания на эффективность терапии [6]. Обычно ТТГ повторно оценивают примерно через 6–8 недель после начала лечения или изменения дозы; после стабилизации контроль проводят реже, нередко ежегодно [1,3]. Препараты кальция, железа, некоторые средства, подавляющие кислотность, и пища могут влиять на всасывание левотироксина. При недостаточном эффекте сначала оценивают соблюдение режима приёма и взаимодействия [6]. При субклиническом гипотиреозе решение зависит от стойкости и степени повышения ТТГ, возраста, симптомов, репродуктивных планов и сопутствующих заболеваний. При устойчивом ТТГ около 10 мМЕ/л и выше лечение рассматривают чаще, а при небольшом повышении необходим индивидуальный подход [2,4].

Сохраняющиеся симптомы при нормальных анализах

У части пациентов усталость и снижение качества жизни сохраняются после нормализации тиреоидных показателей. Обзор Lancet 2024 года рассматривает эту проблему и обсуждение схем с добавлением Т3 [2]. Следует оценить сон, анемию, расстройства настроения, побочные эффекты лекарств и другие эндокринные и неэндокринные причины. Комбинированная терапия не считается стандартным первоначальным выбором для большинства пациентов [2,6].

Значение для общественного здравоохранения

Осведомлённость врачей о неспецифических проявлениях гипотиреоза способствует своевременной диагностике. Однако рутинный массовый скрининг всех бессимптомных взрослых не рекомендован в цитируемом современном обзоре [1]. Предпочтительнее целевое обследование при характерном сочетании жалоб и факторов риска: аутоиммунном анамнезе, перенесённых вмешательствах на щитовидной железе, приёме влияющих на неё препаратов [1–3]. Просветительская работа должна одновременно объяснять необходимость оценки длительных необъяснимых симптомов и невозможность постановки диагноза по одному перечню жалоб. Следует учитывать риски гипердиагностики и избыточного лечения [1,6].

Ограничения обзора

Данная работа обобщает избранные опубликованные источники и не является систематическим обзором. Полный поиск по базам данных, формальная оценка риска систематической ошибки и объединённый метаанализ не проводились. Частоты симптомов получены из предшествующих публикаций и зависят от состава выборок и методов исследований. Национальные рекомендации могут различаться.

Заключение

Гипотиреоз может долго оставаться нераспознанным из-за постепенного развития неспецифических симптомов. Современные данные поддерживают последовательный подход: выявление характерных сочетаний жалоб и факторов риска, подтверждение нарушений по ТТГ и свободному Т4, разграничение манифестной, субклинической и центральной форм и индивидуальный выбор терапии. Левотироксин остаётся основой лечения манифестного первичного гипотиреоза, однако необходимы правильный подбор дозы и наблюдение. Ответ на проблему «скрытого врага» — не поголовное тестирование и не автоматическое назначение препаратов, а точная диагностика и обоснованная помощь.

Использованные источники

1. Chaker L., Papaleontiou M. Hypothyroidism: A Review // JAMA. 2025. Vol. 334, № 19. P. 1750–1760. DOI: 10.1001/jama.2025.13559.
2. Hypothyroidism // The Lancet. 2024. DOI: 10.1016/S0140-6736(24)01614-3.
3. National Institute of Diabetes and Digestive and Kidney Diseases. Hypothyroidism (Underactive Thyroid) [Электронный ресурс]. URL: https://www.niddk.nih.gov/health-information/endocrine-diseases/hypothyroidism
4. Italian guidelines for the management of adult individuals with primary hypothyroidism outside pregnancy. 2025 [Электронный ресурс]. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC12518491/
5. Hypothyroidism: playing the cardiometabolic risk concerto // Thyroid Research. 2025. DOI: 10.1186/s13044-025-00233-y.
6. Centanni M. et al. ETA guidelines for the use of levothyroxine sodium preparations in monotherapy to optimize the treatment of hypothyroidism // European Thyroid Journal. 2025. Vol. 14, № 4. e250123. DOI: 10.1530/ETJ-25-0123.

УДК:338.242.42

Реутов П.Н.
студент
Оренбургский государственный университет имени В.А. Бондаренко
Российская Федерация, г. Оренбург

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРАНСПОРТНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Аннотация: *В статье рассматриваются вопросы государственного регулирования транспортного обслуживания населения, механизмы финансирования, тарифного регулирования и субсидирования общественного транспорта. Особое внимание уделено анализу транспортного обслуживания населения Оренбургской области и направлениям совершенствования системы финансирования пассажирских перевозок.*

Ключевые слова: *государственное управление, транспортное обслуживание населения, пассажирские перевозки, субсидирование, тарифная политика, цифровизация транспортной системы.*

Reutov P.N.
student
V.A. Bondarenko Orenburg State University
Russian Federation, Orenburg

IMPROVING STATE REGULATION OF TRANSPORT SERVICES FOR THE POPULATION

Abstract: *The article examines issues related to state regulation of transport services for the population, as well as mechanisms for financing, tariff regulation, and subsidizing public transport. Special attention is paid to the analysis of transport services for the population of the Orenburg Region and the directions for improving the system of financing passenger transportation.*

Keywords: *public administration, transport services for the population, passenger transportation, subsidies, tariff policy, digitalization of the transport system.*

В современных социально-экономических условиях транспортное обслуживание населения является важным элементом системы жизнеобеспечения территорий и фактором устойчивого развития регионов. Эффективная организация пассажирских перевозок обеспечивает мобильность населения, доступность социальной инфраструктуры и связанность муниципальных образований. Для Оренбургской области вопросы транспортного обслуживания имеют особую актуальность в связи со

значительной территориальной протяжённостью и неравномерным расселением населения.

В Российской Федерации транспортное обслуживание населения относится к социально значимым сферам государственного управления. Реализация государственной политики в данной области предполагает применение организационных, экономических и административных механизмов регулирования [1].

Целью статьи является анализ механизмов государственного регулирования транспортного обслуживания населения и определение направлений совершенствования финансирования пассажирских перевозок.

Транспортное обслуживание населения представляет собой систему организации регулярных пассажирских перевозок автомобильным и городским наземным электрическим транспортом. Она включает формирование маршрутной сети, регулирование деятельности перевозчиков, обеспечение безопасности перевозок и контроль качества услуг [1]. Управление данной сферой осуществляется органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления посредством правовых и экономических механизмов [2]. Необходимость государственного участия обусловлена социальной значимостью общественного транспорта. Значительная часть маршрутов, особенно в сельской местности, является убыточной, но необходимой для обеспечения транспортной доступности населения. В связи с этим органы власти обеспечивают финансовую поддержку перевозчиков и регулируют тарифную политику.

Государственное регулирование транспортного обслуживания населения осуществляется на основе программно-целевого подхода. Основными организационными механизмами являются формирование маршрутной сети, координация межмуниципальных перевозок и регулирование деятельности перевозчиков [3]. Важное значение имеют экономические инструменты: субсидирование социально значимых маршрутов, компенсация выпадающих доходов перевозчиков и поддержка обновления подвижного состава [4].

В Оренбургской области финансовая поддержка перевозчиков направлена на сохранение устойчивой работы маршрутной сети и обеспечение транспортной доступности удалённых территорий. Существенную роль играют контроль и мониторинг качества транспортных услуг, анализ пассажиропотоков и внедрение цифровых технологий. Одним из ключевых инструментов государственного регулирования является тарифная политика. Её задача состоит в обеспечении баланса между финансовой устойчивостью транспортных предприятий и доступностью транспортных услуг для населения [5]. Эффективность тарифной политики определяется уровнем тарифной нагрузки, качеством транспортного обслуживания и объёмом бюджетного субсидирования.

Практика показывает, что наиболее эффективной является гибкая тарифная политика, сочетающая государственное регулирование, систему льгот и современные цифровые механизмы оплаты проезда. Важным направлением развития транспортной системы становится внедрение электронных билетов и безналичной оплаты проезда [6]. Субсидирование транспортного обслуживания населения представляет собой систему финансовой поддержки перевозчиков за счёт бюджетных средств. Основной целью субсидирования является обеспечение доступности транспортных услуг и компенсация затрат транспортных организаций при выполнении социально значимых перевозок [7].

Одной из основных проблем транспортной отрасли остаётся недостаточность бюджетного финансирования. Доходы от оплаты проезда во многих случаях не покрывают фактические расходы перевозчиков, что связано с ростом цен на топливо, техническое обслуживание и обновление подвижного состава. Дополнительной проблемой является высокий уровень износа транспортной инфраструктуры и транспорта. Сохраняется и проблема неравномерности распределения субсидий между регионами. Крупные города обладают большими финансовыми возможностями, тогда как небольшие муниципальные образования испытывают дефицит бюджетных средств. Недостаточный уровень цифровизации транспортной системы также снижает эффективность использования бюджетных ресурсов [8]. Для совершенствования системы финансирования транспортного обслуживания населения необходимо увеличение объёмов государственной поддержки, развитие государственно-частного партнёрства и внедрение цифровых технологий. Использование электронных билетов, автоматизированных систем оплаты проезда и мониторинга пассажиропотока позволяет повысить прозрачность финансовых потоков и эффективность управления транспортной системой. Особое внимание необходимо уделять обновлению подвижного состава и развитию экологически устойчивого транспорта. Внедрение современных автобусов и электрического транспорта способствует повышению безопасности перевозок, снижению эксплуатационных расходов и улучшению экологической ситуации.

Транспортное обслуживание населения является важной сферой государственного управления, влияющей на качество жизни населения и транспортную доступность территорий. Проведённое исследование показало, что эффективность функционирования пассажирского транспорта зависит от организационных и экономических механизмов регулирования, включая субсидирование, тарифную политику и цифровизацию транспортной системы.

Анализ выявил проблемы недостаточного финансирования, высокого износа подвижного состава и ограниченной финансовой устойчивости перевозчиков. Для повышения эффективности транспортного обслуживания необходимо совершенствовать механизмы финансирования, развивать

цифровые технологии и повышать качество управления пассажирскими перевозками.

Использованные источники

1. Федеральный закон от 13.07.2015 № 220-ФЗ «Об организации регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом в Российской Федерации». КонсультантПлюс: справочно-правовая система [ОфициальныйСайт].URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182659

2. Приказ Министерства транспорта Российской Федерации от 30.12.2021 № 482 «Об утверждении методических рекомендаций по оптимизации систем транспортного обслуживания населения». [Офиц. Сайт].URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403423478

3. Аникин Б. А. Государственное управление транспортной системой Российской Федерации. — М.: Инфра-М, 2022.

4. Ковалёв В. В. Экономика транспорта: учебное пособие. — СПб.: Питер, 2021.

5. Лапидус Б. М. Организация пассажирских перевозок и транспортное обслуживание населения. — М.: Транспорт, 2020.

6. Савченко Н. А. Государственное регулирование транспортной инфраструктуры регионов // Региональная экономика. — 2023. — № 4. — С. 45–52.

7. Иванова Е. С. Современные механизмы финансирования общественного транспорта // Экономика транспорта. — 2022. — № 3. — С. 27–34.

8. Петров А. В. Цифровизация транспортной системы и развитие безналичной оплаты проезда // Транспорт Российской Федерации. — 2023. — № 2. — С. 18–24.

УДК 339.138:659.1

Царьков Г.Д.
магистрант 2 курса
направление подготовки «Управление брендом
в рекламе и связях с общественностью» (УБвРиСО)
Российский государственный гуманитарный университет
Россия, г. Москва
научный руководитель: Абаев А.Л., д.э.н.
декан факультета маркетинга и рекламы
заведующий кафедрой интегрированных коммуникаций и рекламы
Российский государственный гуманитарный университет
Россия, г. Москва

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОГО БРЕНДА МЕНЕДЖЕРА ПРОЕКТА В СФЕРЕ РЕМОНТНО-СТРОИТЕЛЬНЫХ УСЛУГ: ИНСТРУМЕНТЫ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Аннотация: *Личный брендинг рассматривается в научной литературе как целенаправленный процесс позиционирования специалиста перед выбранной аудиторией.*[26] *В статье исследуется применение этого подхода к деятельности менеджера ремонтно-строительного проекта. Метод исследования - аналитический обзор семи отечественных и зарубежных научных публикаций. Сопоставлены положения о персональном брендинге, капитале бренда и качестве услуг. Предложена последовательность коммуникации: профессиональное обещание, свидетельства компетентности, подтверждение в клиентском опыте. Определены функции портфолио, экспертного контента, связей с общественностью и персонального взаимодействия с заказчиком. Разработаны критерии оценки согласованности этих инструментов. Выводы имеют теоретико-прикладной характер и требуют эмпирической проверки.*

Ключевые слова: *личный бренд, менеджер проекта, ремонтно-строительные услуги, маркетинговые коммуникации, позиционирование, доверие, клиентский опыт.*

[26] Gorbatov S., Khapova S. N., Lysova E. I. Personal Branding: Interdisciplinary Systematic Review and Research Agenda // Frontiers in Psychology. 2018. Vol. 9. Article 2238. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.02238. P. 6.

Tsarkov G.D.
2nd-year Master's student
Specialization: "Brand Management in Advertising and Public Relations"
Russian State University for the Humanities
Russia, Moscow
academic supervisor: Abaev A.L., doctor of economics
dean of the Faculty of Marketing and Advertising
head of the Department of Integrated Communications and Advertising
Russian State University for the Humanities
Russia, Moscow

PERSONAL BRAND DEVELOPMENT OF A PROJECT MANAGER IN RENOVATION AND CONSTRUCTION SERVICES: MARKETING COMMUNICATION TOOLS

Abstract: *Personal branding is understood as a deliberate process of positioning a professional for a target audience. This article explores its application to project managers in renovation and construction services. An analytical review of seven Russian and international scholarly publications brings together personal branding, customer-based brand equity and service quality research. The proposed communication sequence links a professional promise to evidence of competence and its confirmation through customer experience. The article identifies the functions of portfolios, expert content, public relations and direct customer communication, and proposes criteria for assessing their consistency. The findings are conceptual and require empirical validation.*

Keywords: *personal brand, project manager, renovation services, marketing communications, positioning, trust, customer experience.*

Оглавление: Введение. Материалы и метод исследования. Личный бренд и профессиональное позиционирование. Особенности ремонтно-строительных услуг. Инструменты маркетинговых коммуникаций. Оценка и ограничения предложенного подхода. Заключение. Список источников.

Введение

Заказчик, выбирающий исполнителя ремонта, принимает решение до появления готового результата. Фотографии интерьера позволяют оценить внешний вид объекта, однако по ним трудно понять, как согласовывался бюджет, кто координировал специалистов и каким образом решались спорные вопросы. Такая ситуация соотносится с описанной в маркетинге услуг трудностью предварительной оценки исполнения.[27] Для менеджера проекта отсюда возникает коммуникационная задача: сделать понятными

[27] Zeithaml V. A., Parasuraman A., Berry L. L. Problems and Strategies in Services Marketing // Journal of Marketing. 1985. Vol. 49, No. 2. P. 33–46. DOI: 10.1177/002224298504900203.

собственную роль и основания доверия к своей работе.

В настоящей статье менеджером ремонтно-строительного проекта называется специалист, который организует взаимодействие участников ремонта и представляет ход проекта заказчику в пределах согласованных полномочий. В небольшой компании эту функцию может выполнять её руководитель, в более крупной — отдельный сотрудник. Личный бренд относится именно к человеку; его нельзя автоматически отождествлять с брендом подрядной организации или с результатами всей команды.

Проблема исследования состоит в разрыве между публичной самопрезентацией менеджера и возможностью клиента проверить содержание его обещаний. Применение модели качества услуг позволяет поставить вопрос о согласованности внешней коммуникации и фактического обслуживания.[28] При этом для ремонта необходимо уточнить, какие сведения относятся к компетенции менеджера и какими материалами они могут подтверждаться.

Цель статьи - определить функции инструментов маркетинговых коммуникаций при формировании личного бренда менеджера ремонтно-строительного проекта. Исследовательский вопрос сформулирован следующим образом: как связать профессиональное позиционирование специалиста с доступными заказчику свидетельствами его компетентности и опытом последующего взаимодействия?

Материалы и метод исследования

Метод исследования — аналитический обзор литературы. Отобраны семь журнальных научных статей 1985–2024 годов: две российские и пять зарубежных. Критериями включения стали соответствие исследовательскому вопросу, устанавливаемое авторство, проверяемые выходные данные и наличие теоретического анализа либо описанного эмпирического исследования. Библиографические сведения сверены с материалами издателей журналов и университетского репозитория.

Публикации сгруппированы по трём задачам: определение личного бренда; объяснение роли знания о бренде в восприятии предложения; рассмотрение особенностей и качества услуг. При сопоставлении различались теоретические модели, результаты исследований конкретных профессиональных групп и их возможное применение к ремонту. Методологическим ориентиром служит междисциплинарный обзор С. Горбатова, С. Н. Хаповой и Е. И. Лысовой, в котором подчеркивается неоднородность исследовательского поля и ограничения обобщения результатов.[29]

Результатом сопоставления стала предлагаемая автором

[28] Parasuraman A., Zeithaml V. A., Berry L. L. A Conceptual Model of Service Quality and Its Implications for Future Research // Journal of Marketing. 1985. Vol. 49, No. 4. P. 41–50. DOI: 10.1177/002224298504900403.

[29] Gorbatov S., Khapova S. N., Lysova E. I. Personal Branding: Interdisciplinary Systematic Review and Research Agenda. 2018. P. 2, 13.

последовательность «обещание - свидетельство - подтверждение». Отраслевые ситуации далее используются как условные примеры ее применения. Опрос заказчиков, наблюдение за ремонтными объектами и измерение продаж в рамках статьи не проводились.

Личный бренд и профессиональное позиционирование

Личный брендинг как процесс следует отличать от личного бренда как его предполагаемого результата. С. Горбатов, С. Н. Хапова и Е. И. Лысова пишут (перевод автора статьи): «Личный брендинг - это стратегический процесс создания, позиционирования и поддержания положительного впечатления о себе, основанный на уникальном сочетании индивидуальных характеристик, которые сигнализируют целевой аудитории об определенном обещании посредством отличающегося повествования и образов». Для результата используется другая формулировка: «Личный бренд - это совокупность характеристик индивида (атрибутов, ценностей, убеждений и т. д.), представленных в отличающемся повествовании и образах с целью создания конкурентного преимущества в сознании целевой аудитории».[30] Эти определения связывают индивидуальные характеристики специалиста с целевой аудиторией, но сами по себе не доказывают совпадения желаемого образа с оценками клиентов. Поэтому менеджеру ремонта необходимо установить, какие представления о нём должны возникнуть у конкретного заказчика и чем они будут подтверждаться.

В российской литературе Н. А. Иванова рассматривает определения личного бренда, его элементы и смежные понятия.[31] Это позволяет сохранить терминологическое различие между самим брендом и отдельными средствами его продвижения. Портфолио, экспертная публикация или выступление являются носителями сообщения о специалисте; наличие каждого такого материала ещё не означает сформированного личного бренда.

К. Л. Зуйкина и Т. М. Агабабова провели десять глубинных интервью с PR-специалистами. Обобщая ответы, исследовательницы отмечают, что «под личным брендом чаще всего подразумевается набор ассоциаций или характеристик, профессиональных или личных, которые связаны с определенным человеком».[32] Для настоящей статьи ценен акцент на содержании ассоциаций. Однако мнения представителей PR-среды не подтверждают аналогичные эффекты в ремонтных услугах: особенности ответственности менеджера и критерии выбора подрядчика требуют самостоятельного изучения.

---

[30] Gorbatov S., Khapova S. N., Lysova E. I. Personal Branding: Interdisciplinary Systematic Review and Research Agenda. 2018. P. 6. Оба определения приведены в переводе автора статьи.

[31] Иванова Н. А. «Личный (персональный) бренд» и его элементы. К вопросу о выработке научного определения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2024. № 3. С. 136–139.

[32] Зуйкина К. Л., Агабабова Т. М. Особенности формирования личного бренда специалиста в сфере связей с общественностью // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. Т. 11, № 3. С. 601–616. DOI: 10.17150/2308-6203.2022.11(3).601-616. С. 601.

К. Келлер определяет потребительский капитал бренда как «дифференцирующий эффект знания о бренде на реакцию потребителя на маркетинг этого бренда» (перевод автора статьи).[33] В его модели знание о бренде включает осведомленность и связанные с брендом ассоциации. Это позволяет оценивать не только узнаваемость имени специалиста, но и содержание ожиданий, возникающих у заказчика.

При адаптации данного подхода к профессиональному позиционированию можно различить два вопроса: узнает ли клиент менеджера и с каким способом работы связывает его имя. Большой охват отвечает лишь на часть первого вопроса. В данной работе личный бренд менеджера ремонтно-строительного проекта понимается как устойчивое представление целевых клиентов о его специализации, компетентности и способе взаимодействия, связанное с именем специалиста и подкрепленное доступными свидетельствами. Это рабочее определение используется для анализа коммуникационных инструментов. Оно не предполагает,что человек способен полностью управлять оценками аудитории.

Особенности ремонтно-строительных услуг

В. Зейтхамл, А. Парасураман и Л. Берри сопоставляют положения литературы с ответами руководителей сервисных компаний. Одну из особенностей услуг они описывают следующим образом (перевод автора статьи):

«Неоднородность связана с потенциально высокой изменчивостью оказания услуг».[34] Для ремонтного проекта это положение задаёт вопрос о том, как сохранять понятный заказчику порядок взаимодействия при разных составах команды и условиях объекта. Ремонт имеет материальный результат, поэтому его было бы неточно считать полностью неосязаемым. Вместе с тем организационная составляющая - координация работ, согласование изменений, информирование - до заключения договора доступна заказчику преимущественно через объяснения и свидетельства предыдущей деятельности.

Модель качества услуг А. Парасурамана, В. Зейтхамл и Л. Берри выделяет разрывы между ожиданиями клиентов, представлениями руководства, стандартами, исполнением и внешними коммуникациями. Для рассматриваемой темы особенно существенна возможность несоответствия обещаний тому, что фактически получает заказчик. В статье эта модель используется как аналитическая рамка, а не как готовая шкала измерения качества ремонта.[35]

---

[33] Keller K. L. Conceptualizing, Measuring, and Managing Customer-Based Brand Equity // Journal of Marketing. 1993. Vol. 57, No. 1. P. 1–22. DOI: 10.1177/002224299305700101. P. 2. Цитата приведена в переводе автора статьи.

[34] Zeithaml V. A., Parasuraman A., Berry L. L. Problems and Strategies in Services Marketing. 1985. P. 34. Цитата приведена в переводе автора статьи.

[35] Parasuraman A., Zeithaml V. A., Berry L. L. A Conceptual Model of Service Quality and Its Implications for Future Research. 1985.

Например, обещание «ремонт без участия заказчика» оставляет неясным, кто выбирает отделочные материалы и утверждает дополнительные работы. Более определенная формулировка описывает зоны решений: менеджер координирует исполнителей и закупки в пределах утвержденной сметы, а изменения стоимости предварительно согласует с клиентом. Это условный пример авторской адаптации: он показывает, как рекламное сообщение можно связать с наблюдаемым порядком взаимодействия.

Предлагаемая последовательность включает три звена. Обещание обозначает специализацию и обязательства менеджера. Свидетельство дает клиенту основания оценить их правдоподобие до выбора исполнителя. Подтверждение возникает в ходе проекта, когда заявленный порядок работы сопоставляется с реальными действиями. Такая последовательность объединяет позиционирование с клиентским опытом и задаёт общую задачу коммуникационным инструментам.

Инструменты маркетинговых коммуникаций

Профессиональное позиционирование. Первым шагом предлагается определить сегмент задач и границы ответственности специалиста. Формулировки «ремонт любой сложности» или «индивидуальный подход» почти не объясняют различий между исполнителями. Содержательное позиционирование может указывать на организацию ремонта вторичного жилья, работу с объектами по готовому дизайн-проекту либо сопровождение заказчиков, находящихся в другом городе. Основанием такой рекомендации служит разграничение узнаваемости и содержания ассоциаций в модели К. Келлера.[36] Конкретный выбор специализации должен соответствовать опыту менеджера.

Портфолио как свидетельство компетентности. Для менеджера проекта полезно раскрывать не только итоговый вид помещения, но и собственный вклад в его создание: исходную задачу, ограничения, принятые решения и порядок согласований. Например, описание ремонта ванной комнаты может показывать, как организовали закупку оборудования и согласовали изменение последовательности работ. Указание участников проекта позволяет отделить координационную работу менеджера от решений дизайнера и труда исполнителей. **Экспертный контент и согласованность цифрового образа.** Л. Лаброк, Э. Маркос и Дж. Милн исследовали цифровые образы двенадцати участников, сопоставляя их самооценки с оценками других людей. В аннотации к статье авторы подводят итог (перевод автора статьи): «Согласно этим результатам, люди занимаются личным брендингом, хотя их усилия часто направлены неверно или недостаточны».[37] Для менеджера ремонта отсюда

[36] Keller K. L. Conceptualizing, Measuring, and Managing Customer-Based Brand Equity. 1993.

[37] Labrecque L. I., Markos E., Milne G. R. Online Personal Branding: Processes, Challenges, and Implications // Journal of Interactive Marketing. 2011. Vol. 25, No. 1.
P. 37–50. DOI: 10.1016/j.intmar.2010.09.002. Аннотация к статье на сайте издателя. Цитата приведена в переводе автора статьи.

следует задача проверки понятности публикаций: раскрывают ли они профессиональную логику или требуют от клиента специальных знаний? Сам факт регулярного размещения материалов ещё не позволяет судить об их согласованности с выбранным позиционированием.

В качестве тем экспертных материалов предлагаются структура сметы, порядок согласования дополнительных работ, подготовка к приемке этапа и различие между предварительным расчетом и согласованным бюджетом. Статья или видео должны объяснять условия решения, его ограничения и роль заказчика. Если менеджер заявляет о прозрачности расходов, такое содержание должно согласовываться с примерами документов и ответами на вопросы.

Связи с общественностью и профессиональные контакты. Интервью К. Л. Зуйкиной и Т. М. Агабабовой позволяют выделить профессиональные связи и соблюдение этики как значимые темы формирования личного бренда в PR-среде.[38] Применительно к менеджеру ремонта предлагается использовать выступления на профильных мероприятиях, содержательные комментарии для тематических изданий и совместные разборы проектов с дизайнерами. Значение имеет возможность оценить рассуждения специалиста и установить его роль в конкретной работе. Само появление в публикации не удостоверяет качество оказанных услуг.

Персональная коммуникация с заказчиком. В процессе ремонта носителем профессионального обещания становится повседневное взаимодействие: обсуждение сметы, сообщение о ходе работ, объяснение отклонений и фиксация согласованных решений. Связь этих действий с публичным позиционированием рассматривается через модель разрывов качества услуг.[39] Для менеджера, обещающего предсказуемое ведение проекта, предлагается заранее согласовывать периодичность отчетов, способы связи и порядок решений при изменении условий.

Условная ситуация - обнаружение скрытого дефекта после демонтажа. Сообщение клиенту целесообразно строить вокруг установленного факта, возможных вариантов решения и их последствий для бюджета и сроков. Оно должно завершаться понятным вопросом для согласования и фиксацией принятого решения. Такой порядок не устраняет сам дефект, но позволяет проверить, выполняет ли менеджер обещанную функцию координации и информирования.

Отзывы и завершение проекта. Отзыв предлагается рассматривать как свидетельство опыта конкретного клиента с указанием контекста сотрудничества. Фраза о «хорошем ремонте» мало сообщает о работе менеджера; описание согласования бюджета или решения спорного вопроса позволяет понять предмет оценки. При этом подборка отзывов не является

[38] Зуйкина К. Л., Агабабова Т. М. Особенности формирования личного бренда специалиста в сфере связей с общественностью. 2022.

[39] Parasuraman A., Zeithaml V. A., Berry L. L. A Conceptual Model of Service Quality and Its Implications for Future Research. 1985.

репрезентативным исследованием удовлетворенности. Роль обратной связи раскрывается в выводе С. Горбатова, С. Н. Хаповой и Е. И. Лысовой (перевод автора статьи): «Таким образом, мы полагаем, что эффективное осмысление, поиск обратной связи, саморефлексия и более глубокое самопонимание ведут к сокращению разрыва между желаемым образом себя и воспринимаемой идентичностью, в результате чего личный бренд становится сильнее и согласованнее».[40] Применительно к ремонту это означает необходимость обсуждать с заказчиком расхождения между публичным обещанием менеджера и опытом взаимодействия, включая критические замечания после сдачи объекта.

Оценка и ограничения предложенного подхода

Результатом анализа стала функциональная связь между тремя группами действий. Позиционирование и PR делают профессиональное предложение различимым; портфолио и экспертный контент позволяют рассмотреть основания этого предложения; персональное взаимодействие даёт опыт проверки обещаний. Выбор конкретной площадки зависит от аудитории, характера проектов и возможностей специалиста.

Для практической оценки предлагаются три группы показателей. Первая отражает понимание позиционирования: какие задачи связывают с менеджером потенциальные клиенты и насколько эти представления соответствуют его специализации. Вторая характеризует использование свидетельств: какие материалы изучались перед обращением и какие вопросы после этого остались. Третья описывает согласованность клиентского опыта: соблюдалась ли согласованная с заказчиком периодичность информирования и были ли изменения объяснены до их реализации. Разделение первой и третьей групп опирается соответственно на подходы к знанию о бренде и к качеству услуг.[41]

Эти показатели можно собирать с помощью кратких интервью после обращения и завершения ремонта, журнала согласований и учёта источников заявок. Рост числа обращений сам по себе не доказывает укрепления личного бренда: на него могут влиять рекламные расходы, цена и состав предложения. Проверка причинных связей требует отдельного исследования, сопоставимых наблюдений и учета этих факторов.

Ограничения работы обусловлены ее теоретическим характером. Отобранные публикации не образуют исчерпывающего обзора, а результаты исследований PR-специалистов и онлайн-самопрезентации не могут напрямую описывать российских заказчиков ремонта.[42] Не проверены сравнительная убедительность разных материалов и устойчивость

[40] Gorbatov S., Khapova S. N., Lysova E. I. Personal Branding: Interdisciplinary Systematic Review and Research Agenda. 2018. P. 10. Цитата приведена в переводе автора статьи.

[41] Keller K. L. Conceptualizing, Measuring, and Managing Customer-Based Brand Equity. 1993.; Parasuraman A., Zeithaml V. A., Berry L. L. A Conceptual Model of Service Quality and Its Implications for Future Research. 1985.

[42] Зуйкина К. Л., Агабабова Т. М. Особенности формирования личного бренда специалиста в сфере связей с общественностью. 2022.; Labrecque L. I., Markos E., Milne G. R. Online Personal Branding: Processes, Challenges, and Implications. 2011.

предлагаемых критериев на реальных проектах. Следующий этап исследования может включать интервью с заказчиками и сопоставление публичных обещаний менеджеров с документированным опытом взаимодействия.

Заключение

Сопоставление исследований персонального брендинга и качества услуг позволяет рассматривать формирование личного бренда менеджера ремонта как связь профессионального обещания с его последующим подтверждением.[43] Предложенная последовательность «обещание - свидетельство - подтверждение» уточняет функции коммуникационных инструментов: позиционирование обозначает специализацию, портфолио и экспертные материалы раскрывают компетентность, а взаимодействие с клиентом дает основания оценить согласованность заявленного подхода и практики. Таким образом, коммуникационная работа менеджера охватывает весь период сотрудничества с заказчиком.

Использованные источники

1. Gorbatov S., Khapova S. N., Lysova E. I. Personal Branding: Interdisciplinary Systematic Review and Research Agenda // Frontiers in Psychology. 2018. Vol. 9. Article 2238. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.02238.
2. Зуйкина К. Л., Агабабова Т. М. Особенности формирования личного бренда специалиста в сфере связей с общественностью // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. Т. 11, № 3. С. 601–616. DOI: 10.17150/2308-6203.2022.11(3).601-616.
3. Иванова Н. А. «Личный (персональный) бренд» и его элементы. К вопросу о выработке научного определения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2024. № 3. С. 136–139.
4. Keller K. L. Conceptualizing, Measuring, and Managing Customer-Based Brand Equity // Journal of Marketing. 1993. Vol. 57, No. 1. P. 1–22. DOI: 10.1177/002224299305700101.
5. Zeithaml V. A., Parasuraman A., Berry L. L. Problems and Strategies in Services Marketing // Journal of Marketing. 1985. Vol. 49, No. 2. P. 33–46. DOI: 10.1177/002224298504900203.
6. Parasuraman A., Zeithaml V. A., Berry L. L. A Conceptual Model of Service Quality and Its Implications for Future Research // Journal of Marketing. 1985. Vol. 49, No. 4. P. 41–50. DOI: 10.1177/002224298504900403.
7. Labrecque L. I., Markos E., Milne G. R. Online Personal Branding: Processes, Challenges, and Implications // Journal of Interactive Marketing. 2011. Vol. 25, No. P. 37–50. DOI: 10.1016/j.intmar.2010.09.002.

[43] Gorbatov S., Khapova S. N., Lysova E. I. Personal Branding: Interdisciplinary Systematic Review and Research Agenda. 2018.; Parasuraman A., Zeithaml V. A., Berry L. L. A Conceptual Model of Service Quality and Its Implications for Future Research. 1985.

УДК - 796.011

Акбашева А.А.
студент
научный руководитель: Матвеев С.С., к.с.н.
Уфимский университет науки и технологий

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ОСНОВА ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. *В статье рассматривается значение физической культуры как основы здорового образа жизни человека. Цель исследования — определить влияние регулярной двигательной активности на физическое состояние организма и профилактику гиподинамии. В работе проанализированы научные публикации и рекомендации Всемирной организации здравоохранения, а также обобщены результаты авторского анализа образа жизни современной молодежи. Особое внимание уделено проблеме недостатка движения, связанному с увеличением времени, проводимого за компьютером и смартфоном. Рассмотрена взаимосвязь физической культуры с полноценным сном, рациональным питанием, соблюдением режима дня и профилактикой заболеваний. Сделан вывод о необходимости регулярной физической активности, соответствующей индивидуальным возможностям человека.*

Ключевые слова: *физическая культура, здоровый образ жизни, физическая активность, гиподинамия, здоровье, спорт, молодежь, двигательная активность, профилактика заболеваний, физическое воспитание.*

Akbasheva A.A.
student
Matveev S.S., candidate of sociological sciences
scientific supervisor
Ufa University of Science and Technology

PHYSICAL CULTURE AS THE BASIS OF A HEALTHY LIFESTYLE

Annotation. *The article examines the importance of physical culture as the foundation of a healthy lifestyle. The aim of the study is to determine the impact of regular physical activity on the physical condition of the body and the prevention of physical inactivity. The work analyzes scientific publications and recommendations from the World Health Organization, and also summarizes the results of the author's analysis of the lifestyle of modern youth. Special attention is paid to the problem of*

insufficient physical activity, which is associated with the increased time spent using computers and smartphones. The relationship between physical culture and adequate sleep, a balanced diet, adherence to a daily routine, and disease prevention is examined. The conclusion is drawn about the need for regular physical activity that corresponds to an individual's capabilities.

***Keywords**: physical culture, healthy lifestyle, physical activity, physical inactivity, health, sports, youth, motor activity, disease prevention, physical education.*

Введение

Здоровье человека является одной из важнейших ценностей, от которой зависят качество его жизни, способность полноценно учиться, работать, общаться и реализовывать свои возможности. В современном обществе проблема сохранения здоровья становится особенно актуальной. Развитие информационных технологий привело к тому, что многие виды деятельности стали малоподвижными. Значительное количество времени люди проводят за компьютером, смартфоном и другими электронными устройствами. Нехватка движения является одним из факторов, повышающих риск развития различных заболеваний [1; с.2].

Физическая культура способствует развитию силы, выносливости, координации, поддержанию нормального функционирования организма и формированию полезных привычек. Она тесно связана с другими составляющими здорового образа жизни: полноценным сном, рациональным питанием, соблюдением режима дня и профилактикой заболеваний.

Интерес к физической активности возник ещё в древности. Гиппократ применял физические упражнения для лечения больных и подчёркивал их значение для здоровья. Ему приписывают высказывание: «Гармония функций является результатом правильного отношения суммы упражнений к здоровью данного субъекта» [3]. Древнеримский врач Гален также отмечал лечебное значение упражнений: «Тысячи и тысячи раз возвращал я здоровье своим больным посредством упражнений» .

Историческое развитие физической культуры показывает, что движение рассматривалось не только как способ повышения физической силы, но и как средство сохранения здоровья. В настоящее время эта идея получила научное подтверждение.

Цель исследования — определить значение физической культуры в формировании здорового образа жизни человека.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи: рассмотреть влияние двигательной активности на организм человека; проанализировать проблему гиподинамии среди современной молодежи; определить связь физической культуры с режимом дня, сном и питанием; сформулировать практические рекомендации по повышению двигательной активности.

В работе использовались анализ научной литературы и официальных рекомендаций Всемирной организации здравоохранения, изучение исторических представлений о значении физических упражнений, сравнение различных форм физической активности, обобщение сведений о влиянии двигательной активности на организм и систематизация полученных результатов.

Авторское исследование носило аналитический характер и было направлено на выявление наиболее распространённых причин недостатка движения, а также на определение доступных способов повышения физической активности в повседневной жизни. В качестве материала исследования использовались научные публикации, рекомендации Всемирной организации здравоохранения и сведения о типичном режиме учебной и внеучебной деятельности современной молодежи.

Проведённый анализ показал, что основными причинами недостатка движения у современной молодежи являются длительное пребывание в сидячем положении во время учебы, использование компьютеров и смартфонов, а также недостаток организованных спортивных занятий.

Установлено, что физическая активность часто воспринимается молодежью только как профессиональный спорт или интенсивные тренировки. Вместе с тем обычная ходьба, прогулки, бег, плавание, езда на велосипеде, танцы и подвижные игры также оказывают положительное влияние на организм и могут быть частью здорового образа жизни.

По рекомендациям Всемирной организации здравоохранения, взрослым людям следует уделять физической активности от 150 до 300 минут в неделю, а детям и подросткам — в среднем около 60 минут в день [1 с.5]. Эти рекомендации могут выполняться за счёт разных видов двигательной активности, соответствующих возрасту и состоянию здоровья человека.

Мышцы и костная система крепнут у того, кто занимается регулярно. Прибавляют выносливость и координация движений, ровнее работают сердце и сосуды. Гиподинамия отступает, сон делается глубже, настроение ровнее, а масса тела держится около нормы сама собой. Есть у систематических занятий и побочный результат, к телу прямого отношения не имеющий, ведь они приучают человека к дисциплине.

Растущему организму движение нужно вдвойне, и потому детский с подростковым возрастом стоят здесь особняком. Перегружать ребёнка, впрочем, не менее опасно. Правильно построенные занятия держатся на постепенности и регулярности, а ещё на том, что возраст и состояние конкретного человека приняты в расчёт.

Проще всего одолеть гиподинамию, вписав движение в обычный день, и к такому выводу привёл авторский анализ. Часть пути можно пройти пешком вместо поездки, а проработав час за компьютером, встать и размяться. Годятся и утренняя гимнастика, и занятия в секции, и выходные, проведённые на свежем воздухе, причём особых условий ничто из этого не требует.

С режимом дня физическая культура связана тесно. Сон после регулярных упражнений улучшается, однако сочетать тренировки необходимо с полноценным отдыхом и рациональным питанием. Стремление к высоким спортивным результатам не должно оборачиваться переутомлением и нехваткой восстановления.

Физическим развитием влияние спорта не исчерпывается, поскольку затрагивает он и воспитание личности. Дисциплины, организованности и ответственности требуют регулярные тренировки, а человек приучается тем самым соблюдать режим, выполнять поставленные задачи и постепенно улучшать собственные результаты.

Заключение

Важной основой здорового образа жизни физическая культура и оказывается, что подтвердило проведённое исследование. Организм при регулярной двигательной активности укрепляется, работоспособность возрастает, сон улучшается, а заболевания, связанные с малоподвижностью, предупреждаются заранее.

Решение получила и основная научная проблема исследования, состоявшая в определении роли физической культуры при растущей учебной, профессиональной и бытовой малоподвижности. Профилактика гиподинамии достижима, как установлено, за счёт регулярного включения физической активности в повседневную жизнь человека.

Применить полученные результаты можно на занятиях по физической культуре, при разработке рекомендаций для школьников и студентов, а также при организации мероприятий, пропагандирующих здоровый образ жизни. Наибольшего же эффекта достигает тот, кто соединяет движение с полноценным сном и разумным питанием, не сбивая при этом режим дня и не выходя за пределы собственных возможностей.

Учебной дисциплиной и спортивной деятельностью роль физической культуры не исчерпывается. Повседневной жизни каждого человека она нужна не меньше.

Использованные источники

1. Всемирная организация здравоохранения. Физическая активность: информационный бюллетень [Электронный ресурс]. — URL: https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/physical-activity (дата обращения: 22.09.2026).
2. Гиппократ. Избранные книги / пер. с древнегреч. — Москва: Государственное издательство медицинской литературы, 1936.
3. Гален Клавдий. О назначении частей человеческого тела / пер. с древнегреч. — Москва: Медицина, 1971.

DOI 10.24412/2541-9285-2026-10115-134-139
УДК 00

Алескерова Н.С.
магистрант
Российская таможенная академия
Российская Федерация, г. Люберцы

ЛОКАЛИЗАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ

Аннотация*: Актуальность темы связана с переходом Российской Федерации к политике технологического суверенитета после 2022 года, когда локализация стала главным инструментом поддержки отечественной промышленности. Цель статьи — оценить, насколько локализация действительно развивает отечественное производство, на примере автомобильной отрасли. Метод исследования — анализ статистики ФГУП «НАМИ» и агентства «Автостат» за 2023–2025 годы, включая сравнение плановых и фактических показателей. Установлено, что доля российской сборки выросла с 41,5% в 2024 году до 52,3% за десять месяцев 2025 года, но фактический уровень локализации составил только 32,8% при плане 55%. Сделан вывод, что локализация пока сводится в основном к простой сборке машин из импортных деталей, поэтому методику ее оценки нужно пересмотреть, делая упор на реальные технологические операции.*

Ключевые слова: *локализация, импортозамещение, автомобильная промышленность, промышленная политика, отечественное производство.*

Aleskerova N.S.
master's student
Russian Customs Academy
Russian Federation, Lyubertsy

LOCALIZATION AS A TOOL FOR DEVELOPING DOMESTIC PRODUCTION IN RUSSIA

Abstract: *The relevance of the topic stems from Russia's shift to a policy of technological sovereignty after 2022, when localization became the main instrument for supporting domestic industry. The purpose of the article is to assess the extent to which localization actually develops domestic production, using the automotive industry as a case study. The research method is an analysis of statistics from FSUE "NAMI" and the "Autostat" agency for 2023–2025, including a comparison of planned and actual indicators. It is established that the share of Russian-assembled vehicles grew from 41.5% in 2024 to 52.3% over ten months of 2025, but the actual localization level was only 32.8% against a target of 55%. The conclusion is drawn that localization so far amounts mainly to simple assembly of*

cars from imported parts, so the methodology for assessing it needs to be revised, with emphasis on real technological operations.

Keywords: *localization, import substitution, automotive industry, industrial policy, domestic production.*

Локализация производства в России прошла путь от инструмента привлечения иностранных инвестиций до центрального элемента промышленной политики в условиях санкционного давления. После 2022 года, когда многие западные поставщики покинули российский рынок, вопрос замещения импортных компонентов и создания собственных производственных цепочек приобрел экзистенциальный характер для ряда отраслей. Особенно показательной является автомобильная промышленность, где уровень локализации служит индикатором успеха или провала государственной стратегии. Цель данной статьи — оценить эффективность локализации как инструмента развития отечественного производства на основе доступных статистических данных за 2023-2025 годы и выявить структурные проблемы, препятствующие достижению заявленных целей.

Политика локализации в России опирается на систему балльных оценок, закрепленную в постановлении Правительства № 719 «О подтверждении производства российской промышленной продукции»[44]. Производители, достигающие определенного порога локализации, получают доступ к льготам, включая отсрочку уплаты утилизационного сбора и возможность участия в государственных закупках. С 1 марта 2026 года вступают в силу новые требования к локализации автомобилей такси: транспортное средство должно набрать необходимое количество баллов локализации, соответствующих уровню, установленному для госзакупок[45]. Для ряда регионов (Калининградская область, Сибирь, Дальний Восток) предусмотрена отсрочка[46].

Государство инвестировало значительные средства в развитие компонентной базы. По данным ФГУП «НАМИ», из 742 критически важных позиций компонентов к началу 2025 года было локализовано лишь 326, при этом общий объем вложений в эту сферу достиг 266 млрд рублей, включая 142 млрд рублей через Фонд развития промышленности. Динамика локализации критических компонентов представлена в таблице 1.

---

[44] О подтверждении производства российской промышленной продукции: постановление Правительства Российской Федерации от 17 июля 2015 г. № 719 (с изм. и доп.) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru

[45] В России вводится поэтапная локализация автомобилей такси [Электронный ресурс] // Госуслуги. — 2025. — 27 июня. — URL: https://yasnogorskijr71.gosweb.gosuslugi.ru/dlyazhiteley/prokuratura/prokuratura-razyasnyaet/novosti_617.html

[46] А. Кутепов: Ключевые отечественные автопроизводители готовы к реализации федерального закона о локализации такси [Электронный ресурс] // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. — 2025. — 20 октября. — URL: http://council.gov.ru/events/news/169972/

Таблица 1

Локализация критически важных компонентов автомобилестроения

Показатель	Значение
Всего критически важных позиций компонентов, ед.	742
Локализовано к началу 2025 г., ед.	326
Доля локализованных позиций, %	43,9
Общий объем вложений в компонентную базу, млрд руб.	266
в том числе через Фонд развития промышленности, млрд руб.	142

Данные за 2023-2025 демонстрируют сложную и противоречивую картину. В 2023–2024 годах доля автомобилей российской сборки на рынке сократилась под давлением массированного импорта китайских брендов. В 2024 году показатель достиг исторического минимума — 41,5%[47]. Однако уже за десять месяцев 2025 года из 1,06 млн проданных легковых машин 555 тыс. (52,3%) были произведены на российских заводах[48]. Рост обусловлен размещением китайских брендов на простаивающих мощностях в Калуге, Калининграде и Санкт-Петербурге. Динамика доли автомобилей российской сборки представлена в таблице 2

Таблица 2

Доля автомобилей российской сборки в структуре продаж легковых автомобилей

Период	Доля российской сборки, %	Примечание
2022 г.	~75	до начала массового импорта из КНР
2024 г.	41,5	исторический минимум
10 мес. 2025 г.	52,3	555 тыс. из 1,06 млн шт.

Однако за формальным ростом доли «местной сборки» скрывается более тревожная тенденция. Согласно официальному отчету НАМИ, средневзвешенный уровень локализации по итогам 2024 года составил лишь 32,8% при запланированном показателе в 55%[49]. Даже флагманская модель Lada Granta, лидер по объему производства, имеет подтвержденный уровень локализации лишь 45,7%. При этом заявления руководства АвтоВАЗа о локализации Niva на уровне 99,5% не находят подтверждения в независимых

[47] Российская автопромышленность столкнулась с кризисом локализации [Электронный ресурс] // Автовзгляд. — 2025. — 15 мая. — URL: https://www.avtovzglyad.ru/avto/avtoprom/65176-2025-05-15-rossiyskaya-avtopromyishlennost-stolknulas-skrizisom-lokalizatsii/

[48] Машины отечественной сборки заняли больше половины российского рынка [Электронный ресурс] // Автовзгляд. — 2025. — 12 ноября. — URL: https://www.avtovzglyad.ru/avto/avtoprom/68224-2025-11-12-mashinyi-otechestvennoy-sborki-zanyali-bolshe-polovinyi-rossiyskogo-ryinka/

[49] Уровень локализации автомобилей в России составил 33% [Электронный ресурс] // Известия. — 2025. — 15 мая. — URL: https://iz.ru/1886292/2025-05-15/uroven-lokalizacii-avtomobilei-v-rossii-sostavil-33

данных НАМИ[50]. Сопоставление плановых и фактических показателей локализации приведено в таблице 3.

Таблица 3

Плановые и фактические показатели локализации в автомобилестроении, 2024 г.

Показатель	План	Факт	Отклонение, п.п.
Средневзвешенный уровень локализации, %	55,0	32,8	−22,2

Разрыв между заявленными и фактическими показателями объясняется особенностями методики: балльная система позволяет производителям набирать баллы за операции, не требующие глубокой технологической переработки, тогда как наиболее сложные компоненты — электроника, системы безопасности, высокоточные резинотехнические изделия — по-прежнему импортируются.

Ключевая проблема российской локализации заключается в ее преимущественно «отверточном» характере. Рост доли собранных автомобилей не сопровождается пропорциональным развитием собственного производства компонентов. Как отмечают эксперты, многие производители фокусируются на получении субсидий и льгот, а не на реальном технологическом развитии.

Положительным примером является компания Haval, которая в 2024 году запустила в России производство двигателей стандарта Евро-5, а затем и Евро-6, и готовится к выпуску автоматических коробок передач[51]. АвтоВАЗ за четыре года локализовал 1825 компонентов. Однако эти кейсы остаются скорее исключениями, подтверждающими общее правило.

Таким образом, локализация как инструмент промышленной политики продемонстрировала способность стимулировать сборку на территории России: доля отечественной сборки за 10 месяцев 2025 года превысила 52%. Однако ключевая цель — создание собственной компонентной базы и достижение технологической независимости — остается недостижимой при текущих темпах. Разрыв между формальными показателями и фактическим уровнем технологической переработки (22,2 п.п. по средневзвешенному уровню локализации в 2024 г.) указывает на необходимость пересмотра методики оценки локализации с акцентом на реальные технологические операции, а не на балльные показатели. Без этого локализация рискует остаться инструментом поддержки сборочных производств, а не развития отечественного производства в полном смысле этого слова.

[50] АВТОВАЗ запутался в цифрах: отечественного в LADA почти не осталось [Электронный ресурс] // 32CARS.RU. — 2025. — 12 мая. — URL: https://www.32cars.ru/posts/id-10503-avtovaz-zaputalsja-v-tsifrah-i-obmanul-rossijan-otechestvennogo-v-lada-pochti-ne-ostalos

[51] Уровень локализации автомобилей в России составил 33% [Электронный ресурс] // Известия. — 2025. — 15 мая. — URL: https://iz.ru/1886292/2025-05-15/uroven-lokalizacii-avtomobilei-v-rossii-sostavil-33

Использованные источники

1. О подтверждении производства российской промышленной продукции: постановление Правительства Российской Федерации от 17 июля 2015 г. № 719 (с изм. и доп.) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru
2. Машины отечественной сборки заняли больше половины российского рынка [Электронный ресурс] // Автовзгляд. — 2025. — 12 ноября. — URL: https://www.avtovzglyad.ru/avto/avtoprom/68224-2025-11-12-mashinyi-otechestvennoy-sborki-zanyali-bolshe-polovinyi-rossiyskogo-ryinka/
3. Уровень локализации автомобилей в России составил 33% [Электронный ресурс] // Известия. — 2025. — 15 мая. — URL: https://iz.ru/1886292/2025-05-15/uroven-lokalizacii-avtomobilei-v-rossii-sostavil-33
4. Больше 50%: доля местной сборки на авторынке России идет вверх [Электронный ресурс] // Carexpo. — 2025. — 12 ноября. — URL: https://carexpo.ru/2025/11/12/bolshe-50-dolya-mestnoj-sborki-na-avtorynke-rossii-idet-vverh/
5. Локализации автомобилей Lada идет вниз: Granta только на 45% российская [Электронный ресурс] // ВОНавто. — 2025. — 13 мая. — URL: https://vonauto.ru/локализации-автомобилей-lada-идет-вниз-granta/
6. Доля отечественной сборки на авторынке РФ превысила 50% [Электронный ресурс] // Известия. — 2025. — 12 ноября. — URL: https://iz.ru/1988809/2025-11-12/dolia-otechestvennoi-sborki-na-avtorynke-rf-prevysila-50
7. Уровень локализации машин в России отстал от плана почти вдвое [Электронный ресурс] // Lenta.news. — 2025. — 15 мая. — URL: https://lenta.news/news/2025/05/15/uroven-lokalizatsii-avtomobiley-v-rossii-silno-ne-dotyanul-do-plana/
8. Российская автопромышленность столкнулась с кризисом локализации [Электронный ресурс] // Автовзгляд. — 2025. — 15 мая. — URL: https://www.avtovzglyad.ru/avto/avtoprom/65176-2025-05-15-rossiyskaya-avtopromyishlennost-stolknulas-skrizisom-lokalizatsii/
9. В «АВТОСТАТ» назвали долю машин российской сборки на рынке и объяснили, почему она резко упала в 2024 году [Электронный ресурс] // NaAvtotrasse.ru. — 2026. — 6 августа. — URL: https://naavtotrasse.ru/auto-news/dolya-avto-rossijskoj-sborki-v-2026-godu-dannye-avtostat.html
10. АВТОВАЗ запутался в цифрах и обманул россиян: отечественного в LADA почти не осталось [Электронный ресурс] // 32CARS.RU. — 2025. — 12 мая. — URL: https://www.32cars.ru/posts/id-10503-avtovaz-zaputalsja-v-tsifrah-i-obmanul-rossijan-otechestvennogo-v-lada-pochti-ne-ostalos
11. Сенатор Кутепов: использование отечественных авто в такси — не ноу-хау России [Электронный ресурс] // СенатИнформ. — 2025. — URL: https://senatinform.ru/news/senator_kutepov_ispolzovanie_otechestvennykh_avto_v_taksi_ne_nou_khau_rossii/
12. А. Кутепов: Ключевые отечественные автопроизводители готовы к реализации федерального закона о локализации такси [Электронный ресурс]

// Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. — 2025. — 20 октября. — URL: http://council.gov.ru/events/news/169972/
13. В России вводится поэтапная локализация автомобилей такси [Электронный ресурс] // Госуслуги. — 2025. — 27 июня. — URL: https://yasnogorskijr71.gosweb.gosuslugi.ru/dlyazhiteley/prokuratura/prokuratura-razyasnyaet/novosti_617.html

УДК: 159.922.8

Арделяну Е.Г.
2 курс, направление подготовки
44.04.02 Практическая психология и консультирование в образовании
Факультет психологии и специального образования
ТГПУ Томский педагогический университет
Россия, Томск

РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА МОЛОДЁЖИ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ПРОФИЛАКТИКИ АУТОАГРЕССИВНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ

Аннотация: *В статье рассматривается развитие творческого потенциала молодёжи как возможное направление профилактики аутоагрессивных проявлений. Раскрывается различие между аутоагрессией как психологическим феноменом и конкретными формами её выражения. Обосновывается предположение о том, что систематическая творческая деятельность может способствовать развитию эмоциональной саморегуляции, конструктивных копинг-стратегий и чувства личной компетентности. Предлагается гипотеза профилактической программы, требующая эмпирической проверки.*

Ключевые слова: *молодёжь, аутоагрессия, аутоагрессивные проявления, творческий потенциал, профилактика, эмоциональная саморегуляция, копинг-стратегии, психологическое благополучие.*

Ardeleanu E.G.
2nd year, field of study:
44.04.02 Practical Psychology and Counseling in Education
Faculty of Psychology and Special Education
TSPU (Tomsk State Pedagogical University)
Russia, Tomsk

DEVELOPING THE CREATIVE POTENTIAL OF YOUNG PEOPLE AS AN APPROACH TO PREVENTING AUTO-AGGRESSIVE MANIFESTATIONS

Abstract: *The article examines the development of young people's creative potential as a possible approach to preventing auto-aggressive manifestations. It distinguishes auto-aggression as a psychological phenomenon from its specific forms of expression. The article proposes that sustained creative activity may support emotional self-regulation, constructive coping strategies, and a sense of personal competence. A hypothesis for a preventive programme is formulated and requires empirical verification.*

Keywords: *young people, auto-aggression, auto-aggressive manifestations, creative potential, prevention, emotional self-regulation, coping strategies, psychological well-being.*

Введение

Психологическое благополучие молодёжи является значимым условием её личностного развития, социальной адаптации и профессионального самоопределения. Молодой возраст связан с решением ряда сложных задач: формированием идентичности, выстраиванием межличностных отношений, освоением новых социальных ролей, повышением самостоятельности и поиском жизненных ориентиров. При недостатке психологических ресурсов и социальной поддержки переживание стресса может сопровождаться трудностями эмоциональной регуляции, снижением самооценки и использованием неадаптивных способов совладания с эмоциональными трудностями.

Актуальность профилактики аутоагрессивных проявлений обусловлена необходимостью своевременного выявления психологических трудностей молодёжи и создания условий, способствующих формированию конструктивных способов выражения эмоций, преодоления стресса и обращения за помощью. По данным Всемирной организации здравоохранения, психическое здоровье подростков зависит от взаимодействия индивидуальных, семейных, социальных и средовых факторов; к важным направлениям поддержки относятся развитие навыков управления эмоциями, решения проблем и межличностного взаимодействия [1]. Обобщение результатов исследований факторов риска и защиты также подчёркивает значение отношений со сверстниками, школьной среды и своевременной психологической помощи [2; 3].

Дополнительное внимание в профилактической работе может уделяться развитию творческого потенциала личности. Творческая деятельность позволяет человеку создавать новые образы, идеи и продукты, выражать субъективный опыт, искать альтернативные решения и получать опыт достижения результата. При определённых условиях она может становиться пространством безопасного самовыражения, осмысления переживаний и укрепления чувства собственной компетентности.

Вместе с тем творческую деятельность нельзя рассматривать как универсальный способ предотвращения аутоагрессии. Её профилактический потенциал нуждается в научном обосновании, а применение должно учитывать индивидуальные особенности молодых людей, выраженность психологических трудностей и необходимость профессиональной помощи.

Цель статьи — теоретически обосновать возможность использования развития творческого потенциала молодёжи в качестве одного из направлений профилактики аутоагрессивных проявлений.

Объект исследования — аутоагрессивные проявления в молодом возрасте.

Предмет исследования — возможности развития творческого потенциала как психологического ресурса профилактики аутоагрессивных проявлений у молодёжи.

Гипотеза исследования: предполагается, что целенаправленная программа развития творческого потенциала молодёжи, включающая разнообразные виды творческой деятельности, упражнения на распознавание и выражение эмоций, рефлексию и поиск конструктивных способов решения проблем, может способствовать снижению выраженности отдельных аутоагрессивных проявлений. Предполагается, что данный эффект будет связан с развитием эмоциональной саморегуляции, расширением репертуара копинг-стратегий, повышением самоэффективности и укреплением позитивного отношения к себе. Выраженность эффекта может зависеть от исходного психологического состояния участников, регулярности занятий и наличия поддерживающей социальной среды.

1. Аутоагрессия и её проявления в молодом возрасте

Аутоагрессию целесообразно рассматривать как психологический феномен, связанный с направленностью агрессивных импульсов, враждебных оценок или разрушительных действий на самого себя. При этом понятие аутоагрессии не следует отождествлять с каждой формой негативного отношения к себе или с любым поведением, которое потенциально может иметь неблагоприятные последствия.

Важно разграничивать **аутоагрессию как феномен** и **аутоагрессивные проявления как конкретные формы его выражения**. Феномен отражает более общий психологический процесс, тогда как проявления могут различаться по форме, степени осознанности, интенсивности, функциям и последствиям.

К возможным проявлениям, требующим внимательного психологического анализа, относятся:

- **Физические проявления:** намеренное причинение вреда собственному телу, в том числе самоповреждение. При оценке таких действий необходимо учитывать намерение человека, обстоятельства и функцию поведения.
- **Эмоциональные и когнитивные проявления:** устойчивое самообвинение, уничижительная самокритика, обесценивание собственных достижений и выраженное чувство вины. При этом реалистичная самокритика сама по себе не является аутоагрессией; значение имеют её интенсивность, устойчивость и разрушительное влияние на состояние человека.
- **Саморазрушительные поведенческие паттерны:** например, употребление алкоголя или иных психоактивных веществ в качестве способа подавления тяжёлых переживаний. Такое поведение может сопровождаться значительным риском для здоровья, однако его причины не всегда связаны именно с аутоагрессией.
- **Избегающее и дезадаптивное поведение:** действия или устойчивые модели поведения, которые мешают удовлетворению значимых потребностей,

достижению целей и заботе о себе. Прокрастинация может относиться к этой группе лишь в определённых случаях и сама по себе не является достаточным признаком аутоагрессии.

Следовательно, выявление аутоагрессивных проявлений требует анализа не только внешнего поведения, но и его психологических функций. Важно выяснять, какие переживания предшествуют действию, что человек получает или пытается предотвратить с его помощью, какие последствия возникают и какими альтернативными способами он располагает.

Молодые люди могут сталкиваться с эмоциональными трудностями на фоне межличностных конфликтов, буллинга, пережитого неблагоприятного опыта, социальной изоляции, учебной нагрузки и недостатка поддержки. Обзор исследований факторов риска самоповреждения у молодых людей указывает на связь таких проявлений с психологическими расстройствами, травматическим опытом, употреблением психоактивных веществ и проблемами в отношениях [2; 3]. При этом перечисленные факторы не позволяют однозначно предсказать поведение конкретного человека, а профилактика должна учитывать их сочетание.

Таким образом, профилактическая работа должна быть направлена не только на предупреждение отдельных нежелательных действий, но и на расширение психологических ресурсов личности, которые помогают распознавать переживания, регулировать эмоциональное напряжение, решать проблемы и обращаться за поддержкой.

2. Творческий потенциал как ресурс психологического развития

Творческий потенциал личности можно определить как совокупность способностей, личностных качеств, мотивационных ресурсов и возможностей, обеспечивающих создание новых идей, образов, способов действия и решений. Он не сводится исключительно к художественным способностям: творческий подход может проявляться в музыке, рисовании, литературе, театральной деятельности, танце, проектировании, конструировании, цифровом творчестве и поиске нестандартных решений повседневных задач.

В контексте психологической профилактики значение имеет не столько художественная ценность результата, сколько сам процесс творческой деятельности. Возможность экспериментировать, пробовать разные способы выражения, выбирать материалы и формы, обсуждать созданное и наблюдать собственный прогресс может поддерживать самостоятельность и чувство личной компетентности.

Можно выделить несколько потенциальных механизмов, посредством которых развитие творческого потенциала может быть связано с психологическим благополучием молодёжи.

Первый механизм — расширение возможностей эмоционального выражения. Некоторым молодым людям сложно точно обозначать переживания словами. Работа с цветом, образом, звуком, движением или художественным текстом может предоставить дополнительный способ

выражения субъективного опыта. Однако творческий продукт не следует автоматически интерпретировать как диагностический материал: его смысл необходимо выяснять в диалоге с самим участником.

Второй механизм — развитие эмоциональной саморегуляции. Творческая деятельность может включать сосредоточение внимания, последовательное выполнение действий, наблюдение за изменениями собственного состояния и выбор подходящего темпа работы. При соответствующей организации занятий эти процессы могут использоваться для тренировки навыков распознавания эмоций и поиска безопасных способов справляться с напряжением.

Третий механизм — развитие гибкости мышления и решения проблем. Создание нового продукта часто предполагает поиск альтернатив, преодоление ошибок и пересмотр первоначального замысла. Перенос подобных способов мышления на жизненные ситуации может помочь молодому человеку рассматривать проблему не как безвыходную, а как задачу, для которой существует несколько возможных решений. Такая связь является теоретическим предположением, которое необходимо проверять в конкретной профилактической программе.

Четвёртый механизм — укрепление самоэффективности. Завершение творческого задания, освоение нового навыка и наблюдение за собственным прогрессом могут формировать опыт успешного действия. Особенно важно, чтобы оценка результата не строилась исключительно на сравнении участников между собой, а учитывала личный вклад, усилия и индивидуальную динамику.

Пятый механизм — укрепление социальных связей. Групповые творческие проекты могут создавать условия для сотрудничества, обмена идеями, взаимного признания и получения поддержки. Это имеет значение, поскольку качество отношений со сверстниками и чувство принадлежности к социальной группе связаны с психологическим благополучием молодых людей [2; 4].

Теоретические предположения о положительном значении творчества для психического здоровья частично поддерживаются современными обзорными исследованиями. В систематическом обзоре 2025 года, включившем 28 исследований, регулярное участие подростков в художественной и творческой деятельности преимущественно ассоциировалось с более благоприятными показателями психического здоровья и благополучия. Авторы, однако, отмечают ограничения доказательной базы, в частности недостаток экспериментальных исследований, позволяющих уверенно установить причинно-следственную связь [5]. Следовательно, имеющиеся результаты дают основание рассматривать творческую деятельность как перспективное направление профилактики, но не позволяют утверждать, что она сама по себе предотвращает аутоагрессивное поведение.

3. Развитие творческого потенциала в системе профилактики аутоагрессивных проявлений

Профилактическая программа, ориентированная на развитие творческого потенциала, должна быть направлена на формирование условий, в которых молодые люди могут безопасно выражать переживания, развивать навыки саморегуляции, расширять способы решения проблем и укреплять социальные связи.

В зависимости от целей исследования и ресурсов образовательной или молодёжной организации программа может включать несколько взаимосвязанных блоков.

1. Блок эмоционального самопознания. Участникам предлагаются задания, помогающие распознавать и обозначать эмоции, замечать связь между ситуацией, мыслями, телесными реакциями и поведением. Для этого могут использоваться метафорические изображения, цветовые ассоциации, короткие тексты, музыкальные фрагменты и ведение дневника эмоциональных состояний. Задача блока — расширить способность участника замечать своё состояние, не навязывая ему определённых интерпретаций.

2. Блок творческого самовыражения. Он может включать изобразительную деятельность, написание рассказов и стихотворений, музыку, театр, движение, фотографию или цифровые проекты. Участнику предоставляется возможность выбирать удобную форму творчества и определять, чем он готов делиться с группой. Обязательное публичное раскрытие личных переживаний не допускается.

3. Блок конструктивного совладания со стрессом. Творческие задания дополняются обсуждением способов реагирования на трудности, поиском альтернативных решений и освоением навыков обращения за поддержкой. Например, участники могут создавать истории о персонаже, который сталкивается с проблемой, рассматривает несколько вариантов действий и выбирает безопасный способ преодоления ситуации. Обсуждение строится вокруг разнообразия решений, а не вокруг единственного «правильного» ответа.

4. Блок развития самоэффективности и рефлексии. Участники определяют индивидуальные цели, фиксируют освоенные навыки и оценивают собственный прогресс. Важной частью становится формирование более реалистичного и доброжелательного отношения к ошибкам. Рефлексия помогает увидеть не только конечный продукт, но и личные усилия, принятые решения и освоенные способы действия.

5. Блок социального взаимодействия. Групповые проекты направлены на развитие сотрудничества, уважительного общения и взаимной поддержки. При этом ведущий должен предупреждать высмеивание, обесценивание и нежелательное раскрытие личной информации. Группа не заменяет индивидуальную психологическую помощь, но может стать дополнительным ресурсом социальной включённости.

Для повышения эффективности программа должна проводиться систематически, иметь ясные цели и учитывать особенности участников. Необходимо избегать оценивания творческих работ исключительно по эстетическим критериям, поскольку такое оценивание способно усилить переживание несостоятельности у молодых людей, чувствительных к критике. Предпочтительно поддерживать добровольность, право выбора, уважение личных границ и безопасную атмосферу.

При этом важно разграничивать общую профилактику и помощь при уже выраженных аутоагрессивных проявлениях. Если у участника выявляются самоповреждения, суицидальные мысли или намерения, опасное употребление психоактивных веществ либо выраженное ухудшение психологического состояния, творческие занятия не должны подменять профессиональную оценку риска и специализированную помощь. При непосредственной угрозе жизни необходимо незамедлительно обращаться в экстренные службы. Творческая деятельность может использоваться как дополнительный ресурс в рамках комплексного сопровождения, но не как самостоятельное лечение.

4. Гипотеза и направления эмпирической проверки

Для проверки предположения о профилактическом потенциале развития творческих способностей необходимо организовать эмпирическое исследование. Сам факт участия в творческих занятиях или положительная обратная связь участников ещё не доказывают снижения аутоагрессивных проявлений.

Основная гипотеза может быть сформулирована следующим образом: у молодых людей, участвующих в систематической программе развития творческого потенциала, сочетающей творческое самовыражение, эмоциональную рефлексию, обучение конструктивным копинг-стратегиям и развитие навыков социального взаимодействия, после завершения программы могут наблюдаться более выраженные положительные изменения в показателях эмоциональной саморегуляции, самоэффективности и конструктивного совладания со стрессом, а также снижение выраженности отдельных заранее определённых аутоагрессивных проявлений по сравнению с исходными показателями и, при наличии группы сравнения, с результатами участников, не проходивших программу.

Из основной гипотезы могут быть выведены частные предположения:

1. Регулярное участие в творческой деятельности будет связано с улучшением способности распознавать и выражать эмоциональные состояния.

2. Участники программы будут чаще использовать конструктивные способы совладания со стрессом и решения проблем.

3. Повышение самоэффективности и развитие более поддерживающего отношения к себе будут сопровождаться уменьшением выраженности самообвинения и других заранее операционализированных негативных проявлений.

4. Изменения психологических ресурсов могут быть связаны с динамикой отдельных аутоагрессивных проявлений, однако характер этой связи необходимо установить эмпирически.

При разработке исследования важно заранее определить, какие именно проявления будут изучаться. Самоповреждение, самообвинение, рискованное употребление алкоголя и прокрастинация различаются по механизмам и не должны объединяться в один показатель без теоретического и психометрического обоснования. Прокрастинацию, например, целесообразно рассматривать как отдельный поведенческий показатель и относить к аутоагрессивным проявлениям только при наличии обоснованных критериев, указывающих на соответствующую направленность и функцию поведения.

В исследовании целесообразно использовать несколько групп показателей: характеристики творческого потенциала; показатели эмоциональной саморегуляции; копинг-стратегии; самоэффективность и отношение к себе; а также конкретные аутоагрессивные проявления, измеряемые с помощью валидизированных методик и, при необходимости, профессионального интервью.

Предпочтительным является дизайн с измерениями до и после программы, а также с отсроченным повторным измерением для оценки устойчивости изменений. Если это этически и организационно возможно, следует предусмотреть сопоставимую группу сравнения. При анализе данных необходимо учитывать исходное психологическое состояние участников, сопутствующую помощь, регулярность посещения занятий и возможное влияние внешних событий.

Этические требования включают информированное согласие, конфиденциальность, добровольность участия и заранее определённый порядок действий при выявлении риска самоповреждения или суицида. При работе с несовершеннолетними должны соблюдаться применимые требования к согласию законных представителей и защите интересов ребёнка. Программа не должна стимулировать подробное публичное описание травматического опыта или раскрытие личных сведений вопреки желанию участника.

Таким образом, эмпирическая проверка позволит установить не только наличие или отсутствие изменений, но и то, какие компоненты программы связаны с наиболее выраженной динамикой и для каких групп молодых людей данный подход может быть полезен.

Заключение

Развитие творческого потенциала молодёжи представляет собой перспективное, но требующее дальнейшей эмпирической проверки направление профилактики аутоагрессивных проявлений. Потенциальное значение творческой деятельности связано с созданием условий для эмоционального самовыражения, развития саморегуляции, расширения способов решения проблем, укрепления самоэффективности и формирования поддерживающих социальных связей.

В статье разграничены аутоагрессия как психологический феномен и конкретные формы её возможного выражения. Подчёркнуто, что отдельные виды поведения, включая самокритику, употребление алкоголя и прокрастинацию, нельзя автоматически относить к аутоагрессивным проявлениям без анализа их функций, контекста и психологических механизмов.

Сформулирована гипотеза о том, что систематическая программа развития творческого потенциала, объединяющая творческие задания с эмоциональной рефлексией, освоением конструктивных копинг-стратегий и развитием социального взаимодействия, может способствовать улучшению ряда психологических ресурсов и снижению выраженности отдельных аутоагрессивных проявлений. Данная гипотеза нуждается в проверке посредством эмпирического исследования с использованием валидизированных методик и этически обоснованного дизайна.

Следовательно, творческую деятельность целесообразно рассматривать не как замену профессиональной психологической помощи, а как возможный компонент комплексной профилактической работы, ориентированной на развитие личностных ресурсов, укрепление психологического благополучия и расширение безопасных способов преодоления трудностей.

Использованные источники

1. Всемирная организация здравоохранения. Психическое здоровье подростков [Mental health of adolescents]. 1 сентября 2025 г. URL: https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/adolescent-mental-health (дата обращения: 27.10.2026).

2. McEvoy D., Brannigan R., Cooke L., Butler E., Walsh C., Arensman E., Clarke M. Факторы риска и защиты при самоповреждающем поведении у подростков и молодых взрослых: обзор систематических обзоров [Risk and protective factors for self-harm in adolescents and young adults: An umbrella review of systematic reviews] // Journal of Psychiatric Research. 2023. Т. 168. С. 353–380. DOI: https://doi.org/10.1016/j.jpsychires.2023.10.017.

3. Richardson R., Connell T., Foster M. et al. Факторы риска и защиты при самоповреждении и суицидальности у подростков: обзор систематических обзоров с метаанализом [Risk and Protective Factors of Self-harm and Suicidality in Adolescents: An Umbrella Review with Meta-Analysis] // Journal of Youth and Adolescence. 2024. Т. 53, № 6. С. 1301–1322. DOI: https://doi.org/10.1007/s10964-024-01969-w.

4. Дружеские отношения и взаимоотношения со сверстниками в контексте мыслей о самоповреждении и самоповреждающего поведения среди молодёжи: систематический обзор и нарративный синтез [Friendships and peer relationships and self-harm ideation and behaviour among young people: a systematic review and narrative synthesis] // The Lancet Psychiatry. 2024. Т. 11, № 8. С. 633–657. DOI: https://doi.org/10.1016/S2215-0366(24)00170-6.

5. Hugh-Jones S., Ray S., Wilding A., Sutton M., Humphrey N., Munford L. Способствует ли регулярное участие в искусстве и творческой деятельности

улучшению психического здоровья и благополучия подростков? Систематический обзор и оценка причинно-следственных связей [Does regular engagement with arts and creative activities improve adolescent mental health and wellbeing? A systematic review and assessment of causality] // SSM – Population Health. 2025. Т. 31. Статья 101845. DOI: https://doi.org/10.1016/j.ssmph.2025.101845.

Бортулева Н.Л., магистр психологических наук
старший преподаватель
кафедра андрагогики
Институт повышения квалификации и переподготовки
Белорусский государственный педагогический
университет имени Максима Танка
Беларусь, г. Минск

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСПОЗИЦИЙ СТУДЕНТОВ: ПРОФИЛЬ КОНСЕРВАТИВНЫХ И РАДИКАЛЬНЫХ МЯГКИХ И ЖЕСТКИХ ТИПОВ

Аннотация: *В статье представлены результаты эмпирического исследования личностных профилей студентов в соответствии с их социально-политическими диспозициями. На основе двухфакторной модели Г. Айзенка выделены четыре типа личностных диспозиций: консервативно-мягкий, консервативно-жесткий, радикально-мягкий и радикально-жесткий. Приводятся данные о связи каждого типа с показателями авторитаризма, ориентации на социальное доминирование, а также базовыми личностными чертами. Показано, что типы консервативно-жесткий и радикально-мягкий образуют своеобразный «нейтральный центр» типологического пространства, тогда как консервативно-мягкий и радикально-жесткий типы представляют собой психологические полюса максимального контраста. Полученные данные могут использоваться в программах гражданского и патриотического воспитания молодежи.*

Ключевые слова: *черта личности, диспозиция, социально-политическая диспозиция, структура диспозиций, личностный опросник.*

Bortuleva N.L., master of psychology
senior lecturer
Department of Andragogy
Institute of advanced training
Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank
Belarus, Minsk

PERSONAL FOUNDATIONS OF STUDENTS' SOCIO-POLITICAL DISPOSITIONS: PROFILES OF CONSERVATIVE AND RADICAL «SOFT» AND «HARD» TYPES

Annotation: *The article presents the results of an empirical study of students' personality profiles in relation to their socio-ideological dispositions. Based on H. Eysenck's two-factor model, four types of personality dispositions are identified: conservative-soft, conservative-hard, radical-soft, and radical-hard. The data on the relationship of each type with indicators of authoritarianism, social dominance*

orientation, and basic personality traits. The conservative-hard and radical-soft types form a "neutral centre" of the typological space, while the conservative-soft and radical-hard types represent the poles of maximum psychological contrast. The findings contribute to an integrative, multilevel model of socio-ideological dispositions and can inform civic education programmes.

Key words: *personality trait, disposition, socio-ideological disposition, structure of dispositions, personality questionnaire.*

Введение

Исследование социально-политических диспозиций студенческой молодежи приобретает особую значимость, поскольку эта группа находится в сензитивном периоде формирования мировоззрения и социальной идентичности. Социально-политические диспозиции являются частным видом личностных диспозиций и трактуются как структурно-динамическая совокупность личностных черт, определяющая предрасположенность к определенной форме социально-политической активности (мышления и/или поведения). Они отражают закрепленную в индивидуальном опыте предрасположенность воспринимать и оценивать социальные процессы через призму определенного ценностно-политического поля и корректировать свое поведение в соответствии с ним.

В белорусском контексте научное изучение личностных оснований социально-политических диспозиций студентов согласуется с задачами Национальной стратегии устойчивого развития до 2035 года, Концепции национальной безопасности и государственных программ «Образование и молодежная политика», где подчеркивается необходимость формирования активной гражданской позиции и патриотизма молодежи. Вместе с тем в современной психологической науке остается дискуссионным вопрос, в какой мере социально-политические диспозиции обусловлены индивидуально-психологическими свойствами, а не только ситуативными факторами.

Теоретические основания

Изучение личностных оснований социально-политических диспозиций остается одним из устойчивых направлений социальной психологии, начиная с классических работ Т. Адорно и его коллег по авторитарной личности [1] и двухфакторной диспозиционной модели Г. Айзенка, выделившего два ортогональных фактора: R-фактор «радикализм – консерватизм» и T-фактор «жесткость – мягкость» [2; 3]. В отечественной и постсоветской традиции изучение проблемного поля происходит в основном в рамках диспозиционной концепции регуляции социального поведения личности В. А. Ядова, рассматривающей ценностные ориентации как высший, наиболее обобщенный уровень диспозиционной иерархии [4], и социально-политической психологии Г. Г. Дилигенского [5].

В существующих исследованиях личностных предикторов социально-политических диспозиций типологический анализ, как правило, ограничивается одной осью – либо радикализмом/консерватизмом, либо

жесткостью/мягкостью – без систематического сопоставления психологических профилей, возникающих на их пересечении. Между тем, двухфакторная модель Г. Айзенка предполагает, что данные оси ортогональны и порождают четыре качественно различных типа личности: консервативно-мягкий, консервативно-жесткий, радикально-мягкий и радикально-жесткий, – каждый из которых обладает специфическим сочетанием личностных черт.

Современные исследования показывают, что социально-политические диспозиции не сводятся к содержанию убеждений, а связаны с устойчивыми личностными особенностями. Наиболее последовательно это раскрывается в работах, посвященных связи личностных черт с консерватизмом, либерализмом, авторитаризмом и социальным доминированием [1, 6-8]. Метааналитические и теоретические данные свидетельствуют о том, что консерватизм чаще ассоциируется со сниженной открытостью опыту, большей нормативностью и ориентацией на порядок, тогда как радикальные и либеральные ориентации связаны с большей открытостью, критичностью к статус-кво и терпимостью к неопределенности [6].

Важное место в исследовании занимает Dual-Process Motivational Model – подход, в рамках которого правый авторитаризм и ориентация на социальное доминирование рассматриваются как два относительно автономных измерения политической регуляции [9]. Правый авторитаризм связывается с конвенционализмом, подчинением легитимным авторитетам и санкционированной агрессией, тогда как ориентация на социальное доминирование отражает предпочтение иерархических межгрупповых отношений и принятие социального неравенства. Важным для интерпретации социально-политических диспозиций является вывод, что правый авторитаризм и ориентация на социальное доминирование имеют разные личностные основания и по-разному включаются в структуру консервативных и радикальных диспозиций.

Дополнительный аналитический ресурс представляют исследования, в которых рассматривается влияние базовых черт личности на социально-политические диспозиции через промежуточные ценностно-моральные и когнитивные механизмы [10-12]. В этих работах подчеркивается, что сами по себе черты личности не определяют прямо политическую позицию, но задают предрасположенность (диспозицию) к определенным способам интерпретации социальной реальности, отношения к нормам, иерархии, переменам и социальной неоднородности. Такой подход особенно важен для исследования студенческой молодежи, у которой мировоззрение еще сохраняет пластичность, но уже начинает приобретать внутренне согласованный характер.

Наряду с этим в научной литературе обсуждается проблема психологической специфики радикализма, который не может рассматриваться только как противоположность консерватизма. Работы, посвященные структуре социально-политических диспозиций в разных

странах, показывают, что радикальные ориентации могут сочетаться как с гуманистической и антииерархической направленностью, так и с жестким, конфликтным и ригидным стилем социального реагирования [13, 14]. Это особенно важно для разграничения радикально-мягкого и радикально-жесткого типов, различающихся не столько по самому факту критики существующего порядка, сколько по личностному способу реализации этой критики.

Таким образом, анализ литературы показывает, что в современной психологии накоплены убедительные данные о связи социально-политических диспозиций с личностными чертами, авторитаризмом и ориентацией на социальное доминирование. Вместе с тем недостаточно разработанным остается вопрос о их типологической организации, особенно в студенческой среде и в контексте сочетания социально-политического и характерологического измерений. На этом фоне новизна настоящего исследования состоит в том, что социально-политические диспозиции рассматриваются как структурно-динамическая совокупность личностных черт, а их анализ осуществляется не только на уровне отдельных шкал, но и на уровне четырех интегральных типов, различающихся по содержанию профиля.

Организация и методика исследования

Цель исследования – дать развернутую, эмпирически обоснованную психологическую характеристику четырех типов личности, образованных сочетанием диспозиций «радикализм – консерватизм» и «жесткость – мягкость».

В качестве теоретической модели использована двухфакторная теория Г. Айзенка, согласно которой социально-политические диспозиции могут быть описаны в пространстве «радикализм – консерватизм» и «жесткость – мягкость» и конкретизированы через типологию радикального мягкого, радикального жесткого, консервативного мягкого и консервативного жесткого типов.

Материалы и методы

Эмпирическую базу составили данные, полученные в 2023 г. на нескольких подвыборках студентов белорусских вузов в возрасте 17–23 лет общей численностью 1031 человек. Из них 440 человек – подвыборка исследования взаимосвязи социально-политических диспозиций с чертами Большой пятерки и Темной триады, 141 человек – с авторитарным потенциалом, 284 человека – с ориентацией на социальное доминирование, 166 человек – с ценностными ориентациями. Основой типологизации выступила валидизированная автором русскоязычная короткая версия методики Г. Айзенка «Social and political attitueds». Использованы также следующие методики: «Пятифакторный опросник личности» (5PFQ) Х. Тсуи (в адаптации А. Б. Хромова); «Короткий опросник Темной триады» (SD3) Д. Полхуса и К. Вильямса (в адаптации М. С. Егоровой, М. А. Ситниковой и О. В. Паршиковой); «Шкала авторитаризма» Т. Адорно, Х. Френкель-

Брунсвик, Д. Левинсона и Р. Сэнфорда (в адаптации Г. У. Солдатовой); опросник «Ориентация на социальное доминирование» (SDO) Ф. Пратто и Дж. Сидануса (в адаптации О. А. Гулевич, Е. Р. Агадуллиной и О. Е. Хухлаева); методика экспресс-диагностики социальных ценностей личности Н. П. Фетискина. Статистическое сравнение групп было проведено при помощи t-критерия Стьюдента и U-критерия Манна – Уитни.

Результаты и обсуждение

Черты пятифакторной модели и «Темной триады»

Межтиповые сравнения показали, что различия по чертам 5PFQ и SD3 сосредоточены преимущественно внутри радикального полюса (таблица 1).

Таблица 1 – Показатели различий черт личности 5PFQ и SD3 у студентов с разным типом личности

Шкалы	Среднее значение				t-критерий Стьюдента					
	КМ	КЖ	РМ	РЖ						
	1	**2**	**3**	**4**	**1-2**	**1-3**	**1-4**	**2-3**	**2-4**	**3-4**
Экстраверсия	47,07	47,59	44,70	**49,09**	-0,43	-1,84	1,78	-1,91	1,11	**-3,13****
Привязанность	52,26	51,77	49,06	**53,50**	0,34	**-2,34***	0,97	-1,80	1,20	**-3,31****
Самоконтроль	**51,82**	51,76	51,03	51,78	0,05	-0,58	-0,03	-0,46	0,02	-0,54
Эмоц. неустойч.	49,18	**52,71**	48,97	51,67	**-2,27***	-0,13	1,81	**-2,09***	-0,70	-1,69
Экспрессивность	55,14	54,22	53,57	**57,01**	0,72	-1,37	1,80	-0,47	**2,21**	**-3,02****
Макиавеллизм	3,61	3,60	**3,81**	3,51	0,12	**2,51***	-1,24	**2,24***	-0,92	**3,64****
Нарциссизм	2,89	**3,05**	2,74	3,04	-1,87	-1,78	1,76	**-3,30****	-0,21	**-3,22****
Психопатия	2,52	2,61	**2,63**	2,31	-0,79	1,08	**-2,50***	0,19	**-2,85**	**3,32****

Примечание: КМ – консервативный мягкий тип, КЖ – консервативный жесткий, РМ – радикальный мягкий, РЖ – радикальный жесткий

Консервативные студенты (мягкие и жесткие) статистически не различаются между собой ни по одной из восьми изученных черт, за исключением большей эмоциональной неустойчивости у консервативно-жестких. Радикальные же студенты различаются по шести из восьми показателей: радикальные жесткие студенты имеют более выраженные показатели экстраверсии, привязанности, экспрессивности и нарциссизма. В то же время радикальные мягкие студенты больше склонны к проявлению макиавеллизма и психопатии.

Радикальные студенты демонстрируют сочетание повышенной эмоциональной неустойчивости и экспрессивности с более выраженными показателями темных черт (прежде всего макиавеллизма и неклинической психопатии), по сравнению с консервативными сверстниками. Их социально-политическая активность эмоционально заряжена, склонна к резким, конфликтным формам самовыражения и сопровождается большей готовностью использовать манипуляцию и игнорировать моральные ограничения ради достижения «правильной» цели.

Радикально-мягкие студенты сохраняют эмоциональную и ценностную близость к радикальному полюсу (повышенная экспрессивность, чувствительность к социальным изменениям), однако по показателям привязанности и самоконтроля ближе к мягким типам в целом. В отличие от радикально-жестких, их радикализм носит менее конфронтационный характер и чаще реализуется в форме ценностного несогласия и критики существующего порядка, чем в форме жесткого давления и агрессии. Консервативно-жесткие студенты характеризуются сочетанием высокой нормативной регуляции и выраженных жестких установок: они демонстрируют относительно высокие показатели экстраверсии и привязанности при сохранении повышенной ориентации на контроль и дисциплину. На уровне темных черт у них выражены макиавеллизм и неклиническая психопатия по отношению к мягким типам, что отражает склонность защищать традиционный порядок и иерархии жесткими, иногда авторитарными средствами при сохранении внешне социально адаптивного поведения. Консервативно-мягкие студенты имеют наиболее «просоциальный» профиль: у них относительно высоки показатели привязанности и самоконтроля и наименьшая выраженность темных черт среди четырех типов. Их консерватизм носит преимущественно охранительный, а не санкционирующий характер: они склонны к поддержке традиций и стабильности через заботу о сохранении отношений и норм, а не через давление и наказание.

Наиболее контрастная пара – консервативно-мягкий и радикально-жесткий типы – различается по восьми из десяти изученных ранее черт, что делает эту пару психологических антиподов методологическим «ядром» типологии. Напротив, консервативно-жесткий и радикально-мягкий типы по большинству черт 5PFQ и SD3 статистически неразличимы, образуя условно «нейтральный» центр четырехчастного типологического пространства.

Авторитарный потенциал личности

Анализ по шкале авторитаризма обнаружил парадоксальный на первый взгляд результат: консервативные студенты вне зависимости от полюса жесткости/мягкости практически не различаются между собой (все средние показатели статистически близки); та же закономерность характерна и для радикальных студентов (таблица 2).

Таблица 2 – Показатели различий черт авторитарного потенциала у студентов с разным типом личности

Шкалы	Среднее значение				t-критерий Стьюдента / U-критерий Манна – Уитни					
	КМ	КЖ	РМ	РЖ						
	1	**2**	**3**	**4**	**1-2**	**1-3**	**1-4**	**2-3**	**2-4**	**3-4**
К	**15,98**	14,91	14,30	14,15	1,97	**-2,90****	**-3,35****	-0,86	-1,10	0,23
АП	**28,68**	27,32	26,53	24,71	1,44	**419***	**-4,41****	-0,60	**-2,13***	1,59
АА	**30,02**	29,18	26,70	23,81	0,85	**378,5****	**317****	-1,87	**-4,27****	**2,39***
АИ	**15,27**	14,55	14,13	14,13	1,12	-1,71	**-2,37***	-0,49	-0,71	0,01
СС	**23,98**	23,23	21,87	21,25	0,86	**-2,58***	**-3,26****	-1,26	-1,77	0,61
КВ	**24,24**	23,86	22,70	21,92	0,46	-1,83	**666,5****	-1,05	-1,75	0,76
ДЦ	**6,32**	6,27	5,63	5,73	0,12	**-2,09***	-1,59	-1,83	-1,19	-0,25
НП	15,83	15,91	15,10	14,94	-0,12	-1,12	-1,50	-1,05	-1,32	0,23
СМ	**11,02**	10,82	10,53	9,23	0,36	-0,88	**-3,35****	-0,42	**-2,36***	**2,08***
ОА	**108,22**	105,55	99,17	94,02	0,99	**-3,20****	**414,5****	-1,67	**-2,98****	1,42

Примечание: ОА – общий уровень авторитарности, К – конвенционализм, АП – авторитарное подчинение, АА – авторитарная агрессия, АИ – антиинтрацепция, СС – суеверность и стереотипизм, КВ – комплекс власти, ДЦ – деструктивность и цинизм, НП – негативная проективность, СМ – сексуальное морализаторство.

Тогда как максимальные различия наблюдаются между консервативно-мягким и радикально-жестким типами – по восьми из десяти компонентов. Консервативная мягкая личность обнаруживает достоверно более высокие показатели конвенционализма ($m_{КМ}$=15,98; $m_{РЖ}$=14,15; t=-3,35; p<0,01), авторитарного подчинения ($m_{КМ}$=28,68; $m_{РЖ}$=24,71; t=-4,41; p<0,01) и авторитарной агрессии ($m_{КМ}$=30,02; $m_{РЖ}$=23,81; U=317; p<0,01), суеверности и стереотипизма ($m_{КМ}$=23,98; $m_{РЖ}$=21,25; t=-3,26; p<0,01), у нее в большей степени проявлены антиинтрацепция ($m_{КМ}$=15,27; $m_{РЖ}$=14,13; t=-2,37; p<0,05), культ власти ($m_{КМ}$=24,24; $m_{РЖ}$=21,92; U=667,5; p<0,01), сексуальное морализаторство ($m_{КМ}$=11,02; $m_{РЖ}$=9,23; t=-3,35; p<0,01). Это определяет значимо более высокую суммарную авторитарность консервативного мягкого типа ($m_{КМ}$=108,22; $m_{РЖ}$=94,02; U=414,5; p<0,01). Консервативно-мягкий тип имеет наивысший в выборке суммарный показатель авторитарности (108,22) за счет конвенционализма (15,98), авторитарного подчинения (28,68) и авторитарной агрессии (30,02). Радикально-жесткий тип, напротив, наименее авторитарен (94,02 балла).

Данная асимметрия объясняется различием конструктов Т-фактора Г. Айзенка и F-шкалы Т. Адорно: «жесткий» полюс у Г. Айзенка предполагает секулярность, принятие девиантных норм и военной силы – установки, противоположные конвенционализму, тогда как «мягкий» полюс содержательно пересекается с ядерными компонентами авторитаризма

(конвенционализм, суеверность, подчинение). Таким образом, консерватизм и мягкость выступают взаимно усиливающими, но психологически различными основаниями авторитарного профиля личности. Полученные данные подтверждают правомерность использования двухфакторной модели Г. Айзенка для определения социально-политических диспозиций именно как ортогональных измерений: ось жесткости и ось консерватизма отражают различные психологические регистры.

Ориентация на социальное доминирование

По ориентации на социальное доминирование картина иная: консервативно-жесткий тип обладает максимальными показателями антиэгалитаризма (16,32) и ориентации на социальное доминирование (17,41), значимо превосходя радикально-мягкий тип, тогда как консервативно-мягкий и радикально-жесткий типы занимают промежуточное положение и между собой не различаются (таблица 3).

Таблица 3 – Показатели различий черт одобрения групповой иерархии у студентов с разным типом личности

Шкалы	Среднее значение				t-критерий Стьюдента / U-критерий Манна – Уитни					
	КМ	КЖ	РМ	РЖ						
	1	**2**	**3**	**4**	**1-2**	**1-3**	**1-4**	**2-3**	**2-4**	**3-4**
АЭ	13,24	**16,32**	12,20	12,83	**-2,39***	-0,88	-0,39	**-2,93****	**-2,81****	-0,56
ОСД	16,87	**17,41**	14,03	16,27	-0,63	**-2,97****	-0,74	**343,5****	-1,11	**-2,17***

Примечание: АЭ – антиэгалитаризм, ОСД – ориентация на социальное доминирование.

Установлено, что консервативные студенты имеют статистически значимо более высокий уровень антиэгалитаризма (m_K=12,59; m_P=14,37; t=-2,11; p<0,05) и ориентации на социальное доминирование (m_K=15,41; m_P=17,07; U=1812; p<0,05), чем радикальные. При этом жесткие и мягкие студенты не отличаются друг от друга по изучаемым чертам. Это отражает содержательное различие двух форм консерватизма: конвенционально-подчинительной (свойственной консервативно-мягкому типу) и доминантно-иерархической, опирающейся на антиэгалитаризм и поддержку группового превосходства (свойственной консервативно-жесткому типу).

Ценностные ориентации

Анализ иерархий ценностных ориентаций показывает, что типы личности, выделенные по осям «радикализм – консерватизм» и «мягкость – жесткость», содержательно различаются по базовой мотивационно-ценностной организации (таблица 4).

Таблица 4 – Показатели различий рангов ценностных ориентаций у студентов с разным типом личности

Ценности	Среднее значение				t-критерий Стьюдента					
	РМ	РЖ	КМ	КЖ						
	1	**2**	**3**	**4**	**1-2**	**1-3**	**1-4**	**2-3**	**2-4**	**3-4**
Проф.	6,61	6,61	5,70	**6,55**	-0,01	**2,59***	0,17	**3,26****	0,21	**-2,51****
Фин.	**6,14**	**6,14**	5,49	5,95	0,01	1,42	0,42	1,87	0,52	-1,11
Сем.	5,09	5,48	**6,72**	5,97	-0,90	**-4,00****	-1,63	**-3,47****	-1,08	1,75
Соц.	**5,52**	5,30	5,37	5,32	0,71	0,42	0,50	-0,22	-0,04	0,13
Общ.	**2,75**	2,66	2,52	2,27	0,32	0,73	1,43	0,62	1,59	0,92
Дух.	2,02	1,63	**3,23**	2,23	1,54	**-2,54***	-0,59	**-4,92****	**-2,35***	**2,11***
Физ.	2,75	2,74	2,62	**3,15**	0,02	0,27	-0,85	0,38	-1,27	-1,11
Интелл.	5,13	**5,43**	4,35	4,57	-0,84	1,90	1,38	**3,37****	**2,57***	-0,57

Примечание: Проф. – профессиональные, Фин. – финансовые, Сем. – семейные, Соц. – социальные, Общ. – общественные, Дух. – духовные, Физ. – физические, Интелл. – интеллектуальные.

Радикальные студенты (мягкие и жесткие) между собой по иерархии ценностных ориентаций не различаются. Консервативные студенты (мягкие и жесткие) различаются по двум основаниям: для консервативных жестких в большей степени важны профессиональные ($m_{КМ}$=5,70; $m_{КЖ}$=6,55; t=-2,51; p<0,01), а для консервативных мягких – духовные ($m_{КМ}$=3,23; $m_{КЖ}$=2,23; t=2,11; p<0,05) ценности. Два диспозиционно противоположных типа – радикальный мягкий и консервативный жесткий – между собой по иерархии ценностных ориентаций не различаются, тогда как два других «симметричных» типа – радикальный жесткий и консервативный мягкий – различаются по четырем ценностным основаниям. Для радикальных жестких в большей степени важны профессиональные ($m_{РЖ}$=6,61; $m_{КМ}$=5,70; t=3,26; p<0,01) и интеллектуальные ($m_{РЖ}$=5,43; $m_{КМ}$=4,35; t=3,37; p<0,01) ценности, а для консервативных мягких – семейные ($m_{РЖ}$=5,48; $m_{КМ}$=6,72; t=-3,47; p<0,01) и духовные ($m_{РЖ}$=1,63; $m_{КМ}$=3,23; t=-4,92; p<0,01) ценности. Оси «радикализм – консерватизм» и «мягкость – жесткость» по-разному структурируют ценностное пространство личности: радикализм преимущественно связан с ориентацией на профессионально-интеллектуальный рост, консерватизм – с семейно-духовными ценностями; мягкость усиливает значимость семейно-духовных ориентиров у консерваторов, а жесткость – профессионально-интеллектуальных у радикалов.

Интегральные психологические портреты четырех типов

Обобщение результатов по всем показателям позволяет построить целостные психологические портреты четырех типов.

Консервативный мягкий тип представляет собой личность, у которой ориентация на порядок, стабильность и традицию сочетается с выраженной потребностью в тесных социальных связях и принадлежности к группе. По структуре черт он характеризуется более высокой привязанностью и экспрессивностью при относительно низкой эмоциональной неустойчивости,

что отражает теплый, открытый в общении, эмоционально устойчивый стиль поддержания межличностных отношений. Авторитарный потенциал у этого типа максимален в выборке: он отличается высоким конвенционализмом, выраженной приверженностью традиционному укладу, готовностью подчиняться авторитетным фигурам и санкционирующей агрессией по отношению к нарушителям принятых норм. При этом высокая ориентированность на семью и духовные ценности задает для него рамки «своего круга», внутри которого доминируют установки на заботу и поддержание сплоченности, тогда как жесткое разделение «правильного» и «неправильного» распространяется преимущественно на внешние группы и девиирующее поведение. В ценностном пространстве для консервативного мягкого типа на первом месте находятся семейные ценности, а духовные ценности занимают наиболее высокое положение среди всех четырех типов; семья и религиозно-духовная традиция выступают для него основным источником смысловой и идентификационной устойчивости.

Консервативный жесткий тип также ориентирован на сохранение традиций и устоявшегося социального порядка, однако его личностный профиль существенно отличается от консервативно-мягкого. Для него менее характерна выраженная потребность в аффилиации, он менее эмоционально экспрессивен и менее включен в систему близких межличностных отношений. Авторитарный потенциал у консервативно-жестких студентов выражен на уровне выше среднего: они демонстрируют нормативный конвенционализм, тенденцию к подчинению авторитетам и готовность к агрессивной защите традиционных порядков, однако эти показатели несколько ниже, чем у консервативно-мягких. В отличие от последних, консервативно-жесткий тип поддерживает традицию в большей степени из убежденности в правильности существующего порядка, чем из стремления к теплой принадлежности к «своим». Ценностный профиль отличается выраженной прагматической направленностью: среди всех типов именно консервативно-жесткие в наибольшей степени придают значение профессиональным ценностям и в наименьшей – духовным (внутри консервативной группы). Это личности, ориентированные на профессиональную реализованность и статус в рамках сохранения консервативных политических ориентаций. По авторитарному потенциалу и показателям ориентации на социальное доминирование консервативно-жесткий тип сближается с радикально-мягким, занимая промежуточное положение между полюсами «консерватизм – радикализм» и «мягкость – жесткость».

Радикальный мягкий тип характеризуется выраженной открытостью, контактностью и эмоциональной отзывчивостью, сочетающимися с ориентацией на изменения и новый опыт. По личностным чертам он отличается более высокой экстраверсией, привязанностью и пластичностью по сравнению с консервативными типами. Авторитарный потенциал у радикально-мягких студентов в целом ниже, чем у консервативных: они менее

конвенциональны, менее склонны к некритическому подчинению авторитетам и к агрессивному следованию традиционным нормам. Вместе с тем внутри радикального полюса именно мягкость задает определенную нормативную включенность: радикально-мягкие студенты демонстрируют несколько более высокие показатели авторитарной агрессии и сексуального морализаторства по сравнению с радикально-жесткими, хотя по абсолютным значениям они существенно уступают консервативным типам. В ценностной сфере для радикально-мягкого типа наивысшую значимость имеют профессиональные ценности, тогда как семейные и духовные ценности занимают менее центральное место по сравнению с консерваторами. Идентичность представителя этого типа строится преимущественно вокруг профессиональной самореализации и участия в изменении социального порядка; по совокупности показателей авторитарного потенциала и ориентации на социальное доминирование он близок к консервативно-жесткому типу, образуя вместе с ним условно «нейтральный» центр типологического пространства.

Радикальный жесткий тип отличается наиболее выраженной среди четырех типов эмоциональной неустойчивостью в сочетании с низкой привязанностью и низкой экспрессивностью: это эмоционально уязвимый, относительно дистанцированный в общении и сдержанный в проявлении чувств субъект с тенденцией к внутренней дисгармонии. В структуре метачерт у него повышены дисгармония и сниженный самоконтроль, однако одновременно выражена высокая пластичность, то есть открытость новому опыту, нестандартным идеям и интеллектуальному поиску. Авторитарный потенциал у радикально-жесткого типа минимален в выборке по показателям авторитарного конвенционализма, подчинения и санкционирующей агрессии: он наименее склонен к некритическому принятию авторитетов, к суеверному и стереотипному мышлению и к нормативному морализаторству. В ценностном плане для этого типа наиболее значимы интеллектуальные и профессиональные ценности; семья и духовная сфера занимают наиболее низкое место в иерархии ценностей по сравнению с другими типами. При этом показатели ориентации на социальное доминирование и антиэгалитаризма у данного типа остаются умеренными и существенно ниже, чем у консервативных студентов, что свидетельствует о сниженной готовности к поддержанию жестких межгрупповых иерархий и групповых привилегий.

Таким образом, ось «радикализм – консерватизм» задает основное содержание ценностных ориентаций личности (от профессионально-интеллектуального роста к семейно-духовному сохранению традиций), тогда как ось «жесткость – мягкость» модифицирует эти ориентации через различную степень авторитарного потенциала, нормативной включенности и личностной гармоничности, что в целом подтверждает эвристическую ценность двухфакторной модели Г. Айзенка для описания социально-политических диспозиций личности.

Заключение

Проведенное исследование позволило впервые на материале белорусской студенческой выборки построить комплексную психологическую характеристику четырех типов личности, образованных пересечением диспозиций «радикализм – консерватизм» и «жесткость – мягкость» по двухфакторной модели Г. Айзенка. Установлено, что консервативно-мягкий и радикально-жесткий типы образуют полюса максимального психологического контраста (различия по большинству изученных показателей во всех шести содержательных блоках), тогда как консервативно-жесткий и радикально-мягкий типы образуют относительно нейтральный, психологически сближенный центр типологического пространства – эффект, который объясняется взаимно компенсирующим действием двух ортогональных диспозиционных осей на авторитарный потенциал и ориентацию на социальное доминирование личности.

Научная новизна работы заключается в интегративном сопоставлении личностных черт, метачерт, авторитарного потенциала, ориентации на социальное доминирование и ценностных ориентаций в рамках единой четырехчастной типологии, что ранее не являлось предметом систематического эмпирического анализа. Практическая значимость результатов состоит в возможности их использования при разработке программ психологического сопровождения студенческой молодежи и профилактики деструктивных форм социального поведения. Ограничением исследования является различие объемов и составов подвыборок на разных этапах эмпирического исследования, что определяет перспективу дальнейшей работы по получению интегральных типологических данных на единой выборке.

Использованные источники

1. Adorno, T. W. The Authoritarian Personality / T. W. Adorno, E. Frenkel-Brunswik, D. J. Levinson, R. N. Sanford. – New York : Harper & Row, 1950. – 990 p.
2. Айзенк, Г. Ю. Структура личности : пер. с англ. / Г. Ю. Айзенк. – СПб. : Ювента ; М. : КСП+, 1999. – 464 с.
3. Айзенк, Х. Психология политики / Х. Айзенк ; пер. с англ. В. Егорова. – М. : Мысль, 2016. – 392 с.
4. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция / В. А. Ядов [и др.]. – 2-е расш. изд. – М. : Центр соц. прогнозирования и маркетинга, 2013. – 376 с.
5. Дилигенский, Г. Г. Социально-политическая психология : учеб. пособие для вузов / Г. Г. Дилигенский. – М. : Новая шк., 1996. – 352 с.
6. Sibley, C. G. Personality and political orientation: Meta-analysis and test of a Threat-Constraint Model / C. G. Sibley, D. Osborne, J. Duckitt // J. of Research in Personality. – 2012. – Vol. 46, № 6. – P. 664–677.

7. Social dominance orientation: A personality variable predicting social and political attitudes / F. Pratto [et al.] // J. of Personality and Social Psychology. – 1994. – Vol. 67, № 4. – P. 741–763.
8. Sidanius, J. Social Dominance: An Intergroup Theory of Social Hierarchy and Oppression / J. Sidanius, F. Pratto. – Cambridge : Cambridge University Press, 1999. – 403 p.
9. Sibley, C. G. Personality and prejudice: A meta-analysis and theoretical review / C. G. Sibley, J. Duckitt // Personality and Social Psychology Review. – 2008. – Vol. 12, № 3. – P. 248–279.
10. Lewis, G. J. From left to right: How the personality system allows basic traits to influence politics via characteristic moral adaptations / G. J. Lewis, T. C. Bates // Brit. J. of Psychology. – 2011. – Vol. 102, № 3. – P. 546–558.
11. Caprara, G. V. Personality and politics: Values, traits, and political choice / G. V. Caprara [et al.] // Political Psychology. – 2006. – Vol. 27, № 1. – P. 1–28.
12. Schwartz, S. H. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries / S. H. Schwartz // Advances in Experimental Social Psychology. – 1992. – Vol. 25. – P. 1–65.
13. Todosijevic, B. The Structure of Political Attitudes in Hungary and Serbia / B. Todosijevic // East Europ. Politics and Societies and Cultures. – 2008. – Vol. 22, № 4. – P. 879–900.
14. Eysenck, H. J. Primary social attitudes: a comparison of attitude patterns in England, Germany, and Sweden / H. J. Eysenck // The J. of Abnormal and Social Psychology. – 1953. – Vol. 48, № 4. – P. 563–568.

DOI 10.24412/2541-9285-2026-10115-163-167
УДК 811

Ибрагимова Р.А., к.ф.н.
доцент
кафедра перевода и грамматики английского языка
Худжандский государственный университет
имени академика Б.Гафурова

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕЕПРИЧАСТНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ АНГЛИЙСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ

***Аннотация**: В статье рассматриваются функционально-семантические особенности деепричастных конструкций современного таджикского языка и способы передачи их значений в английском языке. Исследование проводится в рамках сопоставительного языкознания и функциональной грамматики. Анализ показывает, что таджикские деепричастия обладают широким спектром семантических функций, включая выражение одновременности, предшествования, причинности, условия и образа действия. Установлено, что в английском языке данные значения передаются посредством причастных конструкций, перфектных причастий и обстоятельственных придаточных предложений. Несмотря на различия в грамматическом строе сопоставляемых языков, наблюдается значительная функциональная эквивалентность средств выражения вторичной предикации.*

***Ключевые слова**: деепричастие, таджикский язык, английский язык, функциональная семантика, вторичная предикация, сопоставительное языкознание.*

Ibragimova R.A., candidate of philological sciences
associate professor
Department of English Translation and Grammar
Khujand State University named after Academician B. Gafurov

FUNCTIONAL-SEMANTIC FEATURES OF ADVERBIAL PARTICIPLE CONSTRUCTIONS IN THE TAJIK LANGUAGE AND THEIR ENGLISH EQUIVALENTS

***Abstract**: The article examines the functional-semantic features of adverbial participle constructions in the modern Tajik language and the ways in which their meanings are conveyed in English. The study is conducted within the framework of comparative linguistics and functional grammar. The analysis demonstrates that Tajik adverbial participles perform a wide range of semantic functions, including the expression of simultaneity, anteriority, causality, condition, and manner of*

action. It has been established that in English, these meanings are conveyed through participial constructions, perfect participles, and adverbial subordinate clauses. Despite the differences in the grammatical structures of the languages under comparison, a significant degree of functional equivalence can be observed in the means of expressing secondary predication.

***Keywords**: adverbial participle, Tajik language, English language, functional semantics, secondary predication, comparative linguistics.*

1. Введение

В современной лингвистике особое внимание уделяется исследованию неличных форм глагола как средств выражения вторичных предикативных отношений. Одной из наиболее продуктивных форм в таджикском языке является деепричастие, которое совмещает признаки глагола и наречия и выполняет важные синтаксические функции [1, с. 211].

Функционально-семантический подход позволяет рассматривать деепричастные конструкции не только как грамматические формы, но и как средства выражения различных обстоятельственных отношений между действиями. Такие конструкции обеспечивают компактность высказывания и способствуют передаче сложных логико-семантических связей внутри предложения [2, с. 183].

Актуальность исследования определяется необходимостью более глубокого изучения способов передачи деепричастных конструкций таджикского языка средствами английского языка. Особый интерес представляет выявление функциональных соответствий между языками, принадлежащими к различным типологическим системам.

Цель статьи заключается в исследовании функционально-семантических особенностей деепричастных конструкций таджикского языка и выявлении их английских соответствий.

2. Теоретические основы исследования

Деепричастие в таджикском языке традиционно определяется как неличная форма глагола, обозначающая добавочное действие, связанное с основным действием сказуемого [1, с. 214]. Оно сохраняет глагольные признаки, включая способность управлять зависимыми словами и выражать различные временные и обстоятельственные отношения.

В английском языке отсутствует специальная категория деепричастия. Его функции распределены между причастными конструкциями (participial constructions), герундиальными оборотами и придаточными обстоятельственными предложениями [4, p. 1123; 5, p. 781].

С точки зрения функциональной грамматики подобные конструкции относятся к средствам выражения вторичной предикации, поскольку содержат дополнительный предикативный признак по отношению к основному сообщению [6, p. 328].

3. Функционально-семантические особенности деепричастий в таджикском языке

3.1. Значение одновременности

Одновременность представляет собой одну из наиболее распространённых семантических функций деепричастия. Например: хандакунон омад, сурудхонон мерафт, фикр карда менишаст.

В данных конструкциях основное и добавочное действия осуществляются одновременно [2, с. 186].

3.2. Значение предшествования

Деепричастие может обозначать действие, завершившееся до начала основного действия. Например: хонда рафт, навишта фиристод, корро тамом карда баргашт.

Семантика предшествования тесно связана с категорией завершённости действия [1, с. 219].

3.3. Значение причины

Причинные отношения возникают тогда, когда действие, выраженное деепричастием, выступает основанием для основного действия. Например: тарсида гурехт, шод шуда хандид, хаста шуда нишаст.

Подобные конструкции характеризуются тесной логической связью между двумя действиями [6, p. 411].

3.4. Значение условия

Деепричастие может использоваться для выражения условных отношений. Например: кӯшиш карда, муваффақ мешавӣ, хонда, мефаҳмӣ.

3.5. Значение образа действия

В ряде случаев деепричастие характеризует способ осуществления действия. Например: давида омад — прибежал, гиря карда гуфт, хандакунон ҷавоб дод.

Таким образом, деепричастные конструкции обладают значительным функционально-семантическим потенциалом.

4. Английские соответствия таджикских деепричастий

4.1. Participial Constructions

Для передачи значения одновременности наиболее часто используются причастные конструкции. Например: Smiling, he came. Singing, she walked along the road.

Подобные конструкции функционально близки таджикским деепричастиям [4, p. 1131].

4.2. Perfect Participles

Для передачи значения предшествования употребляется форма Perfect Participle. Например: Having read the book, he left. Having finished the work, she returned home.

Такие конструкции выражают завершённость действия относительно основного предиката [5, p. 792].

4.3. Adverbial Clauses

Причинные и условные значения нередко передаются придаточными предложениями. Например: Because he was frightened, he ran away. If you work hard, you will succeed.

Использование придаточных конструкций обеспечивает более явное выражение логико-семантических отношений [7, p. 845].

5. Сопоставительный анализ

Семантическое значение	Таджикский язык	Английский язык
Одновременность	хандакунон	smiling
Предшествование	хонда	having read
Причина	тарсида	being frightened
Условие	кӯшиш карда	if you try
Образ действия	давида	running

Сопоставление показывает, что одна форма таджикского языка может иметь несколько способов передачи в английском языке в зависимости от контекста и семантики высказывания.

6. Переводческие модели

В ходе анализа были выявлены основные способы передачи таджикских деепричастий на английский язык:

1. **Participial rendering**: хандакунон омад → came smiling.
2. **Perfect participle construction**: хонда рафт → having read, he left.
3. **Subordinate clause substitution**: тарсида гурехт → because he was frightened, he ran away.
4. **Lexico-syntactic transformation**: давида омад → he came running.

Выбор конкретной модели определяется семантическими характеристиками исходного предложения и требованиями английского синтаксиса.

7. Обсуждение результатов

Проведённый анализ показывает, что семантическая структура вторичных действий носит универсальный характер. В обоих языках существуют средства выражения одновременности, предшествования, причинности и других обстоятельственных отношений. Однако способы реализации данных значений определяются типологическими особенностями языков.

Таджикский язык характеризуется высоким уровнем грамматикализации деепричастий и наличием специализированных морфологических форм. Английский язык использует преимущественно аналитические конструкции, что обусловливает более разнообразный набор синтаксических средств выражения вторичной предикации [3, с. 118].

8. Заключение

Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы, что деепричастные слососочетания являются важным средством выражения вторичной предикации в таджикском языке. Основными семантическими функциями деепричастий выступают одновременность, предшествование, причинность, условность и образ действия. В английском языке данные значения передаются посредством participial constructions, perfect participles и adverbial clauses. Межъязыковая эквивалентность достигается через систему переводческих трансформаций.

Таким образом, несмотря на структурные различия, таджикский и английский языки демонстрируют функциональную общность в выражении вторичных предикативных отношений.

Использованные источники

1. Расторгуева В.С. Грамматика таджикского языка. – М.: Наука, 1985. – 356 с.
2. Шукуров М. Современный таджикский язык. – Душанбе: Ирфон, 1988. – 412 с.
3. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. – М.: Физматлит, 2005. – 232 с.
4. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A Comprehensive Grammar of the English Language. – London: Longman, 1985. – 1779 p.
5. Huddleston R., Pullum G. The Cambridge Grammar of the English Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 1840 p.
6. Lyons J. Semantics. -Cambridge: Cambridge University Press, 1977. – 897 p.
7. Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E. Longman Grammar of Spoken and Written English. – London: Longman, 1999. – 1204 p.

Лосева А.П.
Сутормина К.М.
кафедра общественного здоровья, организации и экономики здравоохранения имени профессора А.Д. Ткачева
научный руководитель: Корбанова Т.Н., к.м.н.
старший преподаватель кафедры
Кемеровский государственный медицинский университет
Россия, г. Кемерово

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ РАЦИОНАЛЬНОГО ПИТАНИЯ У СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКИХ ВУЗОВ

Аннотация. *Будущие врачи изучают принципы здорового питания, но следуют ли они им сами – вопрос открытый. Обучение в медицинском вузе сопряжено с высокой нагрузкой, стрессом и ненормированным графиком, что создает объективные препятствия для рационального питания.*

Ключевые слова: *питание студентов, медицинский вуз, здоровое питание, режим дня, образ жизни.*

Loseva A.P.
Sutormina K.M.
Department of Public Health, Organization and Economics of Healthcare named after Professor A.D. Tkachev
Kemerovo State Medical University
Russia, Kemerovo
supervisor:
Korbanova T.N., candidate of medical sciences
senior lecturer
Department of Public Health, Organization and Economics of Healthcare named after Professor A.D. Tkachev

THE MAIN PRINCIPLES OF RATIONAL NUTRITION FOR STUDENTS AT MEDICAL UNIVERSITIES

Abstract. *Future doctors study the principles of healthy nutrition, but whether they themselves follow them is an open question. Studying at a medical university involves a high workload, stress, and an irregular schedule, which creates objective obstacles to maintaining a balanced diet.*

Keywords: *students' nutrition, medical university, healthy eating, daily routine, lifestyle.*

Несмотря на изучение физиологии, биохимии и гигиены питания, реальная практика медицинского образования существенно расходится с

теоретическими стандартами: пары в разных корпусах, в том числе клинические базы, дежурства, подработки, постоянный стресс. В таких условиях знания не всегда согласуются с практическим применением [1].

Цель исследования – оценить фактическое питание студентов медицинского вуза, выявить основные барьеры рационального питания и определить, насколько уровень знаний соответствует реальному поведению.

Материалы и метод исследования: проведено анкетирование 52 студентов, обучающихся в ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет» Минздрава России на 1–6 курсах лечебного факультета и в ординатуре, в период с 27 по 29 сентября 2026 года.

Результаты и их обсуждение

В Воронежском государственном медицинском университете им. Н.Н. Бурденко опросили 199 студентов и выяснили: более половины не добирают калории и белок, лишь 44,4% соблюдают трехразовый режим питания, а около 80% регулярно употребляют фастфуд [2]. В Санкт-Петербургском государственном педиатрическом медицинском университете сравнили студентов младших и старших курсов: на 2–3 курсе многие питаются 1–2 раза в день и жалуются на усталость и сонливость, тогда как к 4 курсу рацион становится несколько более сбалансированным [3]. В Крымском федеральном университете имени В.И. Вернадского обследовали небольшую группу студентов-медиков и обнаружили, что даже при нормальном индексе массы тела у них наблюдается дефицит макронутриентов, витаминов и минералов, а также нарушение режима приемов пищи [4].

Сопоставление этих данных позволяет говорить о том, что нарушения питания среди студентов-медиков носят системный, а не единичный характер. Таким образом, необходимо определить: обусловлена ли проблема незнанием принципов правильного питания или отсутствием условий для их соблюдения. Проведен опрос среди студентов ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет» Минздрава России. Гипотеза – знаний у студентов-медиков достаточно, имеет место ограничение условий для их реализации: нехватка времени, неудобное расписание и ограниченный бюджет.

Оптимальную кратность приемов пищи (3–5 раз) соблюдают 61,5% студентов, однако 26,9% питаются 1–2 раза в день – это фактор риска нарушений пищеварения и обмена веществ. Ежедневно завтракают только половина, 30,8% практически никогда не завтракают. Последний прием пищи позже 20:00 или хаотично отмечают 40,4%. Перекусывают регулярно 36,5%, иногда – 40,4%; структура перекусов преимущественно углеводно-жировая: печенье, шоколад и конфеты – 48,1%, чай и кофе – 42,3%, йогурт – 30,8%, бутерброды – 25%. Фрукты и овощи как перекус выбирают лишь 17,3%, орехи – 9,6%.

Овощи, мясо, крупы и молочные продукты присутствуют в рационе большинства регулярно, что можно считать благоприятным фактором [1]. Наряду с этим выявляются три существенных дисбаланса. Первый – дефицит

рыбы: регулярно ее включают в рацион 34,6%, а 57,7% – редко. Это создает риск недостатка омега-3 ПНЖК, витамина D и йода [1]. Второй – дефицит фруктов: ежедневно их употребляют лишь 11,5%. Третий – избыток сладостей: ежедневно их едят 53,8%, регулярно – 80,8%, что значительно превышает рекомендуемые нормы [5]. Потребление воды также не достигает рекомендуемых значений: достаточное потребление воды (1,5 л и более) отмечено лишь у 26,9%, тогда как половина выпивает менее литра чистой воды в сутки [5]. Распространенность вредных привычек настораживает: вейп курят 42,3% – почти столько же, сколько некурящих (48,1%); алкоголь 1–2 раза в месяц и чаще употребляют 57,7%.

При выборе продуктов главными критериями оказываются вкус (75%) и цена (59,6%), тогда как полезность – лишь на третьем месте (46,2%). Быстрота и удобство важны для 42,3%. Основные барьеры рационального питания – нехватка времени (57,7%), нерегулярный график и стрессы (48,1%), слабая сила воли (38,5%), нехватка денег (34,6%). Недостаток знаний указали лишь 5,8%. При этом 80,8% оценивают свои знания как отличные или хорошие, а 26,9% утверждают: теория расходится с реальностью. Свое питание считают полностью рациональным только 1,9%, скорее рациональным – 65,4%, скорее или совершенно нерациональным – 32,7%. Опрошенные отметили симптомы за последний месяц: сонливость днем – 59,6%, быстрая утомляемость – 46,2%, проблемы с кожей, волосами и ногтями – 30,8%, боли в желудке или кишечнике – 19,2%, колебания веса – 19,2%.

Средний интегральный индекс рациональности питания составил 25,7 ± 3,8 балла (медиана 26, диапазон 17–34) из 40 – средний уровень без крайностей. При сравнении групп студенты в общежитии имели несколько более низкий индекс (25,2 ± 3,9), чем снимающие жилье (26,0 ± 3,7) и живущие с родителями (26,4 ± 3,5), но различия незначимы. Работающие студенты чаще пропускали завтрак (66,7% против 45,5%) и чаще ели позже 22:00 (25% против 9,1%), различия на границе значимости ($p = 0,08$). Старшекурсники чаще отмечали нехватку времени и хаотичный график. Курящие вейп имели чуть более низкий интегральный индекс рациональности питания, но различия незначимы.

Выводы

Студенты медицинского вуза демонстрируют средний уровень рациональности питания при высоком уровне теоретических знаний, что подтверждает основную гипотезу о разрыве между знанием и поведением [1]. Основные нарушения режима питания заключаются в том, что четверть студентов питается 1–2 раза в день, половина не завтракает ежедневно, более 40% едят позже 20:00 или хаотично, а половина пьет менее литра воды в сутки [5]. В структуре рациона выражен дефицит рыбы и фруктов при избытке сладостей, которые ежедневно употребляет более половины опрошенных. Доминирующие барьеры носят организационно-экономический характер – нехватка времени, нерегулярный график, стрессы, ограниченный бюджет, тогда как недостаток знаний указали менее 6% респондентов. Более половины

студентов жалуются на сонливость и утомляемость, что может быть частично связано с характером питания. Полученные данные обосновывают необходимость не просветительских лекций, а изменения среды: организации доступного горячего питания на клинических базах и в корпусах, пересмотра расписания с выделением достаточных перерывов, обеспечения бесплатного доступа к питьевой воде, внедрения бюджетных комплексных обедов [6].

Использованные источники

1. Нутрициология и клиническая диетология: национальное руководство / под ред. В. А. Тутельяна, Д. Б. Никитюка. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: ГЭТАР-Медиа, 2026. – 1040 с.
2. Мелихова, Е. П. Влияние учебного процесса на суточный рацион и пищевое поведение студентов медицинского вуза / Е. П. Мелихова, С. Н. Хаустов, А. С. Копылов, Г. А. Юрин, У. В. Точенова // Российский вестник гигиены. – 2026. – № 2.
3. Студенческая наука – 2024: материалы Всероссийского научного форума студентов с международным участием. – Санкт-Петербург: СПбГПМУ, 2024. – С. 198–199.
4. Асанова, Э. Д. Оценка соответствия фактического питания и энергетического баланса студенток медицинского института современным гигиеническим нормативам / Э. Д. Асанова, И. С. Болотенюк, В. А. Лахно // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Биология. Химия. – 2023. – Т. 9 (75), № 3. – С. 18–29.
5. Здоровое питание: информационный бюллетень / Всемирная организация здравоохранения. – 2026. – URL: https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/healthy-diet (дата обращения: 02.10.2026).
6. 5 правил здорового питания для студентов // Здоровое-питание.рф: проект Роспотребнадзора. – 2025. – 25 января. – URL: https://здоровое-питание.рф (дата обращения: 02.10.2026).

УДК 349.41

Созонова Е.А.
студент
научный руководитель: Сухова Е.А., к.ю.н.
Саратовская государственная юридическая академия
Россия, г. Саратов

КАДАСТРОВЫЕ РАБОТЫ В МЕХАНИЗМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КАДАСТРОВОГО УЧЕТА: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ

***Аннотация**: Достоверность сведений Единого государственного реестра недвижимости в значительной мере определяется качеством документов, подготавливаемых кадастровыми инженерами, тогда как законодательство регулирует кадастровые работы и государственный кадастровый учет разными федеральными законами. Цель исследования состоит в определении места кадастровых работ в механизме государственного кадастрового учета объектов недвижимости. Применены формально-юридический, историко-правовой и системный методы, анализ судебной практики и официальных статистических данных. Установлено, что кадастровые работы занимают самостоятельное место в механизме государственного кадастрового учета. Их результаты используются при осуществлении учетных действий, а правовое регулирование сочетает частноправовые и публично-правовые начала. Обоснована необходимость переноса центра тяжести контроля на стадию подготовки межевых и технических планов.*

***Ключевые слова**: недвижимость, государственный кадастровый учет, Единый государственный реестр недвижимости, кадастровая деятельность, кадастровые работы, кадастровый инженер, реестровая ошибка.*

Sozonova E.A.
student
scientific supervisor:
Sukhova E.A., candidate of legal sciences
Saratov State Law Academy
Russia, Saratov

CADASTRAL WORKS WITHIN THE MECHANISM OF STATE CADASTRAL ACCOUNTING: LEGAL NATURE AND REGULATION PROBLEMS

***Abstract**: The reliability of the Unified State Register of Real Estate largely depends on the quality of documents prepared by cadastral engineers, whereas*

cadastral works and state cadastral registration are governed by different federal laws. The purpose of the study is to determine the place of cadastral works in the mechanism of state cadastral registration of real estate objects. Formal legal, historical legal and systemic methods, as well as the analysis of case law and official statistics, were applied. It has been established that cadastral works occupy an independent place in the mechanism of state cadastral registration. Their results are used in carrying out registration activities, and the legal regulation combines private law and public law principles. The need to shift the focus of control to the stage of preparing boundary plans and technical plans is substantiated.

***Keywords**: real estate, state cadastral registration, Unified State Register of Real Estate, cadastral activity, cadastral works, cadastral engineer, registry error.*

Введение

Единый государственный реестр недвижимости задуман как источник достоверных сведений, однако фактическое содержание его кадастровой части формируется за пределами государственного органа: координаты характерных точек, площадь и контур здания попадают в реестр из документов, подготовленных кадастровым инженером. Масштаб проблемы виден из данных, положенных в основу государственной программы «Национальная система пространственных данных»: на 1 января 2021 г. из 61,04 млн учтенных земельных участков установленные границы имели 37,79 млн, то есть 61,9 %, более 23 млн участков оставались без границ, что сопровождается большим количеством споров, а в реестре накоплено значительное количество реестровых ошибок [3]. К концу 2030 г. доля качественных и актуальных сведений ЕГРН должна достигнуть 95 %, а срок учета и регистрации прав сократиться до одного дня [3; 13].

Законодатель при этом развел кадастровые работы и учетную процедуру по разным актам: первые урегулированы Федеральным законом № 221-ФЗ «О кадастровой деятельности», учет осуществляется по правилам Федерального закона № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости». Самостоятельное правовое регулирование кадастровых работ и государственного кадастрового учета ставит вопрос об их взаимосвязи, разграничении ответственности кадастрового инженера и государственного регистратора, а также о пределах проверки подготовленных документов. Цель статьи состоит в определении места кадастровых работ в механизме государственного кадастрового учета объектов недвижимости с учетом новейших изменений законодательства и практики.

Методы исследования

Исследование опирается на формально-юридический метод, примененный к нормам федеральных законов о кадастровой деятельности и о государственной регистрации недвижимости, историко-правовой метод, позволивший проследить трансформацию модели учета после 2008 г., и системный метод, с помощью которого сопоставлены гражданско-правовые, административно-правовые и уголовно-правовые средства обеспечения

достоверности реестра. Эмпирическую основу составили судебный акт Верховного Суда РФ, официальные статистические данные, разъяснения Росреестра и публичные высказывания руководителей органов исполнительной власти.

Результаты исследования

До реформы 2007–2008 гг. межевание земельных участков и основанный на нем учет составляли единый землеустроительно-кадастровый процесс; закон о государственном кадастре недвижимости разделил его на подготовку необходимых документов частными лицами и учет, осуществляемый государственными структурами, а легализация профессии кадастрового инженера стала резким поворотом в кадастровых отношениях [10, с. 104-106]. Еще в 2010 г. А.А. Варламов отмечал, что коммерческие исполнители измерений фактически обслуживают органы учета и регистрации, не будучи связаны с ними ни публичными, ни частными отношениями и системой взаимной ответственности, и видел корень проблем в двойственности правовой природы учетных систем [5, с. 35-37]. Последующее развитие законодательства эту двойственность не устранило, а институционализировало: с 2017 г. учет сосредоточен в Федеральном законе № 218-ФЗ, а Федеральный закон № 221-ФЗ регулирует только кадастровую деятельность, роль которой в общем механизме учетно-регистрационной системы, по оценке Е.В. Зазолиной, должна была возрасти [6, с. 48].

Связь двух институтов заложена в легальной дефиниции: кадастровые работы определены через результат, то есть подготовку документов, содержащих сведения, необходимые для государственного кадастрового учета (ч. 4 ст. 1 Федерального закона № 221-ФЗ) [1]. Результатом работ закон называет межевой план, технический план или акт обследования (ст. 37), и те же документы служат основанием учета по ст. 14 Федерального закона № 218-ФЗ [2]. А.А. Коренная подчеркивает, что именно на их основании вносится запись в ЕГРН, и допускает их отнесение к официальным документам [7, с. 16]. Следовательно, описательное содержание кадастра формирует кадастровый инженер, а регистратор проверяет документ, не выполняя измерений и не обследуя объект; не случайно Е.В. Зазолина называет описание объекта и определение его характеристик базой кадастрового учета [6, с. 49]. Кадастровые работы представляют собой самостоятельную деятельность, результаты которой в предусмотренных законом случаях служат необходимой основой государственного кадастрового учета.

Форма этой стадии остается частноправовой: работы выполняются по договору подряда и подчиняются гражданскому законодательству [9, с. 36], а сочетание профессионального и предпринимательского начал в деятельности инженера создает риск нарушения баланса интересов, когда недочеты документов оборачиваются приостановлением или отказом в учете и повторной, как правило платной, доработкой [6, с. 44–45]. Законодатель отвечает на это встраиванием исполнителя в учетную процедуру. Договор подряда может обязывать инженера представлять документы в орган

регистрации прав без доверенности, причем полномочие подтверждается самим договором и документами о приемке заказчиком результатов работ (ч. 2.1 и 2.1-1 ст. 36 Федерального закона № 221-ФЗ); эту новеллу связывают с минимизацией числа приостановлений [6, с. 49]. Планы могут проходить предварительную автоматизированную проверку в сервисе «Личный кабинет кадастрового инженера» с помещением на временное хранение (ст. 20 Федерального закона № 218-ФЗ). Возможность представления документов в орган регистрации прав расширяет участие кадастрового инженера в учетной процедуре, не изменяя самостоятельного характера кадастровых работ.

Наиболее значимое изменение последнего времени действует с 1 марта 2025 г.: учет и (или) регистрация прав приостанавливаются, если в ЕГРН отсутствуют сведения о местоположении границ земельного участка, являющегося предметом договора, либо участка, на котором расположены здание, сооружение или объект незавершенного строительства (пп. 21.1 и 21.2 ч. 1 ст. 26 Федерального закона № 218-ФЗ). Росреестр разъяснил, что основание применяется при отсутствии в реестре координат характерных точек границ в виде замкнутого контура либо при их определении в иной системе координат [14]. Уточнение границ превращается из предпосылки учета вновь образованного объекта в условие оборота уже учтенных участков, а с учетом числа участков без границ эта стадия приобретает массовый характер.

Обратная сторона такой зависимости проявляется в институте реестровой ошибки, под которой закон понимает воспроизведенную в ЕГРН ошибку в межевом плане, техническом плане, карте-плане территории или акте обследования, допущенную лицом, выполнившим кадастровые работы (ч. 3 ст. 61 Федерального закона № 218-ФЗ). Ю.В. Робская и соавторы называют причинами таких ошибок как просчеты инженеров, так и пересчет координат между системами и указывают, что их накопление снижает уровень правовой защиты правообладателей и порождает споры [12, с. 163-165]. По приводимой в литературе оценке Минэкономразвития России, неточные или устаревшие границы имеют около 15–20 % участков [8, с. 287]. Показательно дело, рассмотренное Верховным Судом РФ в 2025 г.: участок субъекта РФ был поставлен на учет с границами в 2007 г., а полное наложение его границ на участки истца обнаружилось лишь в 2018 г. при уточнении их границ. Суд первой инстанции установил реестровую ошибку, апелляция отменила решение в этой части по мотиву ненадлежащего способа защиты, а Судебная коллегия признала спор о фактических и реестровых границах неразрешенным и указала, что юридическую квалификацию требований определяет суд [4]. Рассмотренный судебный спор показывает, что несоответствие сведений ЕГРН фактическому местоположению границ земельных участков может обнаруживаться при последующем уточнении границ.

Публично-правовое значение результатов кадастровых работ проявляется в установлении специальной ответственности кадастрового

инженера за нарушения, допущенные при их выполнении. Вместе с тем приведенные статистические данные позволяют поставить вопрос о применении предусмотренных законодательством мер ответственности. По данным за 2019 г., Росреестр направил в саморегулируемые организации сведения о нарушениях примерно 5,5 тыс. инженеров, к дисциплинарной ответственности привлечены 1136 [6, с. 51]. Статья 170.2 УК РФ почти не применяется: один приговор в 2019 г., ни одного в 2020 и 2022 гг., один приговор и одно прекращенное дело в 2021 г., один привлеченный к ответственности в первом полугодии 2023 г. Вред от таких деяний А.А. Коренная определяет как нематериальный, связанный с достоверностью сведений реестра [7, с. 12, 15], то есть объектом охраны выступает сам публичный реестр. Прежнее законодательство знало и прямую обратную связь: квалификационный аттестат аннулировался, если отказы в учете по документам инженера составляли за год 25 % и более решений при их общем числе не менее двадцати [9, с. 38].

Публичная значимость кадастровых работ выразилась и в участии государства на этом рынке. Кадастровая палата, а затем ее правопреемник получили право выполнять кадастровые работы при одновременной реализации отдельных полномочий органа регистрации прав [11, с. 81]. Руководитель Росреестра О.А. Скуфинский объяснял создание публично-правовой компании «Роскадастр» необходимостью объединить четыре учреждения с зачастую дублирующимися функциями, а Председатель Правительства РФ М.В. Мишустин определил ее главную задачу так: «создать клиентский путь, в котором все должно быть удобно и быстро» [13]. Т.И. Подколзина видит в компании участника рынка кадастровых услуг с особым положением, смещающего пропорцию в сторону государственного участия, а в перспективе к монополизации [11, с. 83]. Ключевые функции учета при этом по-прежнему выполняют государственные регистраторы, а пределы правовой экспертизы документов детально не урегулированы [10, с. 110]. Совмещение ролей исполнителя работ и участника учетной процедуры при такой неопределенности размывает границу между подготовительной стадией и самим учетом.

Поскольку качество кадастровых документов влияет на достоверность сведений ЕГРН, особое значение приобретает предупреждение ошибок при подготовке таких документов. Обоснованно сделать предварительную автоматизированную проверку межевого и технического планов обязательным условием их представления в орган регистрации прав, тогда как сейчас закон лишь допускает помещение прошедших ее документов в электронное хранилище. В ст. 36 Федерального закона № 221-ФЗ следует закрепить обязанность инженера доработать документы при приостановлении учета по причинам, связанным с их содержанием, как предлагает Е.В. Зазолина [6, с. 45], дополнив ее правилом о безвозмездности доработки. Федеральный закон № 218-ФЗ нуждается в нормах о пределах правовой экспертизы результатов кадастровых работ, а фрагментарно урегулированный

правовой статус кадастрового инженера [8, с. 296] требует системного обновления.

Заключение

Кадастровые работы занимают самостоятельное место в механизме государственного кадастрового учета. Их результаты в предусмотренных законодательством случаях служат необходимой основой внесения сведений в ЕГРН. Частноправовой характер отношений по выполнению кадастровых работ сочетается с публично-правовым значением подготовленных документов. Это обусловливает необходимость разграничения ответственности кадастрового инженера за результаты выполненных работ и полномочий государственного регистратора по проверке представленных документов. Право инженера представлять документы без доверенности, предварительная проверка планов и приостановление учетно-регистрационных действий при отсутствии в реестре границ участка свидетельствуют о последовательном встраивании этой стадии в учетную процедуру и о превращении межевания в условие оборота земельных участков. Масштаб реестровых ошибок и слабая действенность дисциплинарной и уголовной ответственности показывают, что последующие санкции не обеспечивают достоверности реестра, поэтому центр тяжести регулирования должен сместиться к превентивному контролю на стадии подготовки документов и к четкому определению пределов их проверки регистратором.

Использованные источники

1. Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ «О кадастровой деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 31. Ст. 4017.
2. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4344.
3. Постановление Правительства РФ от 1 декабря 2021 г. № 2148 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Национальная система пространственных данных»» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 50 (ч. IV). Ст. 8542.
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 25 февраля 2025 г. № 18-КГ24-394-К4 [Электронный ресурс] // Верховный Суд Российской Федерации. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2452838 (дата обращения: 25.09.2026).
5. Варламов А. А. Правовое обеспечение государственных информационных систем в сфере недвижимости // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2010. № 11 (110). С. 27–41.
6. Зазолина Е. В. Правовое регулирование кадастровой деятельности в России: становление и перспективы развития // Вестник Поволжского института управления. 2022. Т. 22, № 2. С. 40–53.
7. Коренная А. А. Внесение заведомо ложных сведений в межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка

или земельных участков либо карту-план территории (ст. 170.2 УК РФ): проблемы уголовной ответственности // Проблемы правоохранительной деятельности. 2024. № 4. С. 11–18.
8. Косова А. Ю., Лыков Э. Н. Правовое регулирование по землеустройству по законодательству Российской Федерации: проблемы реализации и перспективы развития // Вестник науки. 2025. Т. 3, № 10 (91). С. 281–300.
9. Овчинникова Н. Г., Шумкова Е. С. Ответственность кадастрового инженера в сфере земельно-имущественных отношений // Экономика и экология территориальных образований. 2015. № 3. С. 36–39.
10. Папаскири Т. В., Липски С. А. Процесс трансформации госорганов, участвующих в кадастровых отношениях // Власть. 2023. № 5. С. 104–111.
11. Подколзина Т. И. Публично-правовая компания «Роскадастр» – новый субъект кадастровых отношений // Аграрное и земельное право. 2023. № 6 (222). С. 81–83.
12. Робская Ю. В., Радчевский Н. М., Зайцева Я. В. Реестровые ошибки и практика их исправления // Региональные проблемы преобразования экономики. 2023. № 4 (150). С. 162–169.
13. Кадастровая палата к началу нового года войдет в структуру Роскадастра [Электронный ресурс] // Официальный сайт Администрации Пестовского муниципального района. URL: https://adm-pestovo.gosuslugi.ru/netcat_files/userfiles/Informatsiya_Gosorganov/Roskadastr/2022/30.12.2022.pdf (дата обращения: 25.09.2026).
14. Письмо Росреестра от 1 августа 2025 г. № 13-7726-АБ/25 «О приостановлении учетно-регистрационных действий» [Электронный ресурс] // ППТ.ру. URL: https://pravo.ppt.ru/pismo/rosreyestr/n-13-7726-ab-25-319326 (дата обращения: 25.09.2026).

УДК 349.2

Черникова О.А.
магистрант
научный руководитель:
Сухова Н.А., к.ю.н.
Саратовская государственная юридическая академия

ОСОБЕННОСТИ ОХРАНЫ ТРУДА В АГРОПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

***Аннотация**: В статье исследуются понятие, цели и принципы охраны труда применительно к агропромышленному комплексу. Рассматриваются законодательный и доктринальные подходы к определению охраны труда, выявляются особенности профессиональных рисков, обусловленные спецификой сельскохозяйственной деятельности. Обосновывается вывод о том, что особенности сельскохозяйственного труда не требуют изменения легального понятия охраны труда, однако обусловливают дифференциацию правового регулирования и специальное содержание требований, направленных на обеспечение безопасности труда работников аграрного сектора.*

***Ключевые слова**: охрана труда, агропромышленный комплекс, специальная оценка условий труда, сельскохозяйственный труд.*

Chernikova O.A.
master's student
scientific supervisor:
Sukhova N.A., candidate of legal sciences
Saratov State Law Academy

FEATURES OF LABOR PROTECTION IN THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX: THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS

***Abstract**: The article examines the concept, goals, and principles of occupational safety in relation to the agro-industrial complex. It considers legislative and doctrinal approaches to defining occupational safety and identifies the specific features of occupational risks arising from the nature of agricultural activities. The conclusion is substantiated that the specifics of agricultural labour do not require a change to the legal concept of occupational safety, but they do necessitate differentiation of legal regulation and a special content of requirements aimed at ensuring the occupational safety of workers in the agricultural sector.*

***Keywords**: occupational safety, agro-industrial complex, special assessment of working conditions, agricultural labour.*

Охрана труда является фундаментальным институтом трудового права, необходимым для обеспечения сохранения жизни и здоровья работников в ходе их трудовой деятельности. В аграрной сфере значение данного института существенно возрастает, поскольку сельскохозяйственный труд связан с повышенными профессиональными рисками, вызванными тесной взаимосвязью с биологическими процессами, зависимостью от природно-климатических условий, сезонностью производства, применением сложной техники и агрохимикатов и др. При этом теоретические основы охраны труда в агропромышленном комплексе (далее – АПК) в настоящее время недостаточно изучены, что осложняет создание эффективного отраслевого регулирования. Данная статья посвящена исследованию понятия, целей и принципов охраны труда в АПК.

Легальное определение охраны труда, представленное в п. 1 ст. 209 Трудового кодекса Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (далее – ТК РФ) [1], рассматривает ее как систему сохранения жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности, включающая в себя правовые, социально-экономические, организационно-технические, санитарно-гигиенические, лечебно-профилактические, реабилитационные и иные мероприятия.

Однако несмотря на законодательное закрепление исследуемого понятия в научном сообществе ведутся дискуссии относительно его сущностного содержания, что обусловливает необходимость дальнейшего теоретического анализа. К примеру, Н. А. Самарская считает, что «охрана труда – это комплексная система, включающая в себя как правовые нормы, мероприятия и требования, так и средства, направленные на оптимизацию процесса обеспечения безопасности труда» [2, с. 43]. Рассматриваемое определение преимущественно совпадает с нормативно установленной дефиницией. Однако автор делает акцент на том, что основная задача охраны труда – это установление баланса взаимных интересов работника и работодателя.

М. А. Сороколетова и В. В. Федорков, напротив же, рассматривают охрану труда как «структуру технических, гигиенических, социальных, а также организационных мероприятий, для обеспечения здоровья и безопасности, а также допустимого условия труда для работника в определенной сфере деятельности» [3, с. 146]. Предложенное определение является шире законодательно установленного, поскольку оно рассматривает охрану труда не просто как совокупность различных мероприятий, а как целостную систему, базирующуюся на принципах создания безопасной среды для осуществления трудовой деятельности.

Существует также широкий подход к определению правовой природы охраны труда. В соответствии с данным подходом, «охрана труда — это все аспекты трудовой деятельности, направленные на обеспечение безопасности труда (условия труда, организация рабочего места, психоэмоциональное состояние внутри рабочего коллектива и так далее)» [4, с. 55]. На наш взгляд,

у данного подхода имеется существенный недостаток – определение избыточно по своему содержанию, что потенциально создает риски для включения в него второстепенных элементов, препятствующих точному установлению сущности исследуемого института.

В связи с тем, что научным сообществом не выработана единая позиция относительно дефиниции «охрана труда», возникает необходимость в разработке собственного определения. Унификация определения позволит не только достичь единообразия понятийного аппарата в научных исследованиях, но и глубже раскрыть правовую природу института охраны труда в Российской Федерации. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что применительно к агропромышленному комплексу содержание охраны труда приобретает определенную специфику, обусловленную особенностями сельскохозяйственной деятельности. При этом речь идет не о необходимости изменения легального понятия охраны труда, закрепленного в ст. 209 ТК РФ, а о дифференциации правового регулирования с учетом характерного для сельского хозяйства сочетания биологических, химических, механических, природно-климатических и психофизиологических профессиональных рисков.

Однако следует отметить, что применение классического определения «охраны труда» в плоскости АПК сопряжено с необходимостью его содержательной модификации. Это обусловлено тем, что сельскохозяйственная деятельность имеет свою специфику, что детерминирует формирование особого отраслевого режима охраны труда, который не может ограничиваться общими нормами ТК РФ. Как справедливо указывает С. К. Галимуллина, «сельскохозяйственный труд отличается от всех других тем, что он находится в непосредственной зависимости от законов природы, биологических процессов, климатических изменений, и это нужно учитывать» [5, с. 79]. Важно понимать, что в АПК важен не комфорт рабочего места, как в офисе, а то, как природная и производственная среда приспособлена к возможностям человеческого организма с помощью современных технологий и инженерных решений.

Применительно к АПК охрана труда представляет собой межотраслевой правовой институт, ориентированный на минимизацию рисков биологического, химического, механического и психофизиологического характера, источником которых выступают как антропогенные, так и естественно-природные факторы.

Основной целью охраны труда является «улучшение условий труда, достижение социального эффекта, т.е. обеспечение безопасности труда, сохранение жизни и здоровья работающих, сокращение количества несчастных случаев и заболеваний на производстве» [6, с. 574]. Улучшение условий труда дает и экономические результаты: рост прибыли (в связи с повышением производительности труда); сокращение затрат, связанных с компенсациями за работу с вредными и тяжелыми условиями труда;

уменьшение потерь, связанных с травматизмом, профессиональной заболеваемостью; уменьшением текучки кадров и т.д.

Применительно к аграрному сектору цель охраны труда перестает быть абстрактной. Улучшение условий труда представляет здесь комплекс мер, направленных на борьбу с уникальными рисками этой отрасли. К примеру, в растениеводстве к таким мерам можно отнести профилактику тепловых ударов и переохлаждений, защиту от воздействия агрохимикатов; в животноводстве – обеспечение безопасных условий труда при работе с кормами и сельскохозяйственным оборудованием, предотвращение травм при обслуживании животных. Таким образом, цели охраны труда в АПК носят комплексный характер и требуют учета всех производственных и природных факторов.

Принципы охраны труда представляют собой основополагающие идеи, начала, определяющие направленность и содержание правового регулирования в данной сфере. К числу ключевых принципов относятся:

1. Принцип приоритета сохранения жизни и здоровья работника. Указанный принцип является основополагающим для охраны труда в аграрном секторе. Он детализирован в профильном Отраслевом соглашении по агропромышленному комплексу Российской Федерации на 2024-2026 годы [7]. Согласно документу, обеспечение безопасности жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности является одним из приоритетов деятельности организаций АПК.

2. Принцип обеспечения права работника на труд в условиях, соответствующих требованиям охраны труда. Каждый работник имеет субъективное право на рабочее место, свободное от угроз для его жизни и здоровья. В АПК его реализация имеет специфику, обусловленную тем, что рабочее место здесь часто нестационарно, сопряжено с технологическими процессами и биологическими факторами, а также сезонностью производства.

3. Принцип профилактики несчастных случаев и ухудшения здоровья работников. Акцент должен ставиться на заблаговременном выявлении, оценке и контроле профессиональных рисков, что предполагает анализ потенциальных опасностей на этапе проектирования рабочих мест, внедрение безопасных технологий, выбор соответствующих средств индивидуальной и коллективной защиты, а также постоянный мониторинг условий труда. В сельском хозяйстве это особенно важно, поскольку многие риски (например, воздействие пестицидов) имеют отложенный эффект.

4. Принцип ответственности, то есть закрепление четких обязанностей и ответственности за соблюдением требований охраны труда за всеми субъектами: работодателями, работниками, государственными контролирующими органами.

5. Принцип информирования и обучения работников. Как следует из Постановления Правительства РФ от 24 декабря 2021 г. № 2464 «О порядке обучения по охране труда и проверки знания требований охраны труда» [8], работник не может защитить себя от опасности, о которой он не знает.

Обязанность работодателя – обеспечить полное информирование и необходимое обучение работников. В аграрном секторе это требует учета сезонности, текучки кадров и необходимости проведения инструктажей непосредственно на рабочих местах.

Подводя итог вышеизложенному, сделаем вывод, что установленная законодателем в ст. 209 ТК РФ дефиниция охраны труда, являясь универсальной, не в полной мере учитывает отраслевую специфику сельскохозяйственного труда. На наш взгляд, под охраной труда в АПК стоит понимать межотраслевой правовой институт, ориентированный на минимизацию рисков биологического, химического, механического и психофизиологического характера, источником которых выступают как антропогенные, так и естественно-природные факторы.

Цели охраны труда в АПК носят комплексный характер и не сводятся к общему улучшению условий, поскольку они направлены, прежде всего, на минимизацию биологических, химических, механических и психофизиологических рисков, характерных для аграрной отрасли.

Принципы охраны труда в АПК, обозначенные в работе, сохраняют содержание общих начал ст. 210 ТК РФ, но при этом наполняются отраслевым содержанием под влиянием сезонности, нестационарности рабочих мест, природно-климатических и биологических факторов.

Использованные источники

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 25.05.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3; 2026. – № 22. – Ст. 2743.
2. Самарская Н. А. Понятие «охрана труда»: новые подходы к конструированию дефиниции с помощью метода двухуровневой триадической дешифровки категории // Социально-трудовые исследования. 2022. № 3 (48). С. 35-45.
3. Сороколетова М. А., Федорков В. В. Понятие и значение охраны труда // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 86-7. С. 146-148.
4. Агаев М. А. К вопросу о понятии и принципах охраны труда в России // StudNet. 2023. № 1. С. 50-55.
5. Галимуллина С. К. Правовое регулирование трудовых отношений в деятельности сельскохозяйственных предприятий // Международная научная конференция молодых ученых и специалистов, посвященная созданию объединенного аграрного вуза в Москве: сборник материалов Международной научной конференции молодых ученых и специалистов, посвященной созданию объединенного аграрного вуза в Москве, г. Москва, 3-4 июня 2014 г., ФГБОУ ВО РГАУМСХА имени К.А. Тимирязева. М.: Издательство РГАУ-МСХА, 2015. С. 79-81.
6. Гостева С. Р. Экологическая парадигма перехода к устойчивому развитию, модернизации России // European Social Science Journal. 2013. № 4 (32). С. 574-581.

7. Отраслевое соглашение по агропромышленному комплексу Российской Федерации на 2024-2026 годы [Электронный ресурс]// КонтурЭкстерн. URL: https://www.kontur-extern.ru/info/normativ/document/1/479297-otraslevoe-soglashenie-po-agropromyshlennomu-kompleksu-rossiyskoy-federatsii-na-2024-2026 (дата обращения: 15.08.2026).
8. Постановление Правительства РФ от 24 декабря 2021 г. № 2464 (ред. от 30.06.2026) «О порядке обучения по охране труда и проверки знания требований охраны труда» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 1 (часть II). – Ст. 171; 2026. – № 27. – Ст. 3717.

Оглавление

ОСНОВНОЙ РАЗДЕЛ 5

Abrahamyan A., THE APPLICATION OF THE CLIMATE BOX IN THE GEOGRAPHY TEACHING PROCESS 5

Anwar Mohsen Sagab, Victor Shaker, Yasmine Abd El-Nasser, POTENTIAL ECONOMY-WIDE EFFECTS OF TECHNOLOGICAL MODERNIZATION AND TRADE-COST REFORMS ON EGYPT'S HORTICULTURAL COMPETITIVENESS: A RECURSIVE DYNAMIC COMPUTABLE GENERAL EQUILIBRIUM ANALYSIS 12

Turaeva G.G., THE ARAL SEA REGION ECOLOGICAL CRISIS: QUANTITY AND QUALITY OF AMU DARYA WATER RESOURCES AND PROSPECTS FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT 42

Абдижалилов С.А., Ешчанова С.Ш., СОСТОЯНИЕ КАЧЕСТВА ПИТЬЕВОЙ ВОДЫ В АМУДАРЬИНСКОМ РАЙОНЕ 47

Арсаева А.Х., ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЫПЛАТ ЧЛЕНАМ СЕМЬИ ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО, ПОГИБШЕГО ПРИ УЧАСТИИ В СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ 53

Бобозода И.С., Алиева М.Н., НЕОБХОДИМОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ ТВОРЧЕСКИХ УМЕНИЙ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ ПОСРЕДСТВОМ ПРЕДМЕТА «ИСКУССТВО И ТРУД» 61

Гобозов В.Ф., ЦХИНВАЛЬСКИЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ РУБЕЖ: СОБЫТИЯ, ИТОГИ И УРОКИ АВГУСТА 2008 ГОДА 65

Дунаева С.А., ВЛИЯНИЕ МАЛОПОДВИЖНОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ (ГИПОДИНАМИИ) НА КОГНИТИВНЫЕ СПОСОБНОСТИ УЧАЩИХСЯ (ПАМЯТЬ, ВНИМАНИЕ, СКОРОСТЬ РЕАКЦИИ) 71

Ермакова М.А., КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ КОРРУПЦИОННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ 78

Ермакова М.А., ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОФИЛАКТИКИ КОРРУПЦИИ В ПРОКУРАТУРЕ 85

Камалитдинова Э.Ю., РАЗРЫВ МЕЖДУ ОБЕЩАНИЯМИ РАБОТОДАТЕЛЯ И ОПЫТОМ СОТРУДНИКА КАК ПРОБЛЕМА HR-БРЕНДИНГА 91

Курбанов В.Ш., РЕЦЕПТУРНАЯ ПЛАТФОРМА КАК ИНСТРУМЕНТ МАСШТАБИРОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ КОНДИТЕРСКИХ ИЗДЕЛИЙ БЕЗ САХАРА 96

Максут Г.А., УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБСТВА И ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ 104

Ойбутаева Н.У., Худаймуратов Ф.О., ГИПОТИРЕОЗ — СКРЫТЫЙ ВРАГ: НЕЗАМЕТНЫЕ СИМПТОМЫ 112

Реутов П.Н., СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРАНСПОРТНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ 117

Царьков Г.Д., ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОГО БРЕНДА МЕНЕДЖЕРА ПРОЕКТА В СФЕРЕ РЕМОНТНО-СТРОИТЕЛЬНЫХ УСЛУГ: ИНСТРУМЕНТЫ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ 121

ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ 130

Акбашева А.А., ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ОСНОВА ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА 130

Алескерова Н.С., ЛОКАЛИЗАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ 134

Арделяну Е.Г., РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА МОЛОДЁЖИ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ПРОФИЛАКТИКИ АУТОАГРЕССИВНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ 140

Бортулева Н.Л., ЛИЧНОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСПОЗИЦИЙ СТУДЕНТОВ: ПРОФИЛЬ КОНСЕРВАТИВНЫХ И РАДИКАЛЬНЫХ МЯГКИХ И ЖЕСТКИХ ТИПОВ 150

Ибрагимова Р.А., ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕЕПРИЧАСТНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ АНГЛИЙСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ 163

Лосева А.П., Сутормина К.М., ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ РАЦИОНАЛЬНОГО ПИТАНИЯ У СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКИХ ВУЗОВ 168

Созонова Е.А., КАДАСТРОВЫЕ РАБОТЫ В МЕХАНИЗМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КАДАСТРОВОГО УЧЕТА: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ 172

Черникова О.А., ОСОБЕННОСТИ ОХРАНЫ ТРУДА В АГРОПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ 179